

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1915.

№ 6.

МАРТЪ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Архипастырское посланіе къ Харьковской епархіи. Архіепископъ **Антоній**. 711—714
- Устройство и Управленіе Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности. (Продолж.). Проф.-Прот. **Т. М. Буткевича**. 715—751
- Опытъ нравственнаго православно-Богословія въ алегетическомъ освѣщеніи. (Продолж.). Проф.-прот. **Н. Стеллецкаго**. 752—779
- Православно-христианская теософія. (Продолж.). Свщ. **Н. Ремизова**. 780—787
- Религія радости и религія страданія. (Продолж.). **В. Тихомирова**. 788—810
- Безъба Христианства отъ остатковъ язычества въ древней Русі. (Продолж.). **Н. М. Гальперинаго**. 811—852
- „Современное механическое мировоззрѣніе и доказательства существованія Божія“. Свщ. **И. Анзерсальскаго**, **И. Поддубнаго**. 853—840

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отъ Государственной Комиссіи Посланія въгетовъ.—Отъ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Высочества покровительствомъ Общества православной веры подстраивающаго на войнѣ солдатомъ и ихъ семьямъ.—Отношеніе на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Архіепископа Харьковскаго **Антонія**.—Рапортъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Архіепископу Харьковскому и Актарскому, Председателя Волчанскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совета.—Отъ правленія Оумскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ пожертвованій на лазаретъ Харьковскаго епархіальнаго духовенства.—II. Восмѣрная покупительная жертва Божія и наши раскупительныя жертвы человѣчскія. Свщ. **Д. Рамизова**.—Епархіальная хроника.—Индепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія (Стр. 841—870).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская уллиц, д. № 2.

1915.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлью въ этомъ журналѣ помѣщаются извѣдыванія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: повѣствованія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки преимущественно пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень тѣхъ или иныхъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихода въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдельными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное издаваніе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ краткомъ богословско-философскаго содержания свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цена за годовое издаваніе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Реклама въ журналѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Нечковской, Петровскія дачи; въ кн. магазинѣ Н. Д. Савина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Губова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ известныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полный комплектъ изданія за 1918 г. за 8 руб. съ перес. За другіе годы вышедшія нумеры журнала можно быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высочайшеосвященнаго Архіепископа Харьковского и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разные мѣсяцы свѣдѣній. Цѣна за 1 в. рубль съ пересылкою. Въ каждой книжкѣ содержится собраніе словъ Его Высочайшеосвященства, Архіепископа Архангелскаго и Свѣтлорудскаго, произнесенныхъ въ мѣсяцъ свѣдѣній. Харьковской Духовной Семинаріи.

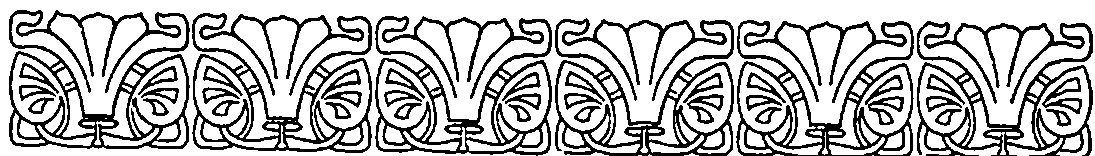
Пісці воодреу.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI.

Дозводно цензурою. Харьковъ, 31 Марта 1916 года.

Цензоръ *Протоіерей Петръ Толмиъ.*

АРХИПАСТЫРСКОЕ ПОСЛАНИЕ

къ Харьковской паствѣ.

Смиренный Антоній, Божією милостію Архієпископъ Харьковскій и Ахтырскій, православнымъ жителямъ Харьковской епархіи: благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастіе Святаго Духа буди со всѣми вами.

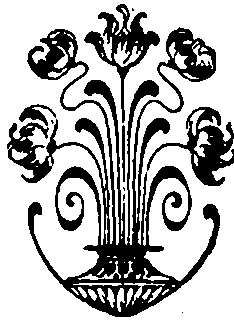
Святой Апостоль Іоаннъ пишетъ о себѣ: *„для меня нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ“* (3 Іоан. 4). Такъ-же чувствуемъ и мы, грѣшные пастыри, но освящаемые Божественнымъ Духомъ для возвѣщенія воли Божіей Христову стаду: для насъ нѣтъ большей радости; какъ узнавать, что наши духовныя чада ходятъ въ истинѣ. — Что разумѣется подѣ сими словами: ходятъ въ истинѣ? конечно исполненіе заповѣдей, а особенно той, о которой Господь спроситъ на Страшномъ Судѣ Своемъ: *„взлжаша и дасте Ми ясти, возжадаша и напоисте Мене“* и прочее. Такъ и объясняетъ сіе хож-

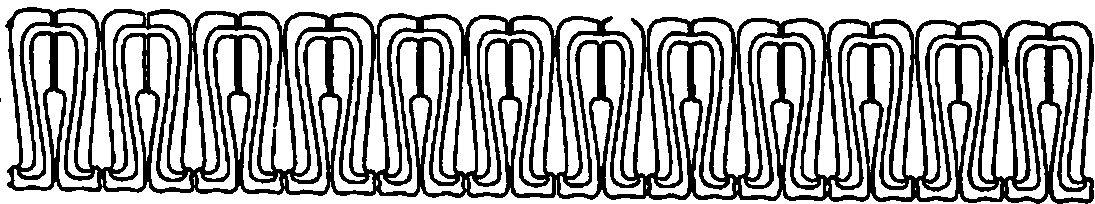
деніе во истинѣ Св. Апостолъ Іоаннъ, продолжая свои слова далыпе: *возлюбленный, ты какъ вѣрный поступаешь въ томъ, что дѣлаешь для братьевъ и для странниковъ* (3 Іоан., ст. 5). Отсюда видите братіе, что *хождение въ истинѣ* есть прежде всего милосердіе къ нуждающимся. Этимъ-то и радуется насъ въ настоящій годъ Харьковская паства, творя дѣла любви для нуждающихся: для воиновъ на полѣ брани, куда она посылаетъ теплую одежду и всякія снадобья,— для раненыхъ, устраивая имъ помѣщенія и содержаніе,— для разоренныхъ жителей Галиціи въ Австріи, которымъ собрала немало денегъ, и зерна, и соли, наконецъ особенно—для семействъ солдатскихъ, которые живутъ среди васъ, на вашихъ глазахъ. Для нихъ жители городовъ и сель собираютъ деньги, собираютъ хлѣбъ, работаютъ безвозмездно на ихъ поляхъ, гдѣ убрали имъ прошлую осенью и хлѣбъ, и сѣно, и картофель, а сверхъ того засѣяли имъ поле озимью. Такъ творилось во всѣхъ уѣздахъ и волостяхъ Харьковской епархіи, и я утѣшалъ всѣ многочисленные полки и баталіоны, когда благословлялъ ихъ въ Харьковѣ отправляться на войну, такими словами: „не печальтесь о вашихъ женахъ и дѣтяхъ, для нихъ отцомъ будетъ весь народъ, который уберетъ и прокормитъ ихъ лучше, чѣмъ живется отцовскимъ дѣтямъ“. Слова эти оправдалъ нашъ народъ по всей епархіи, и только въ нѣкоторыхъ приходахъ солдатскія поля остались необработанными и незасѣянными. Боюсь, какъ бы Святый Богъ на насъ не

прогнѣвался; какъ бы не пожаловались Ему на безучастныхъ сосѣдей солдатскія сироты, и Онъ не отомстилъ бы за нихъ на насъ и на дѣтяхъ нашихъ. Знаете, что написано о семъ въ Святой Библии? „не отвращай очей отъ просящаго, и не давай человеку повода проклинать тебя. Ибо когда онъ въ горести души своей будетъ проклинать тебя, Сотворившій его услышитъ моленіе его“ (Сир. 4, 5, 6). Слова эти всегда приводили въ трепеть мою душу. Да не падутъ они ни накого изъ моей любезной паствы. Впрочемъ еще не поздно поправить свой промахъ.— Гдѣ еще ничего не сдѣлано для запасныхъ и солдатскихъ семействъ, перекрестясь, рѣшите между собою засѣять и вспахать полосы ихъ яровымъ хлѣбомъ, и благословеніе Божіе почіетъ тогда на душахъ вашихъ и на семьяхъ вашихъ, и на поляхъ вашихъ. Сами исполнитесь радости духовной, совершивъ дѣло любви для защитниковъ отечества. И не такъ радостно будетъ вамъ смотрѣть на собственную спѣющую ниву, какъ на ту, которую вы засѣяли и обработали для бѣдныхъ семействъ солдатскихъ. „Это— скажете—мое, человѣческое достояніе, а то достояніе Божіе, которое Господь сподобилъ принять отъ моихъ грѣшныхъ трудовъ“. Спѣшите же, возлюбленные, пока не поздно, исполнить Божію заповѣдь, дабы не быть хуже прочихъ христіанъ нашей епархіи, дабы ваши сосѣди—воины не были печальными за свою семью и за свою землю, когда воины прочихъ волостей радуются о заботахъ за нихъ добрыхъ сосѣдей.

Укрѣпи васъ Господь приступить къ дѣлу любви сей, чтобы чистымъ сердцемъ и умиленною душою прославлять Воскресшаго Христа и безъ укора совѣсти слушать въ церкви сладостные глаголы: „просвѣтимся торжествомъ и другъ друга обьемемъ“. Аминь.

Архіепископъ Антоній.

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности.

(Продолженіе *).

б) Присужденіе ученыхъ степеней.

По уставу Виленской римско-католической духовной академіи (§ 81), конференція академіи обязана была составить особыя „правила для испытанія и возведенія въ ученые степени“ достойныхъ этого лицъ. Прошло шесть лѣтъ конференція не исполнила этого требованія. Тормазомъ служилъ Ватиканъ, который на самое повелѣніе *Императора Николая I* о закрытіи Виленскаго университета и учрежденіе вмѣсто него Виленской римско-католической духовной академіи смотрѣлъ какъ на вторженіе свѣтской власти въ права папы, а дарованіе университетамъ и академіямъ права присуждать ученые богословскія степени католическая каноника еще со временъ среднихъ вѣковъ привыкла считать исключительнымъ правомъ „апостольскаго престола“. Это обстоятельство вынудило *Императора Николая I* дать повелѣніе римско-католической духовной коллегіи „составить правила безотлагательно и представить чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на *Высочайшее* утвержденіе“. Повелѣніе *Государя* было исполнено,—правила были *Высочайше* утверждены 15-го сентября 1839 года. Правила эти до сихъ поръ никѣмъ не отмѣнены и не измѣнены, а потому они имѣютъ еще законную силу и въ настоящее время. Для насъ они представляютъ интересъ въ томъ отношеніи, что даютъ воз-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1915 г.

возможность судить о степени учености католическихъ бого-
 слововъ. По уставу § 81 ученныя степени должны быть при-
 суждаемы только послѣ диспутовъ; въ „правилахъ“ на дис-
 путы и не намекается; о почетныхъ диссертациахъ не только
 магистерскихъ, но и докторскихъ, которыя могли бы быть
 предметомъ литературной критики и общественной оцѣнки,
 также нѣтъ рѣчи. По *Высочайше* утвержденнымъ правиламъ,
 мы могли бы представлять себѣ, что испытаніе и возведеніе
 въ ученныя степени было производимо такимъ образомъ:
 Конференція Виленской римско-католической духовной ака-
 деміи возводила въ ученныя степени студента, кандидата,
 магистра и доктора богословіи и каноническихъ правъ, обу-
 чавшихся въ академіи и въ епархіальныхъ и монашескихъ
 семинаріяхъ: 1) *по испытаніи* въ самой академіи и 2) *по-*
средствомъ делегаціи, 3) давала аттестаты монашествующимъ
 о достаточномъ знаніи ими богословскихъ наукъ, потреб-
 ныхъ для исправленія высшихъ орденскихъ должностей, *по*
испытаніи также въ самой академіи или *по делегаціи* и 4)
 разсматривала „патенты“, полученные духовными на бого-
 словскія степени отъ *заграничныхъ* учебныхъ заведеній. Для
 испытанія и возведенія въ ученныя степени предметы, на-
 значенные уставомъ для преподаванія въ духовной акаде-
 міи, раздѣлены были на три разряда: *главные, дополни-*
тельные и вспомогательные. Къ главнымъ предметамъ отнесены:
 Св. Писаніе и всѣ богословскія науки, со включеніемъ въ
 нихъ и патристики; къ дополнительнымъ: каноническія
 права, церковная исторія, гомилетика теоретическая и прак-
 тическая, нравственная философія, иностранная словесность
 и языки, и словесность руссійская; къ вспомогательнымъ—
 всѣ прочія науки изъ опредѣленныхъ уставомъ. Соотвѣт-
 ственно этому для испытанія и возведенія въ ученныя сте-
 пени требовались по предметамъ перваго разряда успѣхи
 отличные, втораго—хорошіе, третьяго—посредственныя, „по
 опредѣленной для каждой степени *мѣрѣ знанія*“. „*Мѣра*“ же
 эта заключалась главнымъ образомъ въ томъ: а) что испы-
 туемые на степенъ студента и кандидата должны были обна-
 ружить свѣдѣнія болѣе или менѣе общія, но въ главныхъ
 предметахъ, въ совокупности и частяхъ, отличныя, въ до-
 полнительныхъ—хорошія, во вспомогательныхъ—посред-
 ственныя, съ той разницею ищущаго степени студента отъ

кандидата, что послѣдній, сверхъ требуемыхъ отъ него вышшихъ въ семь размѣрѣ успѣховъ и особо назначеннаго ему экзамена сочинялъ еще письменное, по предложенной отъ конференціи темѣ, разсужденіе, соотвѣтственное свѣдѣніямъ, опредѣленнымъ для этой степени; в) что отъ испытуемыхъ на степени магистра и доктора требовалось свѣдѣніе въ наукахъ главныхъ отличное и въ существенныхъ ихъ основаніяхъ подробное и полное, въ дополнительныхъ—хорошее и менѣе или болѣе обширное, во вспомогательныхъ—*посредственное* и „менѣе или болѣе“ достаточное, съ тою разницею между ищущими сихъ степеней, что первый въ словесныхъ отвѣтахъ и письменныхъ, по назначеннымъ конференціею задачамъ, разсужденіяхъ на языкахъ латинскомъ и руссійскомъ ограничивался этою мѣрою, а послѣдній долженъ былъ сверхъ сихъ успѣховъ, требовавшихся отъ него въ высшей степени, оказать глубокое и основательное сужденіе по главнымъ предметамъ во всемъ ихъ *пространствѣ* и соотвѣтственно тому долженъ былъ имѣть и слогъ въ своемъ сочиненіи. Испытуемые удостоивались ученыхъ богословскихъ степеней общимъ согласіемъ членовъ конференціи или большинствомъ голосовъ. Большинство составлялось особо по каждому разряду предметовъ изъ голосовъ преподавателей ихъ. Недостатокъ къ большинству во второмъ разрядѣ одного, а въ третьемъ двухъ голосовъ *пополнялся* большинствомъ, составившимся изъ соединенія голосовъ, данныхъ въ пользу испытуемаго повсѣмъ тремъ разрядамъ. Отличившіеся знаніемъ большого или основательнаго меньшаго числа предметовъ третьяго разряда могли также *вознаградить* недостатокъ второго, кромѣ главныхъ предметовъ и языка русскаго, въ которыхъ требовалось свѣдѣніе основательное, соразмѣрное степенямъ. Равнымъ образомъ могло быть при испытаніи принимаемо во вниманіе къ *пополненію* недостатка въ успѣхахъ меньшее или большее отличіе, оказываемое клириками въ особенныхъ способностяхъ и любви къ наукамъ и въ строгой и благоразумной правильности поведенія и образѣ мыслей и проч. Посредственные успѣхи въ главныхъ предметахъ въ назначенномъ для каждой степени размѣрѣ не давали ни въ какомъ случаѣ права на полученіе ученой степени; не имѣвшіе удостовѣренія о безпорочномъ поведе-

ни своимъ не могли быть допускаемы и къ самому экзамену.

На выше означенныхъ общихъ основаніяхъ искавшіе богословскихъ степеней и аттестатовъ для исправленія высшихъ монашескихъ должностей подвергались конференціею академіи испытаніямъ въ разныхъ отношеніяхъ пройденнаго ими пригготовительнаго курса и на разныя степени слѣдующимъ порядкомъ.

Воспитанники, оказавшіе въ третьемъ году курса на испытаніяхъ предварительномъ и *рѣшительномъ* отличные успѣхи въ главныхъ предметахъ и менѣе или болѣе удовлетворительные въ дополнительныхъ и вспомогательныхъ и выдержавшіе особый въ конференціи экзаменъ съ соотвѣтственнымъ тому письменнымъ сочиненіемъ были *удостоиваемы прямо степени кандидата*; воспитанники же не обнаружившіе хорошихъ успѣховъ въ главныхъ предметахъ и достаточныхъ или посредственныхъ въ дополнительныхъ и вспомогательныхъ возводились на степень студента. Студенты, оказавшіе въ четвертомъ году курса въ главныхъ предметахъ хорошіе, въ дополнительныхъ и вспомогательныхъ посредственные, возводились, по сочиненіи соотвѣтственнаго тому разсужденія, въ степень кандидата. Не получившіе въ третьемъ году степени студента были допускаемы въ четвертомъ году къ особому испытанію на степень кандидата не иначе, какъ по предварительномъ удостоеніи степени студента. Кому по экзамену отказано было въ степени кандидата, тотъ долженъ былъ еще двукратно подвергаться испытанію „въ каждый разъ чрезъ два года“, но затѣмъ терялъ уже дальнѣйшее право на это.

Въ четвертомъ году, при окончаніи курса въ академіи, воспитанники ея обнаружившіе превосходные успѣхи и удостоенные въ третьемъ году степени кандидата, были допускаемы къ особому испытанію *на степень магистра*. По прошенію о томъ, поданному отъ ищущаго степени ректору или въ правленіе академіи, конференція сначала удостовѣрялась въ хорошемъ поведеніи и нравственности просителя и потомъ каждый изъ преподавателей Св. Писанія, богословіи догматической, нравственной и пасторальной, церковной исторіи, правъ каноническихъ и гомилетики предлагалъ испытуемому по нѣскольکو задачъ (трактатовъ), которыя, по ихъ разсмотрѣніи,

были раздробляемы на вопросы, и съ тѣмъ вмѣстѣ была назначаемъ ему отъ конференціи тема для сочиненія диссертаций на языкахъ латинскомъ и русскомъ; послѣдняя могла быть краткою и разсматривалась въ отношеніи лишь успѣховъ въ языкѣ. Всѣ остальные, преподаватели академіи дополнительныхъ и вспомогательныхъ курсовъ ограничивались меньшимъ числомъ вопросовъ и полагали мнѣніе свое объ испытуемомъ, основываясь болѣе на спискахъ о мѣрѣ успѣховъ, оказанныхъ ими на ежегодныхъ экзаменахъ. Студенты академіи, оказавшіе въ четвертомъ году на испытаніяхъ отличные успѣхи, при хорошемъ поведеніи, могли, кромѣ испытанія на степень кандидата, держать экзаменъ и на степень магистра указаннымъ порядкомъ. Не удостоенные по испытанію степени магистра могли также двукратно еще подвергаться экзамену каждый разъ черезъ годъ.

Удостоенные при окончаніи курса академіи степени магистра единогласно всѣми членами конференціи были допускаемы къ полученію *степени доктора* черезъ годъ, а получившіе званіе магистра по большинству голосовъ—черезъ два года. Искавшій степени доктора, при прошеніи о томъ на имя ректора академіи, представлялъ полученный имъ „патентъ“ на степень магистра и свидѣтельство епархіальнаго своего начальника о безпорочномъ поведеніи, а получившіе званіе магистра по большинству голосовъ прилагали свидѣтельство своего начальства о томъ, что они въ продолженіи двухъ лѣтъ занимались науками, необходимыми для полученія степени доктора. Получившіе степень магистра по выдержанному экзамену въ самой академіи и имѣвшіе пребываніе свое не далѣе 300 верстъ отъ города Вильны подвергались *личному* экзамену въ академіи и представляли въ нее диссертацию на данную тему отъ конференціи; а тѣ изъ нихъ, которые жили въ болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи, могли ограничиться представленіемъ лишь диссертациі, на которую, по данной ими просьбѣ ректору академіи, конференція назначала тему, не зная однако же имени просителя. Диссертация, представленная искателемъ степени доктора богословія, должна была состоять изъ двухъ на предложенныя конференціею задачи отвѣтовъ: *перваго*, главнаго, на языкѣ латинскомъ въ предметѣхъ, относящихся

до богословіи или правъ каноническихъ, и *второго*, не столь пространнаго, на языкѣ російскомъ, касательно примѣненія дѣйствія каноническихъ правъ къ существующимъ государственнымъ постановленіямъ или другого какого либо подходящаго предмета по усмотрѣнію конференціи. Достоинство послѣдняго сочиненія, наиболѣе въ отношеніи слога, должно было *вознаградить* нѣкоторые недостатки перваго.

Разсужденія на языкѣ російскомъ требовались отъ испытуемыхъ на степени магистра и доктора-богословіи и каноническихъ правъ только съ перваго, послѣ изданія правилъ, курса. Если конференціею сочинитель не былъ удостоенъ степени доктора, то, для полученія ея, ему позволялось чрезъ 2 года вторично просить о допущеніи къ испытанію. Магистръ богословія, жившій далѣе 300 верстъ отъ академіи, сочинивъ по назначеннымъ темамъ диссертацию, представлялъ ее при своемъ прошеніи ректору академіи, который вносилъ ее въ конференцію академіи, сохраняя также въ неизвѣстности имя сочинителя, пока не рѣшилась участь сочиненія. Конференція академіи тщательно разсматривала предложенную диссертацию, требуя, чтобы достоинство ее соответствовало *мѣрѣ знанія*, опредѣленной для степени доктора въ отношеніи основательности и полноты сочиненія, а также порядка въ изложеніи его и самаго слога, и удостоивала единогласно или большинствомъ голосовъ сочинителя просимой имъ степени тогда только, когда сочиненіе его оказывалось во всѣхъ статьяхъ совершенно удовлетворительнымъ.

Маловажные недостатки въ отвѣтахъ лично испытуемыхъ въ академіи могли быть *вознаграждаемы* удовлетворительностью ихъ сочиненій, а таковыя недостатки въ сочиненіяхъ—основательностью и полнотою отвѣтовъ.

Хотя знаніе церковныхъ правъ и соединяется со всѣми богословскими степенями, тѣмъ не менѣе могли быть возводимы и въ званіе доктора каноническихъ правъ, вмѣстѣ съ званіемъ доктора богословія, тѣ, а), которые обучались въ теченіе полнаго курса наукъ въ академіи или бывшей главной семинаріи съ отличными успѣхами въ каноническихъ правахъ и церковной исторіи и по нимъ держали экзамены и в); тѣ, диссертация которыхъ на предложенныя по этому предмету конференціею темы на латинскомъ и

россійскомъ языкахъ признана совершенно достаточною. Тѣ же изъ нихъ, которые желали получить особо одну только степень доктора каноническихъ правъ, не могли быть къ оной допущены, если не имѣли степени магистра богословіи.

Воспитанники состоявшіе при академіи и прочихъ епархіальныхъ семинарій получали и самую степень студента не иначе, какъ по самому испытанію въ предметахъ, опредѣленныхъ для курса академіи. Тѣ, которые желали получить только степень студента богословіи, должны были подать въ академію прошеніе съ приложеніемъ свидѣтельствъ о хорошемъ поведеніи своемъ и о слушаніи, по крайней мѣрѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ богословскихъ предметовъ. Конференція, по разсмотрѣніи этихъ документовъ, подвергала просителей на томъ же основаніи, какъ испытывались и обучавшіеся въ академіи. Искавшіе, сверхъ степени студента, еще степень кандидата или магистра, кромѣ свидѣтельства о хорошемъ поведеніи, представляли также удостовѣреніе объ окончаніи полного курса наукъ въ епархіальной семинаріи и о томъ, что на ежегодныхъ испытаніяхъ въ епархіальныхъ семинаріяхъ оказали отличные успѣхи и способность свою къ высшей наукѣ.

Они подвергались такому же словесному и письменному экзамену, какому и воспитанники академіи, освобождаясь только отъ экзаменовъ по однимъ предметамъ вспомогательнымъ. Отличившіеся при самомъ испытаніи превосходными успѣхами *удостоивались прямо степени магистра*, если только представленная ими диссертация на языкахъ латинскомъ и россійскомъ, на особо назначенную тему, соотвѣтствовала этой степени; оказавшіе ближайшіе за симъ успѣхи возводились въ кандидаты, а *посредственные—въ студенты*. Въ случаѣ отказа или для полученія дальнѣйшихъ степеней желавшіе могли быть снова испытываемы чрезъ годъ. Удостоенные степени магистра по личному испытанію въ академіи допускались къ экзамену на степень доктора такимъ же порядкомъ, какой установленъ былъ для обучавшихся въ академіи.

Жительствовавшіе отъ города Вильны въ разстояніи болѣе 400 верстъ и не могшіе лично явиться въ духовную академію по уважительнымъ и формально удостовѣреннымъ

причинамъ, представивъ свидѣтельство о хорошемъ поведеніи своемъ, могли просить о назначеніи испытанія *посредствомъ делегации* на степень студента, кандидата и магистра, обращаясь съ просьбою на имя ректора или правленія духовной академіи. Конференція академіи, по своему усмотрѣнію, назначала делегацию на каждый случай изъ предсѣдателя, который непремѣнно долженъ былъ быть докторомъ богословіи и двухъ членовъ, которые, за неимѣніемъ докторовъ, могли быть и магистрами. Искавшимъ степени студента конференція назначала для испытанія вопросы, а желавшимъ получить степени кандидата или магистра, сверхъ вопросовъ, должна была предлагать еще тему для сочиненія диссертации. Выписку состоявшагося объ этомъ постановленія конференція препровождала къ предсѣдателю делегации, который сообщалъ ее прочимъ членамъ, означая мѣсто и время для экзамена, и заблаговременно давалъ знать просителю. Экзаменаторы, на основаніи акта делегации, рассмотрѣвъ диссертацию просителя, испытывали его словесно, одинъ послѣ другого, по задачамъ и вопросамъ, присланнымъ отъ академіи и требовали письменнаго на каждый вопросъ отвѣта. Послѣ того каждый изъ экзаменаторовъ, запечатавъ въ особый конвертъ свое мнѣніе, прилагалъ его къ дѣлу, которое съ отвѣтами и диссертациею испытываемаго было препровождено предсѣдателемъ делегации въ академію. Если конференція, по рассмотрѣніи во всѣхъ отношеніяхъ произведеннаго делегациею испытанія, находила успѣхи просителя соотвѣтствовавшими мѣрѣ знаній, опредѣленной для желаемой имъ степени студента или кандидата, удостоивала его этой степени единогласно или большинствомъ голосовъ. При испытаніи посредствомъ делегации на степень магистра, сверхъ вопросовъ для произведенія экзамена и темъ для диссертации на двухъ языкахъ, конференція академіи присылала еще одну задачу запечатанную, на которую, по вскрытіи ея въ засѣданіи экзаменаторовъ, искавшій степени, не входя изъ засѣданія, *in ossibus* (въперти), долженъ былъ написать отвѣтъ, не пользуясь совѣтами, а тѣмъ болѣе пособіемъ книгъ. Этотъ письменный отвѣтъ, засвидѣтельствованный имъ самимъ и экзаменаторами, вмѣстѣ съ актомъ испытанія былъ доставляемъ въ академію. Если конференціею были находимы

въ актѣ делегации значительныя упущенія, то она требовала отъ нея нужныя дополненія. Получившіе степень магистра по делегации не могли посредствомъ ея получить степень доктора, но должны были непременно подвергаться лично-му испытанію словесному и письменному въ самой академіи.

Монахъ, желавшій получить аттестатъ о достаточности свѣдѣній его въ богословскихъ наукахъ для исправленія высшихъ въ орденѣ должностей, представивъ свидѣтельство о безупречномъ поведеніи своемъ, долженъ былъ въ конференціи академіи держать экзамень по Св. Писанію, богословіи догматической, нравственной и пасторальной и русскому языку; сверхъ того, для полнаго убѣжденія въ способностяхъ своихъ онъ представлялъ краткое разсужденіе на латинскомъ языкѣ, составленное на данную тему.

Испытаніе, *по делегации*, монаховъ въ знаніи богословскихъ наукъ производилось такимъ же порядкомъ, какъ искавшимъ ученыхъ богословскихъ степеней, съ той только разницей, что успѣхи монаховъ не были раздѣляемы на разряды, и не посылали отъ академіи темы для вопросовъ и диссертации, но сами экзаменаторы испытывали просителя и требовали отъ него достаточнаго знанія въ богословскихъ наукахъ и россійскомъ языкѣ и предлагали еще задачу для письменнаго на латинскомъ языкѣ разсужденія.

По представленіи конференціи свидѣтельства о поведеніи и изученіи въ семинаріи богословскихъ наукъ въ теченіе, по крайней мѣрѣ, *трехъ лѣтъ* по выдержаніи экзамена, назначеннаго для степени магистра богословіи съ письменнымъ разсужденіемъ, *могли быть удостоиваемы прямо магистерской степени тѣ*, которые съ отличномъ успѣхомъ обучались въ семинаріяхъ епархіальныхъ въ теченіе не менѣе трехъ лѣтъ и въ продолженіи значительнаго времени отправляли должности настоятелей, декановъ и депутатовъ важнѣйшихъ дѣлъ. Въ степень доктора богословіи можно было возводить: 1) тѣхъ, кои имѣли дипломы на степень магистра богословіи отъ другихъ (?) духовныхъ академіи университетовъ, но не иначе, какъ поличномъ испытаніи въ конференціи Виленской духовной академіи и представленіи ими диссертаций; 2) *прямо безъ экзамена и диссертации были удостоиваемы степени доктора богословіи* отличившіеся преподаваніемъ главныхъ и допол-

нительныхъ предметовъ въ Виленской духовной академіи или прославившіеся изданіемъ въ свѣтъ важнѣйшихъ богословскихъ сочиненій. Тѣ и другіе съ утвержденіемъ ихъ въ званіи доктора были допускаемы ко всѣмъ преимуществамъ, присвоеннымъ этой степени. Признаніе уважительности полученныхъ римско-католическими духовными, принявшими русское подданство или находившимися изъ російскихъ подданныхъ за границую съ дозволенія правительства, отъ иностранныхъ выше-учебныхъ заведеній дипломовъ на степень доктора богословія принадлежало также Виленской духовной академіи. На основаніи положенія ея, утвержденнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, пользовались эти духовные присвоенными сей степени преимуществами, кромѣ ношенія докторскаго креста и освобожденія отъ епархіальныхъ испытаній. Выдержавъ же экзаменъ въ самой академіи, они могли пріобрѣсть и эти права.

Удостоивъ искавшихъ по испытанію въ самой академіи и посредствомъ делегации выше означеннымъ порядкомъ степеней магистра и доктора, конференція представляла чрезъ римско-католическую духовную коллегію на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ, съ точнымъ объясненіемъ тѣхъ основаній, по которымъ былъ признаваемъ искавшій заслуживающимъ той или другой степени. По разсмотрѣніи этихъ представленій въ римско-католической коллегіи и по утвержденіи министерствомъ удостоиваемыхъ степеней магистра или доктора, конференція выдавала имъ дипломы, кресты и прочіе знаки, присвоенные симъ степенямъ.

Врученіе дипломовъ и знаковъ удостоеннымъ степени богословія или каноническихъ правъ могло быть, смотря по разстоянію ихъ мѣстопробыванія, сопровождаемо торжественными обрядами въ самой академіи или въ куріяхъ епископовъ отдаленныхъ отъ нея епархій по сообщенной имъ для сего отъ конференціи формѣ.

Кромѣ опредѣленныхъ въ уставѣ духовной академіи правъ, получившіе ученія степени богословія были освобождаемы отъ испытаній, „канонами“ называемыхъ, требующихся епархіальными начальствами при посвященіи на полученіе бенефицій, и дозволенія слушать исповѣдь, а именно: кандидаты—отъ экзамена на посвященія низшія, включая въ нихъ и субдіаконство, магистры богословія—на высшія

посвященія, какъ-то: діакона и священника, а также на дозволеніе слушать исповѣдь и полученіе сельской бенефиціи; докторъ, сверхъ тѣхъ экзаменовъ, былъ свободенъ еще отъ испытаній при полученіи высшихъ бенефицій и церковныхъ должностей, съ тѣмъ однако же, что въ случаѣ конкурса къ бенефиціямъ, онъ, если находился въ числѣ сонскателей, долженъ былъ подвергнуться конкурсному экзамену. Члены монашествующаго духовенства, имѣвшіе степени кандидата, магистра и доктора, освобождались отъ такихъ испытаній наравнѣ съ членами бѣлаго духовенства. Но этимъ отнюдь не были нарушаемы права, предоставленныя епископамъ, на испытаніе тѣхъ и другихъ въ отношеніи нравственности ихъ, вѣры и христіанскаго ученія. Доктора и магистры богословія какъ бѣлаго, такъ и монашествующаго духовенства могли быть приглашаемы академіею къ экзаменамъ посредствомъ делегации на полученіе аттестата и степени студента, кандидата и магистра богословія.

Правила для испытанія и возведенія въ ученныя степени, дѣйствующія, какъ мы сказали, и нынѣ въ католической академіи, вызываютъ многія недоразумѣнія и толкаютъ на размышленія. На основаніи ихъ всѣ ученныя богословскія степени, отъ степени студента до степени доктора богословія, могутъ, на примѣръ, получать католики, совсѣмъ не бывшіе въ академіи, а только окончившіе курсъ въ одной изъ епархіальныхъ семинарій, и даже не окончившіе семинарскаго курса, а лишь слушавшіе гдѣ-то богословскіе предметы не менѣе трехъ лѣтъ; зачѣмъ же тогда утверждена академія, если такъ легко возможно заурядъ обходиться безъ нея и какъ ничтожно ея научное значеніе! Или такъ легко могутъ быть получаемы въ католичествѣ ученныя степени? Далѣе. Полученію ученныхъ степеней не препятствуютъ *посредственныя* свѣдѣнія, хотя бы то и по вспомогательнымъ системамъ. Нужно имѣть въ виду, что въ римско-католической духовной академіи принята пятибальная система, и *посредственныя* знанія оцѣниваются балломъ—2. Такимъ образомъ, среди русскихъ католиковъ могутъ быть доктора и магистры богословія, имѣющіе въ своихъ дипломахъ по пяти—шести *овоекъ*... Страннымъ представляется и „пополненіе“ или „вознагражденіе“ недостатка познаній въ однихъ предметахъ познаніями въ другихъ и даже безупречнымъ

поведеніемъ,—недостатки въ сочиненіяхъ—устными отвѣтами и—наоборотъ. Выходить, по пословицѣ: „рука руку моетъ, чтобъ обѣ были бѣлыми“... Затѣмъ,—отличившіеся преподаваніемъ главныхъ и *дополнительныхъ* предметовъ въ Виленской духовной академіи прямо, безъ экзамена и диссертаций, удостоиваются степени доктора *богословія!*.. По этимъ же „правиламъ“ къ *дополнительнымъ* предметамъ, между прочимъ, отнесены: философія, теорія словесности, русскій языкъ и словесность. Такимъ образомъ, хорошій преподаватель русскаго языка, но ничего не свѣдущій въ богословскихъ наукахъ и „каноническихъ правахъ“ за одно преподаваніе грамматики можетъ быть удостоиваемъ ученой степени *доктора богословія!*.. Мы понимаемъ, какъ неудобно (особенно въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, при отсутствіи желѣзнодорожныхъ сообщеній) за триста—четыреста вестъ ѣхать кому бы то ни было въ Вильно по болотамъ и въ осеннюю непогоду или зимній морозъ за полученіемъ званія студента или степени кандидата; но мы совершенно не можемъ понять, чтобы удобнѣе было профессорамъ академіи бросать свои дѣла и своихъ питомцевъ въ Вильнѣ и разѣзжать по обширной Россіи (Кавказу, Сибири) въ надеждѣ возвести кого либо въ званіе студента, кандидата, магистра и монаху дать аттестатъ, что онъ годенъ для высшихъ монастырскихъ должностей.. Вѣдь могли они нести этотъ тяжелый трудъ и напрасно, ибо тщеславный искатель ученыхъ дипломовъ могъ оказаться человѣкомъ малосвѣдущимъ. И на чей счетъ были совершаемы эти вояжи? Правительство на нихъ денегъ не давало. Если даже допустить, что профессора всегда оставались на своихъ мѣстахъ, а кандидатовъ и магистровъ, на основаніи „правилъ“, „лѣпили“ съ чужого голоса, то и тогда не могутъ не казаться странными эти „возведенія въ ученые степени“ посредствомъ делегации.. Ничего подобнаго въ другихъ выше-учебныхъ заведеніяхъ намъ не приходилось встрѣчать. Впрочемъ, мы увѣрены, что римско-католическая духовная академія не практиковала этого способа присуждать ученые степени.. Мы изложили вѣдь только то, какъ по „Правиламъ“ академія *должна была поступать* при возведеніи тѣхъ или другихъ лицъ въ ученые степени.. Папа ровно пятьдесятъ лѣтъ игнорировалъ самое существованіе въ Россіи римско-католической духовной академіи. Только

9-го апрѣля 1886 года (академія учреждена въ 1833 году) палскій секретарь-кардиналъ письмомъ своимъ сообщилъ могилевскому католическому архіепископу (проживавшему и проживающему обыкновенно въ Петроградѣ), что папа, наконецъ, даровалъ ему право присуждать ученныя степени кандидата, магистра и доктора богословія, но не на основаніи Высочайше утвержденныхъ „Правилъ“, а „на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ присуждалъ означенныя степени бывшій виленскій университетъ и согласно съ постановленіями Тридентскаго собора“...

в, Штаты Виленской римско-католической академіи.

Одновременно съ уставомъ были Высочайше утверждены и штаты Виленской римско-католической духовной академіи. На ежегодное содержаніе ея было назначено 102.234 рубля; въ частности на жалованье: ректору—3000 рублей, инспектору—2000 рублей, двумъ членамъ правленія академіи—изъ профессоровъ—по 500 рублей каждому, пяти профессорамъ—по 3000 рублей каждому, двумъ профессорамъ латинской и русской словесности въ прибавокъ къ окладамъ получаемымъ ими въ Виленской медико-хирургической академіи, по 500 рублей каждому, четыремъ адъюнктамъ по 1500 рублей, тремъ лекторамъ—по 1200 рублей каждому, эконому—1200 рублей, капелляну (онъ же и духовникъ)—1000 рублей, секретарю—1000 рублей, двумъ письмоводителямъ—по 700 рублей каждому, помощнику эконома—800 рублей, библіотекарю—500 рублей, на приращеніе библіотеки—1000 рублей, лѣкарю и на лѣкарства—2000 рублей, 107-ми клерикамъ—42.800 рублей, т. е. по 400 рублей на каждого, на канцелярскіе расходы—600 рублей, на жалованье служащимъ 3000 рублей, на отопленіе, освѣщеніе и содержаніе академическихъ зданій 10000 рублей, на покупку мебели, столоваго бѣлья, посуды и прочія мелкія статьи—2000 рублей, сверхъ того, чрезъ каждые три года, на путевыя издержки клериковъ 3000 рублей и профессору гигиены 1000 рублей или—что то же—въ годъ—1334 р. Счетъ денегъ тогда велся на ассигнаціи.

г, Варшавская римско-католическая духовная академія.

Два года спустя послѣ открытія Виленской римско-католической духовной-академіи, именно 4-го октября 1835 года

наукъ. Учебно-воспитательный персоналъ академіи составляли: ректоръ, вице-ректоръ, семь профессоровъ богословскихъ наукъ, четыре профессора наукъ вспомогательныхъ, два лектора, провизоръ и духовникъ. Въ должность ректора академическимъ правленіемъ были избираемы два „достоинѣйшіе“ кандидата изъ предложенныхъ ему епископами епархіальныхъ священниковъ или изъ среды профессоровъ богословскихъ наукъ въ варшавской же академіи и имъ были представляемы черезъ главнаго директора на выборъ намѣстника царства польскаго, а черезъ намѣстника на Высочайшее утвержденіе. Вице-ректора и трехъ членовъ совѣта, по избраніи академическимъ правленіемъ, утверждалъ главный директоръ. Профессоромъ русской словесности и лекторами французскаго и нѣмецкаго языковъ могли быть свѣтскія лица, профессора же всѣхъ другихъ предметовъ были избираемы изъ лицъ духовныхъ: избирались они академическимъ правленіемъ и утверждались главнымъ директоромъ. Кромѣ богословскихъ наукъ, въ академіи были преподаваемы: философія и ея исторія, латинская и греческая словесность, русскій языкъ и русская словесность, французскій и нѣмецкій языки и, наконецъ, „высшій курсъ польской словесности и ея исторія, насколько она можетъ имѣть отношеніе къ духовному краснорѣчію“. Всѣ богословскія науки, кромѣ пасторальнаго богословія и гомилетики, были преподаваемы на латинскомъ языкѣ.

Всѣхъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ академіи было 40 человекъ: они поступали въ академію изъ епархіальныхъ семинарій царства польскаго. Курсъ ученія въ Варшавской академіи продолжается четыре года. Академія пользовалась правомъ возводить въ ученныя степени студента, кандидата, магистра и доктора богословія и каноническаго права. На содержаніе академіи, по штату, отпускалось ежегодно изъ государственнаго казначейства 26. 800 рублей *серебромъ*. Къ сожалѣнію, Варшавская римско-католическая духовная академія, съ самаго же начала своего существованія, обратилась въ разсадникъ польскихъ революціонеровъ и бунтарей: 32 года русское правительство боролось съ вреднымъ политическимъ направленіемъ ея, но ничего не могло подѣлать. Въ іюнѣ 1867 года Варшавская римско-католиче-

ская духовная академія была закрыта,—и въ настоящее время ея не существуетъ.

д, Императорская С.-Петербургская (нынѣ Петроградская) римско-католическая духовная академія.

По Высочайшему повелѣнію Виленская римско-католическая духовная академія въ 1842 году была переведена изъ г. Вильны въ С.-Петербургъ (нынѣ Петроградъ) и стала именоваться *Императорскою С.-Петербургскою римско-католическою духовною академіею*. Какимъ образомъ она усвоила себѣ наименованіе *Императорской*,—трудно сказать. Правда, Императоръ Александръ I далъ право именоваться *Императорскимъ* Виленскому университету; но римско-католическая духовная академія не была преобразована изъ этого университета, а *учреждена* (Уст. § 1) совершенно самостоятельно и отъ университета ничуть независимо, а потому и въ своемъ уставѣ она ни единого раза не именуется *Императорскою*. Въ архивѣ Департамента Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ исповѣданій мы также не встрѣтили никакого особаго распоряженія по этому предмету.

Сначала римско-католическая духовная академія была помѣщена въ Петроградѣ въ нанятомъ для нея домѣ Локотникова на Грязной (что нынѣ Николаевская) улицѣ. Въ 1844 году было окончено постройкою ея собственное зданіе, которое Могилевскій архіепископъ, главный начальникъ академіи, въ своемъ донесеніи на нѣ назвалъ „великолѣпнымъ“. Оно помѣщается въ первой линіи Васильевского Острова. Въ Августѣ академія переселилась въ него. Послѣдовало торжественное объявленіе.

Императоръ Николай I всегда обнаруживалъ свое особое расположеніе къ С.-Петербургской (нынѣ Петроградской) римско-католической духовной академіи и неоднократно осчастливливалъ ее своимъ личнымъ посѣщеніемъ. Такъ, онъ посѣтилъ ее въ первый разъ 28 февраля 1844 года въ 2 ч. пополудни въ ея еще временномъ помѣщеніи на Грязной улицѣ. Во второй разъ Императоръ Николай I прибылъ въ теперешнее зданіе академіи 18-го декабря того же 1844 года и также въ 2 часа пополудни; въ память этого посѣщенія въ стѣнѣ академической конференцъ—залы помѣщена мраморная доска съ соотвѣтствующею надписью. Въ третій

разъ Императоръ посѣтилъ римско-католическую академію 22-го марта 1846 г. въ 3 часа пополудни. 12-го іюля 1848 г. онъ подарилъ академіи мраморный бюстъ папы Григорія XVI высоко-художественной работы. Кромѣ того 21-го января 1854 года онъ пожертвовалъ ей двѣнадцать картинъ работы Ванлоо, изображающихъ „чудеса“ папы Григорія, почитаемаго въ католической церкви святымъ. Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще третьяго дара Императора Николая I-го, цѣннаго для католиковъ, это—папской туфли. „Святыня“ эта нынѣ хранится въ сакристіи ¹⁾ римско-католической церкви св. Екатерины въ Петроградѣ, на Невскомъ проспектѣ. Папа выразилъ свое благоволеніе къ академіи тѣмъ, что даровалъ индульгенцію всѣмъ посѣщающимъ академическую ораторію (домовую церковь) въ день праздника св. Іоанна Канція.

Императорская Петроградская римско-католическая духовная академія въ настоящее время есть единственное высше-учебное римско-католическое духовное заведеніе въ Россіи. Ея жизнь и дѣятельность еще регулируются уставомъ Виленской римско-католической духовной академіи, хотя и значительно уже измѣненнымъ. Важнѣйшія измѣненія, произведенныя въ немъ за послѣднія 70 лѣтъ, состоятъ въ слѣдующемъ. 1) при академіи нѣтъ болѣе ни римско-католической семинаріи, ни армяно-католическаго отдѣленія; 2) трехлѣтній курсъ ученія замѣненъ четырехлѣтнимъ; 3) какъ видно изъ отчетовъ, ежегодно представляемыхъ академіею въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, нынѣ не преподаются въ академіи слѣдующія положенныя по уставу науки: а) библейская археологія, б) пасторальное богословіе, в) логика, г) нѣмецкій языкъ, д) гигиена и е) теоретическая и практическая гомилетика; послѣдняя кафедра закрыта съ замѣною ея второю кафедрой Св. Писанія (съ окладомъ въ 1000 рублей) по предложенію Могилевскаго архіепископа отъ 3-го декабря 1905 года; 4) введены новыя науки: а) основное догматическое богословіе, б) патрологія и в) теорія русскаго языка (грамматика) замѣнена практическими упражненіями въ русскомъ языкѣ.

¹⁾ Сакристіею называется ризница въ римско-католическихъ храмахъ.

Судя по отчетамъ, постановка учебнаго дѣла въ Петроградской римско-католической академіи такова, что на приобрѣтеніе обширныхъ научныхъ познаній слушателямъ рассчитывать трудно. Занятія происходятъ ежедневно только отъ 8 часовъ утра до 1 часа по-полудни. Всѣхъ учебныхъ часовъ въ недѣлю на всѣхъ четырехъ курсахъ только 53, т. е., въ среднемъ выводѣ—по $13\frac{1}{4}$ часовъ на курсъ въ недѣлю или по $2\frac{5}{24}$ часа въ день: такое количество учебныхъ часовъ необременительно. По кафедрамъ недѣльные учебные часы распредѣляются такимъ образомъ: по кафедрѣ Св. Писанія (экзегезъ)—3 часа въ недѣлю, по герменевтикѣ—2, по специальному догматическому богословію—4, по нравственному богословію—5, по каноническому праву—5, по церковной исторіи—4, по патрологіи—2, по основному догматическому богословію—4, по русскому языку (практическія упражненія)—3, по русской словесности—4, по русской исторіи—4, по еврейскому языку—3, по греческому языку—3, по французскому языку—4 и по философіи—5. Нѣкоторыя науки профессоры (для собственнаго, конечно, удобства) преподаютъ совместно слушателямъ двухъ разныхъ курсовъ, и къ удивленію, такъ совместно преподаются наиболѣе важныя науки: экзегетика Св. Писанія (3-му и 4-му курсамъ), герменевтика Св. Писанія (1-му и 2-му курсамъ), специальное догматическое богословіе (3-му и 4-му курсамъ), основное догматическое богословіе (1-му и 2-му курсамъ), нравственное богословіе (3-му и 2-му курсамъ), церковная исторія (1-му и 2-му курсамъ), патрологія (3-му и 4-му курсамъ), каноническое право (2-му и 3-му курсамъ), русская словесность (3-му и 4-му курсамъ). Общая успѣшность въ наукахъ всегда обозначается только балломъ 3 съ незначительными дробями. Судя по экзаменскимъ балламъ, воспитанники академіи не особенно обширными свѣдѣніями обладаютъ по русскому и латинскому языкамъ и по богословскимъ предметамъ. Но за то окончательные результаты всегда блестящи: почти всѣ (исключенія встрѣчаются очень рѣдко) окончившіе курсъ выпускаются изъ академіи со степенью магистровъ богословія, почти всѣ перешедшіе изъ 3-го курса въ 4-й возводятся въ степень кандидатовъ богословія. Такъ, напр., въ 1905 учебномъ году всѣхъ окончившихъ курсъ въ академіи было 11,—и всѣ они выпущены

со степенью магистровъ богословія; изъ 3-го на 4-й курсъ было переведено 12 человѣкъ,—и всѣ они тогда же были объявлены кандидатами. То же повторялось и во всѣ послѣдующіе годы. Случаевъ присужденія ученыхъ степеней „посредствомъ делегаций“, повидимому, не было. Воспитанники римско-католической академіи, по отзывамъ инспекціи, ведутъ себя всегда похвально и поведеніе всѣхъ ихъ отмѣчается балломъ 5. Баллъ этотъ не былъ никому пониженъ даже и въ томъ году, когда самъ Императоръ Александръ III-й указалъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ на непочтительное отношеніе къ нему учащихся въ римско-католической духовной академіи.

Число питомцевъ академіи во всѣхъ четырехъ курсахъ не велико: отъ 54 до 68. Такъ въ 1906 году всѣхъ учившихся въ академіи было 59 человѣкъ (на 1-мъ курсѣ—26 человѣкъ, на 2-мъ—12, на 3-мъ—14 и на 4-мъ—7: изъ нихъ дворянъ—15, мѣщанъ—16, крестьянъ—28). Въ настоящемъ (1914 г.) году всѣхъ учащихся въ академіи—68 человѣкъ; изъ нихъ казеннокоштныхъ 50, своекоштныхъ—18. Всѣ они состоятъ въ санѣ пресвитеровъ, діаконовъ и субдіаконовъ (большинство, впрочемъ, пресвитеры).

Штаты Петроградской римско-католической духовной академіи были Высочайше утверждены 19 января 1843 года. Годовое содержаніе академіи по нимъ опредѣлено изъ средствъ Государственнаго Казначейства въ 25155 рублей серебромъ; въ частности жалованье: ректору академіи—857 рублей, инспектору—571 рубль, 8-ми профессорамъ (Св. Писанія, богословскихъ наукъ, церковной исторіи, гомилетики теоретической и практической, русской словесности, всеобщей и русской исторіи, логики и нравственной философіи, латинской и греческой словесности)—по 857 рублей каждому, двумъ адъюнктамъ (Св. Писанія и богословскихъ наукъ)—по 500 рублей каждому, тремъ лекторамъ (еврейскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ)—по 342 рубля каждому, помощнику инспектора или надзирателю—285 рублей, духовнику—142 рубля, эконому—342 рубля, секретарю—285 рублей, письмоводителю—200 рублей, помощнику эконома—228 рублей, библіотекарю—142 рубля, лѣкарю и на лѣкарства—571 рубль, на 40 воспитанниковъ по 142 рубля на каждого, за обученіе воспитанниковъ пѣнію—145 рублей,

на приращеніе бібліотеки—280 рублей, на канцелярскіе расходы—171 рубль, на жалованье служителямъ—1571 рубль, на отопленіе, освѣщеніе и содержаніе академическаго зданія—3390 рублей, на покупку мебели, столоваго бѣлья, посуды и прочихъ мелкихъ статей—420 рублей; сверхъ того, на отправленіе воспитанниковъ изъ академіи и профессору гигиены—383 рубля.

19-го февраля 1845 года Высочайше было повелѣно прибавлять ежегодно къ штатной суммѣ по 15 тысячъ рублей на отопленіе, освѣщеніе и содержаніе академическихъ зданій; тогда же было прибавлено 5 стипендій (710 рублей) на содержаніе воспитанниковъ. Въ мартѣ 1864 года учреждено было еще 5 стипендій (710 р.) и прибавлено 600 рублей на академическую канцелярію; 25 марта 1868 года ассигновано на путевые расходы и содержаніе стипендіатовъ изъ епархіи царства Польскаго 6500 р.; 10 мая 1890 года адъюнктъ-профессору по кафедрѣ Св. Писанія 500 рублей, 17 іюня 1899 г. и 25 марта 1906 г. дополнительное вознагражденіе профессору нравственнаго и пасторальнаго богословія 300 р. и кафедры социологіи (?)—600 рублей. Въ настоящее время на годовое содержаніе римско-католической академіи изъ Государственнаго Казначейства выдается 52900 рублей. Хозяйственная часть академіи ведется, несомнѣнно, весьма аккуратно: къ 1-му января 1902 г. въ остаткѣ было 2 р. 22 к., къ 1-му января 1905 года въ остаткѣ было 54 к., къ 1-му января 1906 года въ остаткѣ было 50 коп. и т. д.

е. Римско-католическія епархіальныя семинаріи.

По повелѣнію Государя Императора Николая Павловича графъ Шеровскій, бывший министръ внутреннихъ дѣлъ, составилъ общій уставъ для римско-католическихъ епархіальныхъ семинарій, Высочайше утвержденный 19 ноября 1843 года и имѣющій еще и въ настоящее время силу дѣйствующаго закона. По мѣстамъ, особенно въ опредѣленіи общаго строя семинарской жизни, для составителя этого устава руководительнымъ образцомъ, несомнѣнно, служилъ уставъ академическій, статьи котораго иногда воспроизводятся дословно. По уставу, каждая епархіальная семинарія состоитъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ своего

епархіального начальника, который при посѣщеніи ея обращаетъ вниманіе на всѣ отрасли ея управленія, какъ по учебной, такъ и по хозяйственной и особнно по нравственной части, назидаетъ наставниковъ къ точному исполненію ихъ обязанностей и архипастырскимъ словомъ располагаетъ воспитанниковъ къ принятію истиннаго христіанскаго ученія въ духѣ мира и любви; если же, паче чаянія, имъ будетъ замѣчено въ семинаріи какое либо отступленіе отъ устава, то онъ немедленно предлагаетъ семинарскому правленію исправить упущенія и въ то же время доводитъ о томъ до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ.

Въ римско-католическихъ семинаріяхъ воспитывается юношество, придназначающее себя къ духовному званію. Каждая семинарія управляется на основаніи своего устава собственнымъ правленіемъ, которое составляютъ: ректоръ, инспекторъ, два преподавателя и экономя. Ректоръ, изъ духовныхъ профессоровъ, назначается и увольняется римско-католическою духовною коллегіею, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ; инспекторъ, изъ духовныхъ же профессоровъ, напротивъ по предложенію коллегіи, утверждается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Экономъ также изъ профессоровъ, по представленію академическаго правленія, утверждается коллегіею; прочіе два члена правленія назначаются министромъ изъ *свѣтскихъ* преподавателей. Семинарское правленіе имѣетъ собственную печать и особаго письмоводителя, который опредѣляется и увольняется правленіемъ съ утвержденія епископа. Отъ академическаго правленія семинарское правленіе получаетъ *предписанія*, а ему представляетъ *донесенія*, съ прочими же семинарскими правленіями и консисторіями сносятся *отношеніями* и, сверхъ того, представляетъ департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій срочныя вѣдомости по формамъ, установленнымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Засѣданія семинарскаго правленія, какъ и академическаго, происходятъ каждую субботу, но, смотря по надобности, ректоръ можетъ назначать чрезвычайныя засѣданія и въ другіе дни. Всѣ дѣла правленія производятся на русскомъ языкѣ и рѣшаются по большинству голосовъ, а въ случаѣ равенства голосъ ректора даетъ перевѣсъ. Правленіе наблюдаетъ за исполненіемъ своихъ постановленій по части учебной чрезъ ректора, по ча-

сти нравственной чрезъ инспектора, а по части хозяйственной чрезъ эконома. Ректоръ есть начальникъ всѣхъ частей управления и всѣхъ служащихъ въ семинаріи. Онъ лично наблюдаетъ за дѣйствіями каждаго изъ нихъ, словесно требуетъ отчетъ и поощряетъ къ дѣятельному и точному исполненію обязанностей своими постановленіями, внушеніями, изъясненіемъ одобренія или же замѣчаніями и выговорами. Частныя дѣла поступаютъ въ правленіе, по предварительномъ разсмотрѣніи ихъ ректоромъ, и если разрѣшеніе не превышаетъ власти его, то онъ самъ дѣлаетъ надлежащія распоряженія, въ противномъ же случаѣ письменно предлагаетъ о томъ на усмотрѣніе правленія. Въ случаѣ безпорядковъ или упущеній по частямъ нравственной или экономической, ректоръ обращаетъ на нихъ вниманіе инспектора или эконома по принадлежности, а если словесныя его внушенія окажутся не дѣйствительными, то предлагаетъ о томъ правленію письменно. Въ этомъ случаѣ правленіе дѣлаетъ виновному замѣчаніе и даже выговоръ; если же и затѣмъ упущеніе не будетъ исправлено, то представляетъ о томъ академическому правленію.

Преподаватели богословскихъ наукъ назначаются предпочтительно изъ духовныхъ лицъ, окончившихъ курсъ въ римско-католической духовной академіи; для прочихъ же предметовъ приглашаются свѣтскіе преподаватели изъ мѣстныхъ гимназій или уѣздныхъ училищъ. Тѣ и другіе избираются семинарскимъ начальствомъ и чрезъ академическое правленіе представляются на утвержденіе министру внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго зависитъ утверждать ихъ въ должности или допускать къ исправленію ея временно. Каждый наставникъ *долженъ* преподавать два и болѣе предмета, соединяя и положенное по штату жалованье. Свѣтскіе преподаватели и письмоводитель правленія состоятъ въ государственной службѣ, производятся въ чины и получаютъ награды и пенсіи на общемъ основаніи.

Число казеннокоштныхъ воспитанниковъ въ каждой семинаріи опредѣляется обширностію епархіи. Но сверхъ сего могутъ поступать и своекоштные за соотвѣтствующую плату, сколько ихъ безъ стѣсненія можетъ помѣститься въ каждомъ семинарскомъ зданіи. Тѣ и другіе воспитанники принимаются въ семинарію на основаніи существующихъ узаконеній и съ

утверждения епископа, по особому постановленію семинарскаго правленія и не иначе, какъ по предъявленіи каждымъ изъ нихъ свидѣтельства, что онъ прошелъ не менѣе четырехъ классовъ гимназическаго ученія. На вновь поступающихъ воспитанниковъ обращается особенное вниманіе и если кто изъ нихъ въ теченіе перваго года не окажетъ достаточныхъ способностей къ наукамъ, а въ поведеніи и нравственности совершенной благонадежности, такой немедленно исключается во избѣжаніе бесполезныхъ расходовъ; въ продолженіе же курса воспитанники могутъ быть увольняемы по неизлѣчимой болѣзни или собственному желанію. Какъ исключеніе, такъ и увольненіе ихъ дѣлаются по особому каждый разъ постановленію правленія, съ утвержденія епископа. Воспитанники достойнѣйшіе по нравственности и успѣхамъ въ наукахъ переводятся установленнымъ порядкомъ въ академію, а прочіе, по окончаніи курса въ семинаріи, поступаютъ въ распоряженіе епархіальнаго начальства. Окончившій курсъ ученія въ семинаріи получаетъ отъ правленія, за подписаніемъ ректора, аттестатъ, въ коемъ означаются имя, фамилія, происхожденіе и время поступленія въ заведеніе, оказанная имъ успѣшность, поведеніе, способности и степень, по разряднымъ спискамъ, ему присвоенная.

Курсъ ученія въ семинаріи продолжается *четыре* года. Всѣ богословскія науки преподаются на латинскомъ языкѣ, а прочія на русскомъ; но воспитанники обязаны, подъ руководствомъ наставника практически упражняться въ преподаваніи слова Божія на мѣстныхъ языкахъ и діалектахъ своихъ епархій. Предметы семинарскаго преподаванія суть слѣдующіе: 1, Св. Писаніе; 2, богословіе догматическое; 3, богословіе нравственное; 4, церковная исторія; 5, томилетика; 6, русская словесность; 7, отечественная исторія; 8, латинскій языкъ; 9, церковные обряды и 10, пѣніе. Въ минской семинаріи, гдѣ обучались тогда воспитанники и могилевской (т. е. петербургской, нынѣ петроградской) епархій, преподаются еще французскій и нѣмецкій языки для приготовленія священниковъ въ столицы, портовые города и колоніи, причисленные къ этой епархій. Предъ открытіемъ курса каждая семинарія получаетъ въ руководство отъ академическаго правленія конспектъ или программу съ подробнымъ означеніемъ 1, той части науки, которая въ теченіе

года должна быть пройдена, 2, какому автору преподаватели должны слѣдовать по каждому предмету, 3, какимъ учебнымъ пособіемъ они будутъ пользоваться сами и снабжать учащихся и 4, сколько часовъ въ недѣлю должно быть посвящено преподаванію каждаго предмета. Ректоръ наблюдаетъ, чтобы преподавателями была употребляема хорошая, правильная метода преподаванія. Преподаватели съ своей стороны немедленно доносятъ ректору о замѣченномъ ими нерадѣніи или лѣности воспитанниковъ. Для лучшаго удостовѣренія въ успѣхахъ воспитанниковъ устанавливаются частныя и публичныя испытанія: первые производятся въ половинѣ, а послѣдніе въ концѣ каждаго учебнаго года, всякій разъ съ разрѣшенія епархіальнаго начальника. На этихъ испытаніяхъ присутствуютъ: епархіальный начальникъ, если пожелаетъ, члены капитула и преподаватели семинаріи; на публичныя же, сверхъ того, приглашаются ректоромъ всѣ въ городѣ находящіяся почетныя особы. По окончаніи испытаній правленіе опредѣляетъ степени успѣховъ въ наукахъ каждаго изъ воспитанниковъ, отмѣчая это въ особо для того установленной книгѣ. По этимъ отмѣткамъ въ концѣ учебнаго года оно раздѣляетъ воспитанниковъ на три разряда: въ первомъ помѣщаются отличнѣйшіе, во второмъ — оказавшіе хорошіе успѣхи, въ третьемъ — посредственные; при этомъ распредѣленіи принимаются въ соображеніе поведеніе и нравственность воспитанниковъ. Эти списки правленіе потомъ представляетъ епархіальному начальнику и академическому правленію, а вмѣстѣ съ ними и формулярныя списки преподавателей и членовъ правленія. Воспитанники, отличившіеся на публичныхъ испытаніяхъ, принимаютъ благословеніе епархіальнаго начальника, и отъ него получаютъ награды книгами и похвальными листами. Роздыхомъ (вакаціями) воспитанники римско-католическихъ семинарій пользуются въ то же время года, какъ и воспитанники мѣстныхъ гимназій. Подъ главнымъ начальствомъ ректора состоитъ бібліотекаръ, опредѣляемый академическимъ правленіемъ изъ преподавателей. Бібліотекаръ снабжается отъ семинарскаго правленія подробною инструкціею о содержаніи бібліотеки въ надлежащей исправности и о порядкѣ выдачи профессорамъ и воспитанникамъ книгъ, по ихъ требованію.

Наблюденіе за нравственностью воспитанниковъ римско-католическихъ епархіальныхъ семинарій въ Россіи, поставленное на тѣхъ же началахъ, какъ и наблюденіе за нравственностію клериковъ въ академіи, относится непосредственно къ обязанности инспектора. О нравственности учащихся инспекторъ долженъ имѣть самыя вѣрныя и точныя свѣдѣнія, для чего о поведеніи ихъ въ классахъ онъ освѣдомляется отъ преподавателей; а для постоянного надзора за ними, по представленію инспектора, правленіе назначаетъ одного или нѣсколькихъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ старшими. Этимъ старшимъ воспитанникамъ, въ полномъ присутствіи правленія, вручается списокъ ввѣряемыхъ ихъ наблюденію младшихъ воспитанниковъ, о поведеніи которыхъ они доносятъ инспектору каждый день въ 9 часовъ вечера; о происшествіяхъ же, заслуживающихъ особеннаго вниманія, увѣдомляютъ его немедленно. Инспекторъ ежемѣсячно представляетъ правленію письменный отчетъ о поведеніи воспитанниковъ съ своими о каждомъ замѣчаніями. Эти замѣчанія инспектора вносятся правленіемъ въ особую книгу съ краткимъ означеніемъ, какія были приняты мѣры для поощренія отличныхъ воспитанниковъ и для исправленія замѣченныхъ въ лѣности и проступкахъ. Въ началѣ cadaго мѣсяца всѣ замѣченные инспекторомъ воспитанники призываются въ правленіе и, въ присутствіи его, получаютъ или похвалу за хорошее поведеніе, или выговоръ за свои проступки. Взысканіе за маловажные проступки воспитанниковъ предоставляется благоразумію инспектора; взысканія же за важнѣйшія вины опредѣляются правленіемъ. Инспекторъ не входитъ самъ въ распоряженія по частямъ учебной и экономической, но обязанъ доводить до свѣдѣнія правленія о всѣхъ замѣченныхъ имъ по этимъ частямъ упущеніямъ. Подробная инструкція инспектору дается академическимъ правленіемъ. Духовникъ воспитанниковъ долженъ быть изъ преподавателей.

Семинарскія суммы правленіемъ хранятся въ безопасномъ мѣстѣ за печатями всѣхъ членовъ и ключемъ ректора. Жалованіе преподавателямъ, чиновникамъ и служителямъ семинаріи выдается помѣсячно, а на прочіе для содержанія семинаріи расходы по особому каждый разъ опредѣленію правленія. Для мелочныхъ издержекъ эконому выдается до

20 рублей, въ израсходованіи которыхъ онъ обязанъ представить отчетъ правленію для полученія вновь такой же суммы. Приходъ и расходъ записываются правленіемъ въ особыя шнуrowыя книги, на основаніи которыхъ оно составляетъ въ концѣ года подробный отчетъ для представленія епархіальному начальству и въ академическое правленіе. Экономъ, какъ непосредственный блюститель хозяйственной части, обязанъ заботиться о благоустройствѣ ея: онъ смотритъ за порядкомъ и опрятностью по всему заведенію, имѣетъ надзоръ за столомъ и одеждою воспитанниковъ, печется о благовременномъ заготовленіи дровъ, сѣстныхъ припасовъ и проч., хранить ихъ въ цѣлости и наблюдаетъ за поддержаніемъ зданій, сбереженіемъ посуды, мебели и прочихъ вещей, къ семинарскому хозяйству относящихся. О всѣхъ подробностяхъ по хозяйственной части экономъ представляетъ въ свое время правленію и исполняетъ съ точностію его постановленія. Эконому подчинены всѣ служителя семинаріи. Правленіе снабжаетъ эконома подробною инструкціею.

Первоначально уставъ, Высочайше утвержденный въ 1843 году, былъ введенъ только въ пяти римско-католическихъ семинаріяхъ: виленской, мицкой, тельшевской, житомирской и каменецкой. На казенный счетъ сначала воспитывалось въ виленской семинаріи 40 человекъ, въ тельшевской, житомирской и каменецкой по 18-ти, въ мицкой—55. Свѣтскіе преподаватели римско-католическихъ семинарій, по росписанію должностей, были отнесены къ IX классу, по мундиру также къ IX классу, а по пенсіонному окладу—къ VIII разряду; письмоводитель по должности—къ XII классу, по мундиру—къ X-му классу и по пенсіи—къ IX-му.

Одновременно съ уставомъ были утверждены и *штаты римско-католическихъ семинарій* въ размѣрѣ, впрочемъ, не одинаковомъ. На содержаніе мицкой семинаріи опредѣлено было отпускать въ годъ—8650 рублей серебромъ, на виленскую—6825 р. с., а на тельшевскую, житомирскую и каменецкую по 4500 рублей. Въ частности въ виленской и мицкой семинаріяхъ на жалованье: ректору—500 р., инспектору—300 р., преподавателямъ: Св. Писанія по 200 р., богословія, догматической—по 200 р., богословія нравственной—по 200 р., церковной исторіи по 175 р., гомилетики—150 р., русской словесности—300 р., отечественной исторіи—300 р.

латинскаго языка—200 р., церковныхъ обрядовъ и пѣнія— по 100 р., эконому—200 рублей, письмоводителю—200 р., на содержаніе воспитанниковъ: въ минской семинаріи—125 р., въ виленской—3000 рублей. На канцелярскіе расходы, прислугу, отопленіе, освѣщеніе, содержаніе семинарскихъ зданій и проч. въ минской семинаріи—1000 рублей, въ виленской—800 рублей. Сверхъ того въ минской семинаріи преподавателямъ—французскаго и нѣмецкаго языковъ по 250 руб. каждому. Въ тельшевской, житомірской и каменской: жалованіе ректору—450 р., инспектору—275 р., преподавателямъ: Св. Писанія—175 р., богословіи догматической—175 р., богословіи нравственной—175 р., церковной исторіи—150 р., гомилетики—125 р., русской словесности—250 р., отечественной исторіи—250 р., латинскаго языка—175 р., церковныхъ обрядовъ и пѣнія—100 р., эконому—175 р., письмоводителю—175 р.; на содержаніе воспитанниковъ 1350 р., на канцелярскіе расходы, прислугу, отопленіе, освѣщеніе, содержаніе семинарскихъ зданій и проч. по 500 рублей. Впослѣдствіи на содержаніе нѣкоторыхъ римско-католическихъ семинарій была ассигнована прибавка, а именно: съ 1862 года на содержаніе виленской семинаріи прибавлено въ общемъ 2000 р. с., на содержаніе тельшевской семинаріи съ 1864 года—2150 р., и на содержаніе житомірской семинаріи съ 1868 года—1350 рублей; 12-го декабря 1875 года на усиленіе вознагражденія преподавателей въ семинаріяхъ: виленской—600 рублей, луцко-житомірской—700 рублей и тельшевской—850 рублей; 1-го августа 1880 года содержаніе тираспольской семинаріи по штатамъ 1879 года—13125 рублей; тельшевская римско-католическая духовная семинарія сначала находилась въ мѣстечкѣ Ворнѣ, а съ 28 декабря 1865 года она переведена въ г. Ковно. 14-го декабря 1865 года было ассигновано на ежегодное содержаніе семинарій: Варшавской—4860 рублей, Кѣлецкой—7650 рублей, Люблинской—2470 рублей, Плоцкой—3230 рублей, Сандомірской—3105 рублей и Сейнской—3140 рублей; 22-го апрѣля 1906 года—на стипендіи въ тираспольской семинаріи 975 рублей.

ж. С.-Петербургская (нынѣ Петроградская) Архіепархіальная римско-католическая духовная семинарія.

Для вновь открытой въ Петроградѣ Архіепархіальной римско-католической духовной семинарії былъ составленъ

особый уставъ, Высочайше утвержденный 16-го іюня 1879 года. Онъ представляетъ много существенныхъ уклоненій отъ общесеминарскаго устава 1843 года. Архіепархіальная римско-католическая семинарія, по своему уставу, поставлена уже внѣ всякой зависимости не только отъ римско-католической духовной академіи, но и отъ римско-католической духовной коллегіи. Она управляется совѣтомъ (а не правленіемъ), состоящимъ не изъ 5-ти членовъ, а изъ 6-ти: ректора, инспектора, двухъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ преподавателей (экономъ членомъ совѣта уже не состоитъ), которые назначаются не министромъ внутреннихъ дѣлъ, а епархіальнымъ начальствомъ, хотя и по соглашенію съ министерствомъ. Засѣданія семинарскаго совѣта теперь бываютъ двоякаго рода: по дѣламъ учебно-воспитательнымъ и по дѣламъ хозяйственнымъ; первыя собираются въ учебное время не менѣе одного раза въ мѣсяць, а въ остальное время по мѣрѣ надобности, засѣданія же по дѣламъ хозяйственнымъ происходятъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяць въ дни, назначаемые для этого ректоромъ семинаріи, какъ председателемъ совѣта. Въ засѣданіяхъ по части учебно-воспитательной принимаютъ участіе всѣ члены совѣта, въ засѣданіяхъ же по части хозяйственной, сверхъ ректора и инспектора, участвуютъ одинъ изъ духовныхъ и одинъ изъ свѣтскихъ преподавателей по избранію епархіальнаго начальника; экономъ, бібліотекаръ и врачъ приглашаются въ совѣтъ по мѣрѣ надобности, для выслушанія ихъ докладовъ и объясненій. Въ конференціяхъ объ экзаменахъ участвуютъ всѣ преподаватели. Постановленія совѣта имѣютъ силу, когда въ немъ участвовало не менѣе трехъ лицъ, считая въ этомъ числѣ и председателя. Начальникъ епархіи утверждаетъ всѣ постановленія совѣта и, если нужно входитъ по нимъ въ сношенія съ подлежащими властями. По окончаніи каждаго учебнаго года, онъ представляетъ министерству внутреннихъ дѣлъ подробный отчетъ о состояніи семинаріи. Дѣла въ совѣтѣ семинаріи рѣшаются обычно большинствомъ голосовъ, но и меньшинству предоставлено право оставаться при отдѣльномъ мнѣніи. По уставу 1843 года, ректоръ семинаріи, изъ духовныхъ, профессоровъ той же семинаріи, назначается и увольняется римско-католическою духовною коллегіею, по предложенію министра внутреннихъ

дѣль; по уставу 1879 года, онъ избирается епархіальнымъ начальствомъ изъ духовныхъ лицъ, получившихъ высшее духовное образованіе и отличающихся ученостью и нравственными достоинствами (§ 21). О томъ, чтобы онъ былъ избираемъ изъ семинарскихъ преподавателей,—нѣтъ рѣчи. Инспекторъ также избирается епархіальнымъ начальникомъ, а не коллегіею. По уставу 1843 года инспекторъ слѣдилъ только за нравственностію учащихся и не имѣлъ права вмѣшиваться въ учебную и хозяйственную часть (§§ 40—49); по уставу 1879 года, инспекторъ семинаріи—есть ближайшій помощникъ ректора по всѣмъ частямъ управленія (§ 27), онъ составляетъ росписанія ежедневныхъ уроковъ по классамъ (§ 18), за болѣзнію или отсутствіемъ ректора изъ города къ нему переходитъ предсѣдательство въ совѣтѣ и вообще временное завѣдываніе семинаріею (§ 13). Въ виду лежащихъ на немъ обязанностей онъ не долженъ преподавать въ семинаріи болѣе одного предмета. По уставу 1879 года (§ 30), преподаватели богословскихъ наукъ (безъ всякаго участія академическаго правленія) избираются и назначаются (срв. § 9) епархіальнымъ начальникомъ изъ духовныхъ лицъ, окончившихъ курсъ въ римско-католической духовной академіи преимущественно со степенью магистра или доктора богословія; для прочихъ же предметовъ приглашаются свѣтскіе преподаватели мѣстныхъ гимназій или умѣющіе по своему образованію право на преподаваніе въ гимназіяхъ и другихъ равныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія. Духовные наставники *могутъ* (а не *должны*), съ разрѣшенія епархіальнаго начальника, преподавать и болѣе одного предмета, соединяя и положенное, по штату, жалованье; изъ свѣтскихъ преподавателей только одинъ, въ случаѣ необходимости, можетъ соединять преподаваніе двухъ предметовъ. Духовникъ избирается изъ духовныхъ преподавателей семинаріи, не входящихъ въ составъ ея совѣта (§ 34); онъ священнодѣйствуетъ въ домово́й церкви и получаетъ за трудъ свой особое вознагражденіе по штату. Въ случаѣ особеннаго затрудненія духовникъ можетъ быть избираемъ и не изъ преподавателей. Библіотекаръ избирается не академическимъ правленіемъ, а совѣтомъ семинаріи и утверждается епархіальнымъ начальникомъ изъ преподавателей.

Размѣръ платы за своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи устанавливается министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ епархіальнымъ начальникомъ (§ 40). Воспитанники принимаются въ семинарію не иначе, какъ по представленіи каждымъ изъ нихъ свидѣтельства о прохожденіи, по крайней мѣрѣ, четырехъ классовъ гимназіи или четырехъ и даже трехъ классовъ городскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, или о выдержаніи при гимназіи соотвѣтственнаго экзамена. Сверхъ сего, лица, желающія поступить въ семинарію, подвергаются въ оной повѣрочному испытанію по закону Божію. По латинскому же и русскому языкамъ, отечественной исторіи и географіи испытаніе производится, соотвѣтственно числу желающихъ поступить въ семинарію, въ концѣ и передъ началомъ учебнаго года, въ присутствіи окружнаго инспектора, командируемаго для сего попечителемъ округа. Представитель учебнаго вѣдомства передаетъ ректору письменное заключеніе объ успѣхахъ экзаменовавшихся. Окончившіе полный курсъ гимназіи и получившіе аттестатъ зрѣлости, если со времени окончанія курса прошло не болѣе одного года, могутъ быть принимаемы въ семинарію безъ повѣрочнаго испытанія и при томъ во всякое время и въ высшіе курсы. Равнымъ образомъ могутъ быть принимаемы, соотвѣтственно возрасту и познаніямъ, въ высшіе курсы семинаріи лица, прошедшія курсъ старшихъ классовъ гимназіи, но отъ повѣрочныхъ испытаній они освобождаются лишь въ томъ случаѣ, если во времени выхода ихъ изъ гимназіи или выдержанія при ней экзамена прошло не болѣе 6-ти мѣсяцевъ. Предварительно допущенія желающихъ поступить въ семинарію къ повѣрочному испытанію семинарское начальство должно удостовѣриться, что къ этому нѣтъ препятствія со стороны гражданскаго начальства; для этого съ представленіемъ требуемыхъ документовъ оно испрашиваетъ, чрезъ епархіальнаго начальника, согласіе на это министерства. Такое согласіе, дѣйствительно, лишь въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ со дня его подписанія. Документы, требуемые отъ желающихъ поступить въ семинарію: прошеніе, метрическая выпись о рожденіи и крещеніи, свидѣтельство отъ гимназіи о степени познаній или объ окончаніи курса, полицейское свидѣтельство о неподсудности и отъ воинскаго присутствія

о припискѣ къ призывному участку, если проситель достигъ установленнаго закономъ возраста. О принятыхъ въ семинарію немедленно сообщается въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, для свѣдѣнія. Въ одномъ и томъ же классѣ воспитанники не могутъ быть оставляемы болѣе двухъ лѣтъ и при томъ—не болѣе одного раза въ течение всего курса. Изъятія и право оставленія на второй годъ въ курсѣ допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Полугодичныя испытанія, по уставу 1879 года § 48 замѣнены репетиціями; публичныя же существуютъ, хотя и подъ названіемъ „выпускныхъ“. О составленіи разрядныхъ списковъ въ уставѣ не упоминается. Вакаціи (роздыхъ) установлены съ 1-го іюля по 1-ое сентября.

Курсъ ученія въ семинаріи, по уставу 1879 г. § 54, пятилѣтній, а не четырехлѣтній, какъ по уставу 1843 года § 26. Предметы преподаванія, вновь вводимые уставомъ 1879 года, суть слѣдующіе: археологія (какая?) и катехизисъ, пасторальное богословіе, каноническое право, философія (?), греческій, французскій и нѣмецкій языки и законовѣдѣніе. Богословскіе предметы и философія преподаются на латинскомъ языкѣ, а *самъ латинскій языкъ преподается на русскомъ языкѣ* (§ 56), на русскомъ же языкѣ преподаются греческій, французскій и нѣмецкій языки, русскій языкъ и русская исторія. Программы предметовъ богословскихъ, церковныхъ и философскихъ, съ подробнымъ обозначеніемъ а) той части науки, которая должна быть пройдена въ каждомъ курсѣ въ теченіе года, б) какому автору или руководству преподаватели должны слѣдовать, в) какими учебными пособіями снабжать учащихся и г) сколько часовъ въ недѣлю каждый предметъ долженъ быть преподаваемъ, составляются преподавателями, рассматриваются предварительно ректоромъ и утверждаются передъ началомъ cadaго курса, епархіальнымъ начальникомъ. Копія съ утверждаемыхъ такимъ образомъ программъ доставляются для свѣдѣнія въ департаментъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій съ указаніемъ при томъ происшедшихъ переменъ. Программы латинскаго, греческаго и русскаго языковъ, а также исторіи и законовѣдѣнія составляются примѣнительно къ программѣ старшихъ классовъ гимназій

и къ особому характеру заведенія, и заблаговременно утверждаются министромъ внутреннихъ дѣлъ по предварительному соглашенію съ начальникомъ епархіи.

По утвержденнымъ тогда же *штатамъ* на ежегодное содержаніе с.-петербургской (нынѣ петроградской) архіепапіальной римско-католической духовной семинаріи было ассигновано 21000 рублей; въ частности а) на жалованье ректору (при казенной квартирѣ)—700 рублей, инспектору (при казенной квартирѣ)—500 рублей, 8-ми преподавателямъ богословскихъ, церковныхъ, философскихъ и вспомогательныхъ наукъ по 400 рублей каждому, всего—3200 рублей, двумъ преподавателямъ латинскаго и греческаго языковъ— по 825 рублей, всего 1650 рублей, двумъ преподавателямъ русскаго языка и словесности и французскаго и нѣмецкаго языковъ по 600 рублей, всего—1200 рублей, преподавателю исторіи Россіи въ связи со всеобщею—450 рублей, преподавателю законовѣдѣнія 150 рублей, духовнику—200 рублей, бібліотекарю—120 рублей, эконому—400 рублей, письмоводителю—600 рублей, б) на содержаніе сорока воспитанниковъ: на столъ по 120 рублей на каждого, всего 4800 рублей, на одежду, бѣлье, обувь и проч. по 80 р. на каждого, всего—3200 рублей; в) расходы хозяйственныя: докторъ, аптека и проч. 450 рублей, на канцелярію—200 рублей, жалованье слугителямъ, отопленіе, освѣщеніе и содержаніе зданій 2650 рублей, на церковь, бібліотеку и учебныя пособия—530 рублей.

з. Общія замѣчанія о постановкѣ учебной части въ епархіальныхъ римско-католическихъ семинаріяхъ въ Россіи.

Въ каждой римско-католической епархіи есть особая епархіальная семинарія, а потому всѣхъ римско-католическихъ семинарій въ настоящее время (по числу епархій)—12: архіепапіальная могилевская (въ Петроградѣ), тельшевская или самогитская (въ Коваѣ), луцко-житомірская, виленская, тираспольская, варшавская, кѣлецкая, люблинская, влацлавская или куявско-калишская, сандомірская, плоцкая и августовская или сейнская. На ихъ содержаніе ежегодно расходуется изъ средствъ государственнаго казначейства 82372 рубля. Обучается въ нихъ, по свѣдѣніямъ 1914 года, 12871 человекъ; изъ нихъ наиболѣе многолюдныя: архіепапі-

хіалъная петроградская (145 человѣкъ), тираспольская (198— въ 8-ми классахъ), тельшевская (148 человѣкъ).

Такъ какъ уставъ 1879 года былъ предназначенъ, собственно, для архіепапіалъной семинаріи, то имъ не былъ отмѣненъ уставъ 1843 года. Такимъ образомъ въ настоящее время оба эти устава имѣютъ значеніе дѣйствующихъ законовъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые епапіалъные епископы преобразовали свои прежнія четырехклассныя семинаріи въ пятиклассныя (по уставу 1879 года). Четырехклассными въ настоящее время остаются только три семинаріи: тираспольская, плоцкая и кѣлецкая. Но при двухъ первыхъ существуютъ приготовительныя классы: при тираспольской—четыре, при плоцкой—три, а кѣлецкая семинарія отправляетъ своихъ лучшихъ учениковъ доканчивать свое образованіе „заграницу“, т. е., въ Римъ (въ текущемъ 1914 году заграницей ея учениковъ обучалось 7). Существующія при нѣкоторыхъ семинаріяхъ приготовительныя училища или курсы находятся со своими семинаріями въ органической связи; окончившіе курсъ въ приготовительныхъ училищахъ прямо, безъ предварительнаго пріемнаго экзамена, переходятъ въ первый классъ семинарій, которыя, такимъ образомъ, являются, собственно говоря, восьмиклассными.

Занятія въ римско-католическихъ семинаріяхъ происходятъ ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 8-ми часовъ утра до 1 часу по—полудни. Всѣхъ учебныхъ часовъ въ недѣлю по уставу 1879 года во всѣхъ классахъ должно быть 72, а именно: по Св. Писанію, археологіи и катехизису—6, по догматическому богословію—4, по нравственному и пасторальному богословію—4, по церковной исторіи—4, по каноническому праву—2, по гомилетикѣ—3, по философіи—5, по церковнымъ обрядамъ и пѣвнѣ—4, по латинскому языку—11, по греческому языку сначала 11, а потомъ 7, по русскому языку и словесности 8, по исторіи Россіи въ связи со всеобщей—6, по французскому и нѣмецкому языку—8, по краткому курсу законовѣдѣнія 2. На каждый классъ, такимъ образомъ, должно приходиться въ недѣлю 14 $\frac{2}{5}$ урока, а на день по 2 $\frac{1}{15}$ урока. Но въ дѣйствительности такого количества уроковъ въ недѣлю въ римско-католическихъ семинаріяхъ почти никогда не бываетъ. Петроградская архіепапіалъная семинарія счи-

тается образцовою; но въ ней въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ число недѣльныхъ часовъ не превышало 61, т. е., не свыше 12 ¹/₁₅ часовъ въ недѣлю въ каждомъ классѣ или—что то же—не болѣе двухъ часовъ въ день. Такъ,—преподаватель Св. Писанія (Фр. Каревичъ) имѣлъ только 3 (вмѣсто 6) урока въ недѣлю (1 во 2 классѣ, 1 въ 3 и 4 классѣ—сводный и 1 въ 4 и 5 классѣ—сводный), онъ же по законовѣдѣнію—вмѣсто 2-хъ уроковъ давалъ одинъ—въ 5 классѣ; преподаватель церковной исторіи (Страктасъ) вмѣсто 4 уроковъ имѣлъ 3 (во 2, 3, и 4 классахъ), преподаватель философіи—вмѣсто 5 уроковъ имѣлъ три сводныхъ (во 2 и 3 классахъ) и т. д.

Въ общемъ нужно сказать, что въ римско-католическихъ семинаріяхъ хуже всего поставлено преподаваніе русскаго языка и словесности, а также и русской исторіи. Въ архивѣ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій можно видѣть чуть ли не горы дѣлъ канцелярскихъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что наше правительство всегда и усиленно старалось о поднятіи успѣховъ по указаннымъ предметамъ, но, повидимому, результаты этого старанія были не велики. Причина такого прискорбнаго явленія заключается, по всей вѣроятности, въ томъ, что учащіеся въ римско-католическихъ семинаріяхъ почти исключительно поляки. Но не высоко стоитъ преподаваніе и другихъ предметовъ, болѣе близкихъ католицизму, напр., латинскаго языка и наукъ богословскихъ. Это нужно объяснить самымъ составомъ католическихъ семинаристовъ, ихъ плохую подготовкою къ семинарскимъ наукамъ. Вѣдь—кто поступаетъ въ католическія семинаріи? Недоучки, по малоуспѣшности вынужденные оставлять классическія гимназіи и другія средне-учебныя заведенія. Вотъ напр., образовательный цензъ принятыхъ въ петроградскую архіепархіальную семинарію въ прошломъ 1913 году: выбывшихъ изъ классическихъ гимназій до окончанія курса 6 класса—5, изъ реального училища—1, окончившихъ городское (высшее начальное) училище—51, изъ торговой школы—8 и изъ коммерческаго училища—1. Какой же подготовки по латинскому языку можно ожидать отъ такихъ лицъ? Съ другой стороны извѣстно, какъ плохо преподается въ нашихъ школахъ и законъ Божій... Что касается сословій, то въ католическія семинаріи и академію боль-

ше всего поступаютъ дѣти крестьянъ, потомъ мѣщанъ, меньше дворянъ и чиновниковъ; дѣти купцовъ встрѣчаются рѣдко. Въ кандидатахъ на церковныя должности въ Россіи римско-католическая церковь недостатка не имѣетъ: даже въ настоящій моментъ (сентябрь 1914 года) въ каждой епархіи есть семинаристы, давно окончившіе курсъ и еще ожидающіе посвященія: такихъ, напр., въ петроградской епархіи 1 (5 отправились въ Римъ), въ сандомірской—10, въ августовской или сейнской—15, въ тираспольской—4, въ луцко-житомірской—18, въ самогитской или тельшевской—3, во влоцлавской или куявско-калишской—8, кѣлецкой—11, плочкой—7, люблинской—9, въ варшавской—4 и въ виленской (по свѣдѣніямъ 1913 года)—7.

4. *Дисциплина въ католическихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.* 1) Въ католическихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ обращается серьезное вниманіе на дисциплину. Въ этомъ отношеніи образцовыми признаются французскія духовно-учебныя заведенія, которыя раздѣляются на два разряда: а) малыя семинаріи и б) большія семинаріи.

Въ малыхъ семинаріяхъ воспитанники встаютъ отъ сна въ 5 часовъ 30 минутъ утра и 20 минутъ употребляютъ на уборку своихъ постелей и свой туалетъ. Отъ 5 часовъ 50 минутъ до 6 часовъ 20 минутъ совершается молитва и размышленіе, затѣмъ до 8 часовъ—приготовленіе уроковъ, въ 8 часовъ—завтракъ, на который полагается 20 минутъ, отъ 8 часовъ 20 минутъ до 10 часовъ 20 минутъ—классъ. Полчаса—отдыхъ. Отъ 10 часовъ 50 минутъ до 11 часовъ 50 минутъ—приготовленіе уроковъ. 10 минутъ—на благочестивое чтеніе. Въ 12 часовъ—обѣдъ, на который полагается полчаса. Отъ 12 часовъ 30 минутъ до 1 часу 30 минутъ—отдыхъ. Отъ 1 часу 30 минутъ до 2 часовъ 30 минутъ—приготовленіе урока. Отъ 2 часовъ 30 минутъ до 4 часовъ 30 минутъ—классъ. Полчаса—отдыхъ. Отъ 5 до 7 часовъ пополудни—приготовленіе уроковъ. Въ 7 часовъ—ужинъ, на который полагается полчаса. Отъ 7 часовъ 30 минутъ до 8 часовъ 30 минутъ—отдыхъ. Отъ 8 часовъ 30 минутъ до 9 часовъ 30 минутъ—благочестивое чтеніе, размышленіе, молитва. Въ 9 часовъ 30 минутъ всѣ должны быть въ постели. Всѣ

1) Срв. Дѣло Св. Синода за 1904 г. объ открытіи Кутаисской духовной семинаріи,

воспитанники въ малыхъ семинаріяхъ встаютъ отъ сна по звону колокольчика, въ который звонитъ находящійся въ каждой спальнѣ надзиратель. Позвонивши, онъ извѣщаетъ: *Benedicamus Domino* (восхвалимъ Господа) или *Sursum corda* (горѣ имѣемъ сердца). Воспрянувшій отъ сна воспитанникъ долженъ отвѣчать: *Deo gratias* (благодареніе Богу). На молитву въ церковь воспитанники идутъ по два въ рядѣ, въ сопровожденіи надзирателей. Одинъ изъ надзирателей читаетъ молитвы; на нѣкоторыхъ изъ нихъ все воспитанники восклицаютъ: *gloria* (слава). Завтракъ, обѣдъ, ужинъ, приготовленіе уроковъ, классы начинаются и оканчиваются молитвою, читаемою надзирателемъ. Во время обѣда и ужина производится благочестивое чтеніе однимъ изъ надзирателей, а иногда воспитанникомъ. Никогда, даже и во время игры, надзиратели не оставляютъ воспитанниковъ ни на минуту; имъ помогаютъ въ этомъ профессоры и самъ начальникъ заведенія. За неуспѣшность въ наукахъ наказаній нѣтъ, кромѣ оставленія на повторительный курсъ; впрочемъ, и экзамены производятся весьма снисходительно и всегда переводятся въ высшіе классы тѣ, у которыхъ замѣчается склонность къ духовному званію. Вообще же дисциплина и присмотръ за воспитанниками въ католическихъ семинаріяхъ строги и неопустительны. Набираются воспитанники изъ поселянъ. Епископъ посвѣщаетъ семинарію не менѣе 12 разъ въ годъ. Въ спальняхъ малыхъ семинарій постель надзирателя огораживается стеклянными перегородками съ занавѣсками.

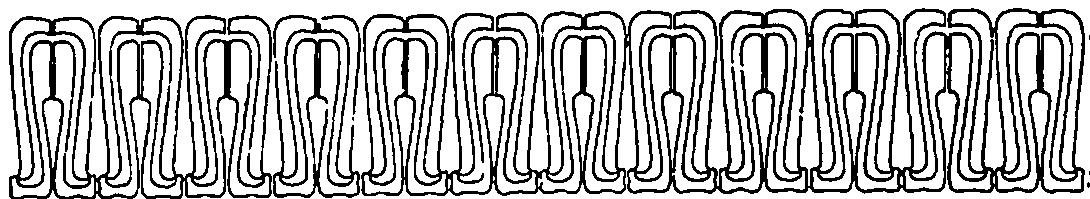
Воспитанники большихъ семинарій встаютъ отъ сна въ 5 часовъ, возбуждаемые словами чередного: *Benedicamus Domino*. При открытіи очей, они отвѣчаютъ: *Deo gratias*. 20 минутъ употребляется на туалетъ и уборку постели. Слѣдующіе 40 минутъ посвящаются молитвѣ и размышленію (*meditation*) въ церкви. Въ 6 часовъ—обѣдня. Отъ 6½ до 8 часовъ воспитанники готовятъ урокамъ въ классахъ. Въ 8 часовъ завтракъ—20 минутъ. Отъ 8 часовъ 20 минутъ до 10 часовъ 20 минутъ—утренній классъ. Отъ 10 часовъ 20 минутъ до 11 часовъ 45 минутъ—домашнее приготовленіе уроковъ. Четверть часа—на внутреннее испытаніе совѣсти и благочестивое чтеніе—молча каждымъ. Въ полдень—обѣдъ и до 1¼ часа—отдыхъ на дворѣ. Отъ 1¾ часа до 2½ ча-

совъ молитва по четкамъ и благочестивое чтеніе. Два часа—на приготовленіе уроковъ. Отъ 4½ часовъ до 6½—послѣобѣденный классъ. Отъ 6½ до 8 часовъ—повтореніе урока. Въ 8 часовъ ужинъ. Отъ 8 до 9 часовъ—отдыхъ въ залахъ, а лѣтомъ—на дворѣ. Въ 9½ часовъ—отходъ ко сну. Каждый воспитанникъ, кромѣ времени классовъ и отдыховъ, долженъ находиться въ своей кельѣ, въ которую строго воспрещается входъ его товарищамъ. Туда можетъ входить только начальникъ заведенія и директоръ для наблюденія и собесѣдованія. Въ классахъ, во время отдыховъ и на прогулкахъ запрещаются всякія фамиллярности между воспитанниками. Они должны обращаться между собою съ приличіемъ и уваженіемъ, называть другъ друга *vous* (вы) и *monsieur* (господинъ). Въ часы отдыха и прогулокъ (по средамъ—за городомъ, попарно) при нихъ присутствуютъ, по крайней мѣрѣ, два наставника, а иногда и всѣ. Посредственность успѣховъ, если она не зависитъ отъ лѣтности, терпится снисходительно, въ виду того, что цѣль семинарій—приготовлять не ученыхъ, а благочестивыхъ служителей престола Божія. Проступки, какъ-то: непослушаніе, небратолюбіе, нерадѣніе, исправляются увѣщаніями. Только въ семинаріяхъ ввѣренныхъ надзору іезуитовъ, въ употребленіи другія мѣры исправленія, какъ-то: чтеніе въ столовой, въ присутствіи всѣхъ, молитвы Господней съ распростертыми руками. Въ случаѣ недостаточности увѣщаній для исправленія, неисправные и неспособные къ священному сану исключаются изъ семинаріи. Нравственная духовная жизнь семинаристовъ управляется и поддерживается ежедневнымъ присутствіемъ при божественной литургіи, совершеніемъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ церкви, молитвою умною и по четкамъ, благочестивымъ чтеніемъ въ общей залѣ, исповтаніемъ совѣсти, уединеніемъ и откровеннымъ собесѣдованіемъ съ настоятелемъ или директоромъ не менѣе раза въ мѣсяцъ. Семинаристы должны исповѣдываться каждые 15 дней. Духовными отцами обыкновенно служатъ начальникъ и наставники, которые всѣ имѣютъ пресвитерскій санъ.

Проф.-прот. Т. И. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

Попеченіе христіанина о внѣшнемъ своемъ благополучіи.

XLIX.

Радости и удовольствія жизни. Театральныя представленія и другія свѣтскія увеселенія.

Христіанство, смотря на временную нашу жизнь на землѣ, какъ на подготовительную къ жизни вѣчной, безспорно сильно ограничиваетъ нашу заботливость о *внѣшнемъ благополучіи*, обуздывая неумѣренныя наши желанія земного счастья. „Ибо многіе“, — скажемъ словами ап. Павла, — „поступаютъ, какъ враги креста Христова; ихъ конецъ — погибель, ихъ богъ — чрево, и слава ихъ въ срамѣ: они мыслятъ о земномъ. Намъ же жителство на небесахъ“ (Филип. 3, 18—19). Тѣмъ не менѣе, христіанство не возбраняетъ намъ совершенно заботиться о внѣшнемъ благоустройствѣ своей жизни, а только старается сообщить этой заботѣ другой характеръ, сообразно съ главнымъ назначеніемъ человѣка.

Земное благополучіе человѣка составляетъ, кромѣ тѣлеснаго здоровья, все-то, что служитъ къ поддержанію и возвышенію его временной жизни, какъ-то: житейскія удовольствія, обладаніе извѣстнымъ состояніемъ или богатствомъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1915 г.

честь или доброе имя и т. п. Эти и подобныя блага, по словамъ *св. Василія Великаго*, „не суть блага по природѣ своей, поелику обладающихъ ими не дѣлають добрыми“¹⁾; они называются внѣшними потому, что и при обладаніи ими, человѣкъ можетъ быть внутренно безпокоенъ и несчастенъ. Однакожъ, внѣшнія блага составляютъ даръ любви Божіей къ человѣку, и человѣкъ долженъ заботиться о приобрѣтеніи ихъ и даже просить ихъ себѣ отъ Бога, такъ какъ они, по выраженію *Василія В.*, „доставляютъ жизни нашей нѣкоторое удобство“²⁾, служа средствомъ для многихъ полезныхъ и добрыхъ цѣлей жизни (Еф. 4, 28) и ограждая человѣка отъ разныхъ стѣсненій и скорбей, необходимо чувствуемыхъ имъ при недостаткѣ ихъ (2 Тесс. 3, 8; Ср. ст. 10 и 12). Еще *Аристотель*, на ряду съ высшимъ благомъ—богопознаніемъ, богоподобіемъ, допускалъ и блага второстепенныя, распредѣляя ихъ на три категоріи: блага души, блага тѣла, и внѣшнія или случайныя блага³⁾.

Между тѣмъ, по взгляду строгихъ и послѣдовательныхъ *стоиковъ*, всѣ такъ называемыя внѣшнія блага не суть блага. Благо въ собственномъ смыслѣ имѣетъ существенные отличительные признаки, по которымъ его никогда нельзя смѣшивать со зломъ: первое всегда прекрасно, второе всегда безобразно. Указанныя же блага ни прекрасны, ни безобразны. Они не могутъ сдѣлать человѣка ни счастливымъ, если онъ самъ не имѣетъ добродѣтели,—ни несчастливомъ, если онъ добродѣтеленъ. Они вполнѣ индифферентны или безразличны (*ἀδιάφορα*⁴⁾). Но такого взгляда на внѣшнія блага мы, христіане, не можемъ раздѣлять; потому что, если эти блага считать даже безусловно безразличными для вѣчнаго назначенія человѣка, то они вовсе не безразличны для Божественнаго Провидѣнія, безъ котораго „и волосъ съ головы нашей не пропадетъ“ (Лук. 21, 18), и въ которое стоики-пантеисты, конечно, не вѣрили. Внѣшнія блага, если смотрѣть на нихъ съ точки зрѣнія христіанской вѣры въ Провидѣніе, суть

1) Творенія. Изд. 3, ч. VII. Серг. Пос. 1892 г., стр. 163.

2) Тамъ же.

3) Проф. А. А. *Бронзовъ*. „Аристотель и Тома Аквинать въ отношеніи къ ихъ ученію о нравственности“. Спб. 1884 г., стр. 100—112.

4) *Diog. L. VI*, 102—103, 160; *Cic. de fin. III*, 10; *IV*, 17. См. у *И. Невзорова*, „Мораль стоицизма и христ. правоученіе“. Казань, 1892 г., стр. 44—45.

дары Божіи и, въ то же время, имѣютъ значеніе особыхъ средствъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей въ воспитательныхъ путяхъ Промышленія Божія относительно того или другого человѣка въ отдѣльности.

Но я какъ не безразличны внѣшнія блага, рассматриваемы, со стороны *объективной*, именно съ точки зрѣнія Промысла Божія о человѣкѣ, такъ же точно не безразличны они и съ точки зрѣнія *субъективной*¹⁾. Христіанинъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ нимъ съ стоическимъ равнодушіемъ. Да и сами стойки, во главѣ съ *Зенономъ*, на практикѣ были непослѣдовательны, раздѣляя внѣшнія блага на три разряда: достожелательныя или предпочтательныя (*ἄξια, ἐκλεκτικά, προηρητά, praecipua, praeposita*), недостойныя желанія или подлежащія отверженію (*ἀπάξια, ἀπεκλεκτικά, ἀποπροηρημένα, rejicenda, rejesta*) и въ строгомъ смыслѣ безразличныя. Къ благамъ перваго разряда они относили, напр., здоровье, богатство, честь, особенно хорошія способности и дарованія, а противоположное этому причисляли къ разряду благъ нежелательныхъ. Къ третьему разряду принадлежало все, что не могло быть ни предметомъ желанія, ни отвращенія, напр., четъ или нечетъ волосъ на головѣ²⁾. Для христіанина же нѣтъ земныхъ благъ совершенно безразличныхъ; но, если бы онъ и считалъ ихъ таковыми, то не могъ бы ни благодарить Бога за Его временныя благодѣянія, ни просить Его о своихъ временныхъ нуждахъ—а это все, однакожь, неотдѣлимо отъ понятія христіанской жизни. По ученію Самого Іисуса Христа, внѣшнія блага не суть что-либо безразличное для Его послѣдователей. „Ищите прежде царства Божія и правды Его“,—говоритъ Онъ,—„и это все приложится вамъ“ (Мѡ. 6, 33). Этимъ уже высказывается, что и „этого всего“ (т. е. и всего протчаго, необходимаго для полнаго человѣческаго существованія на землѣ) можно христіанину „искать“, но лишь не прежде и не больше всего. На это-то и указываетъ ап. Павелъ, когда говоритъ, что „благочестіе на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни“, не „будущей“ только, но и „настоящей“ (1 Тим. 4, 8). А что самъ Павелъ не пре-

¹⁾ *Мартенсенъ*. „Христіанское ученіе о нравственности“, т. II, стр. 359.

²⁾ *Diog. L. VII, 102, 104, 105; Cic. de fin. III, 15, 16; IV, 23. См. у Zeller'a „Die Philosophie der Griechen“. Th. III, s. I, 241.*

небрегалъ земными благами, служившими ему средствомъ для цѣлей его нравственной личной жизни,—это ясно показалъ онъ въ послѣдніе дни своей славной жизни, окончившейся мученическою смертію. Незадолго до своей кончины апостолъ писалъ своему любимому ученику Тимоѳею: „Я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествія настало. Подвигомъ добрымъ я подвизался, течение совершилъ, вѣру сохранилъ. А теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь, праведный Судія, въ день оный; и не только мнѣ, но и всѣмъ возлюбившимъ явленіе Его“ (2 Тим. 4, 6—8). И, вслѣдъ за этимъ, онъ пишетъ ему: „Постарайся прійти ко мнѣ скоро“ (—ст. 9. ср. 21); да „принеси фелонь, который я оставилъ въ Троадѣ у Карпа, и книги, особенно кожаныя“ (—ст. 13). „Избавленный“ милостію Божіею „изъ львиныхъ челюстей“ (2 Тим. 4, 17), но вскорости, однакожь, заключенный въ узы, онъ, въ ожиданіи смерти, еще на землѣ хочетъ насладиться утѣшеніемъ, какое посылаетъ ему Господь: въ одиночномъ заключеніи ему хотѣлось бы имѣть отраду въ истинномъ другѣ, заняться чтеніемъ священныхъ книгъ, а также воспользоваться теплой одеждой, чтобы согрѣться въ холодной темницѣ.

Христіанство, не воспрещая человѣку желать благъ временной жизни, трудиться для ихъ пріобрѣтенія и пользоваться или, налагаетъ на него при этомъ только нѣкоторыя ограниченія, или условія. Такъ, онъ долженъ пріобрѣтать ихъ только честнымъ трудомъ (2 Тесс. 3, 10) и не долженъ употреблять для этого средствъ незаконныхъ и преступныхъ; не долженъ искать ихъ для цѣли суетной, чувственной и земной (Лук. 12, 19; 1 Тим. 6, 9); не долженъ пристращаться къ нимъ своимъ сердцемъ (Пе. 61, 11) и слишкомъ полагаться на нихъ, или надѣяться (Тим. 6, 17); не долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на свою неотъемлемую собственность и всегда быть готовымъ жертвовать ими для цѣлей высшихъ, духовныхъ (1 Тим. 6, 18; Евр. 13, 16), или благодушно перенести произвольное ихъ лишеніе, если бы оно случилось (Мѡ. 24, 13; Лук. 21, 19; 1 Петр. 2, 19); и, наконецъ, долженъ заблаговременно пріучить себя довольствоваться малымъ (1 Тим. 6, 7—8). Въ общее же руководство того, какъ христіане должны внутренно относиться къ благамъ міра сего, ап. Павелъ даетъ слѣдующее наставле-

ніе: „имѣющіе женъ должны быть, какъ не имѣющіе; и плачущіе, какъ не плачущіе, и радующіеся, какъ не радующіеся; и покупающіе, какъ не приобретающіе; и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся; ибо проходитъ образъ міра сего“ (1 Кор. 7, 29—31). Этимъ онъ хочетъ сказать: христіанинъ долженъ имѣть временныя блага, какъ бы не имѣющій ихъ, слѣдовательно—всегда готовый оставить ихъ, когда потребуеть того Господь; долженъ желать ихъ, какъ бы не желающій т. е. не страстно желаетъ ихъ; долженъ въ случаѣ лишенія ихъ печалиться, какъ бы не печалующійся, т. е. не сильно предаваться своей мірской печали.

„Проходитъ образъ міра сего“: вотъ въ какомъ настроеніи духа христіанину должно пользоваться благами міра сего. Очевидно, въ человѣкѣ, такъ настроенномъ, жива надежда на блага вѣчной жизни. Если христіанинъ и въ счастіи, и въ несчастіи, будетъ имѣть такое настроеніе, то о несчастномъ все-же можно сказать, что онъ въ извѣстномъ смыслѣ ближе къ истинѣ и спасенію, чѣмъ счастливый, потому что послѣдній сознаетъ *скоропреходимость* и непостоянство этой жизни только мысленно, тогда какъ первый знаетъ это по собственному опыту. Поэтому-то еще древній нравоучитель говоритъ: „Сѣтованіе лучше смѣха; потому что при печали лица сердце дѣлается лучше. Сердце мудрыхъ—въ домѣ плача, а сердце глупыхъ—въ домѣ веселія“ (Еккл. 7, 3—4). Тѣмъ не менѣе, блаженства вѣчнаго можно достигать и въ томъ, и въ другомъ состояніи, и въ земномъ благополучіи, и въ злополучіи, почему и говоритъ ап. Павелъ: „Умѣю жить и въ скудости, умѣю жить и въ изобиліи; научился всему и во всемъ, насыщаться и терпѣть голодъ, быть и въ обиліи и въ недостаткѣ. Все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ“ (Филип. 4, 12—13). Словомъ—христіанство предостерегаетъ насъ отъ неразумной переоцѣнки земныхъ благъ и учитъ судить о нихъ при свѣтѣ вѣчности. „Какъ высоко стоитъ духъ надъ тѣломъ, небо надъ землею, Богъ надъ міромъ, такъ высоко стоятъ вѣчныя блага надъ всѣмъ временнымъ“¹⁾. Поэтому, Спаситель напоминаетъ намъ: „какая польза человѣку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? или какой выкупъ дастъ человѣкъ за

¹⁾ Катрейнъ. „Die katholische Weltanschauung“, s. 479.

душу свою? Ибо придетъ Сынъ Человѣческой во славу Отца Своего съ Ангелами Своими, и тогда воздасть каждому по дѣламъ его“ (Мѡ. 16, 26—27).

Имѣя общее понятіе о томъ, какъ надобно смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія на виѣшее благополучіе, необходимо, частнѣе, знать и то, позволительны ли для христіанина *радости и удовольствія* жизни?

При вышеуказанномъ отрицательномъ отношеніи *стоицизма* къ благамъ временной жизни, естественно, онъ долженъ былъ отрицать и всѣ, такъ называемыя, *житейскія удовольствія*, доставляемыя обыкновенно этими благами ¹⁾. Не то въ христіанствѣ. Какъ ни строги его нравственныя требованія, оно не воспрещаетъ, однакожъ, христіанину пользоваться удовольствіями, лишь бы они были, сами по себѣ „чистыя и благородныя“, которыя можетъ находить для себя христіанинъ въ нѣдрахъ природы (Дѣян. 14, 17), въ кругѣ семейномъ, въ обществѣ людей честныхъ и богобоязненныхъ. По христіанскому взгляду на жизнь, земля со всѣмъ, что она содержитъ въ себѣ, Господня, „всякое твореніе Божіе хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается съ благодареніемъ“ (1 Тим. 4, 4. Ср. 1 Кор. 7, 31; Кол. 2, 16, 23); равно какъ и все произведеніе дарованнаго Богомъ таланта, если оно не есть произведеніе развращеннаго сердца, нечистаго воображенія и злонамѣренной воли—не возбранено христіанину. Всѣмъ можно пользоваться во славу Божію, всѣмъ можно наслаждаться съ молитвою и благодареніемъ Богу. Всеблагій Творецъ не только чловѣку невинному назначилъ въ жилище рай сладости, но и послѣ грѣхопаденія людей „даетъ намъ все обильно для наслажденія“ (1 Тим. 6, 17). Разумно и благовременно наслаждаясь благами міра сего, мы вникаемъ въ сущность даровъ Божіихъ и живо постигаемъ, какъ благъ Господь къ намъ (Пс. 33, 9). О земныхъ невинныхъ радостяхъ и удовольствіяхъ *св. Іоаннъ Златоустъ* пишетъ: „Если ты хочешь получить удовольствіе; иди въ сады, къ текущей рѣкѣ и озерамъ; рассматривай цвѣты и слушай пѣніе кузнечиковъ. Ты имѣешь жену, имѣешь дѣтей: что можетъ сравниться съ этимъ удовольствіемъ? У тебя есть домъ, есть друзья: эти

¹⁾ *И. Незоровъ*. „Мораль стоицизма и христ. правоученіе“. стр. 41—44.

удовольствія вмѣстѣ съ цѣломудріемъ доставляютъ и великую пользу. Въ самомъ дѣлѣ, скажи мнѣ: что можетъ быть пріятнѣе дѣтей и жены для того, кто хочетъ жить цѣломудренно? 1). И нынѣ въ молитвахъ нашей Церкви нерѣдко слышится призывъ къ веселію: „радуйтесь, людіе, веселитесь, прійдите, руками восплещемъ“ и проч.

Христіанство не возбраняетъ намъ совершенно мірскихъ удовольствій, прежде всего, въ смыслѣ *развлеченія* или болѣе или менѣе пріятнаго *отдохновенія* отъ трудовъ жизни, утѣшенія въ трудахъ и поощренія къ трудамъ дальнѣйшимъ. Трудъ, самъ по себѣ, необходимъ для насъ, какъ заповѣдь нашего Творца. Еще въ первобытномъ счастливомъ состояніи чело-вѣка, въ пору его райской жизни, ему было заповѣдано „воздѣлывать и хранить“ садъ едемскій, въ которомъ его поселилъ Господь (Быт. 2, 15). И этотъ трудъ былъ для невиннаго чело-вѣка источникомъ наслажденія, ибо онъ не могъ не видѣть, какъ дѣланію его покорялась вся природа, какъ дѣланіемъ его возвышалось все окружающее его. Только послѣ грѣхопаденія чело-вѣка, упражненія въ дѣлахъ, свойственныхъ ему, стали въ собственномъ смыслѣ *трудомъ*, т. е. болѣе или менѣе *тягостнымъ* занятіемъ, требующимъ извѣстнаго напряженія и изнуренія силъ, и онъ долженъ былъ „въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ“ (Быт. 3, 19). Притомъ же, и этотъ изнурительный трудъ рѣдко сопровождался удовольствіемъ, а чаще всего скорбію душевною; ибо земля, сдѣлавшаяся для чело-вѣка бесплодною, пораженною проклятіемъ, не вполне покорялась самымъ тяжкимъ его трудамъ и усиліямъ: „проклята земля за тебя; со скорбію будешь питаться отъ нея... Терніе и волчцы произрастятъ она тебѣ“ (ст. 17—18). Отсюда, не только тѣло чело-вѣка имѣетъ нужду въ отдохновеніи и возобновленіи силъ, а и душа его, утомляемая житейскою суетою, также нуждается въ отдохновеніи, освѣженіи и обновленіи. Тѣло укрѣпляется, какъ извѣстно, пищею и сномъ; а душа ищетъ забвенія своихъ скорбей, освѣженія и ободренія своихъ силъ, въ другихъ, болѣе свойственныхъ ей, наслажденіяхъ, хочетъ создать себѣ нѣчто похожее на потерянный рай. Все это естественно, даже необходимо, а потому и не можетъ быть осуждаемо. Даже строгій аскетизмъ не отвергаетъ

1) Творенія, т. VII, кн. 1. Спб. 1901 г., стр. 413.

безусловно умѣренныхъ развлеченій въ жизни христіанина. Извѣстно, какъ отвѣтилъ отецъ христіанскаго подвижничества, преп. *Антоній Великій*, нѣкоему звѣролову, смутившемуся при видѣ веселаго и даже нѣсколько шутливаго обращенія знаменитаго отшельника съ братіею. Онъ подалъ звѣролову лукъ и приказалъ натягивать его все больше и больше. Когда же тотъ высказалъ естественное опасеніе, что лукъ отъ этого можетъ переломиться, то преподобный сказалъ ему, что такъ точно можетъ повредиться и человѣкъ отъ постояннаго напряженія, тѣлеснаго или духовнаго, почему необходимо по временамъ давать нѣкоторую ослабу, отдохновеніе всякому трудящемуся.

Житейскія удовольствія также нисколько не предосудительны для христіанина, напротивъ, даже позволительны и законны, какъ естественное выраженіе *дружелюбія* и *гостепрѣимства*, или *уваженія* къ извѣстнымъ лицамъ, или какой-либо семейной и общественной *радости*. Въ притчѣ о блудномъ сынѣ Иисусъ Христосъ упоминаетъ, напримѣръ, о пѣннѣ и ликованн, по случаю возвращенія блуднаго сына, какъ о непредосудительномъ выраженіи человѣческой радости и веселія (Лук. 15, 23—25, 32). И Самъ Спаситель не отвергалъ угощеній, предлагавшихся Ему по чувству искренняго уваженія и расположенія къ Нему. Такъ, Онъ принималъ былъ въ домѣ Лазаря, котораго называлъ другомъ Своимъ, и хотя однажды не одобрилъ излишняго попеченія Мары, сестры Лазаревой, о приготовленіи для него угощенія, однакожь и не осудилъ *безусловно* ея поступка, а только сдѣлалъ замѣчаніе противъ именно *излишней* ея заботливости, по которой она и сама не имѣла досуга послушать слова Его, и сестру свою Марію, сидѣвшую у небеснаго Учителя, хотѣла отвлечь отъ того же самаго. (Лук. 10, 38—42). Также точно Онъ принималъ иногда угощенія, устроявшіяся собственно для Него, какъ напр., у Левія, послѣ призванія его къ апостольскому служенію. (Лук. 5, 29); былъ въ гостяхъ, и у богатыхъ мытарей и фарисеевъ, не отвергая ихъ усердія, и только обращая послѣднее въ спасительный урокъ для всѣхъ (Лук. 11, 37; 14, 1; 19, 5—10). Разъ Онъ присутствовалъ, вмѣстѣ съ Матерію Своею, на брачномъ торжествѣ, гдѣ благоволилъ даже совершить Свое первое чудо, претворивъ воду въ вино, и чрезъ то устранилъ непріятное

замѣшательство небогатыхъ хозяевъ, происшедшее по случаю недостатка у нихъ вина (Іоан. 2, 1—10). Другой разъ Онъ былъ съ Лазаремъ въ Виваніи на вечерѣ въ домѣ Симона прокаженного, и не отвергъ усердія Маріи, драгоценнымъ и благовоннымъ мѣромъ съ радостью помазавшей ноги Его. Когда сребролюбивый Іуда искаріотъ и нѣкоторые другіе изъ присутствовавшихъ здѣсь вознегодовали по поводу якобы напрасной траты мѣра, которое могло бы быть продано и вырученныя деньги могли быть розданы нищимъ, то Господь, въ оправданіе достохвальнаго поступка Маріи, изрекъ слово, по смыслу котораго, то, что благородно и цѣнно въ матеріальномъ отношеніи, можетъ жертвоваться на служеніе духу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, порицалъ то воззрѣніе на жизнь, по которому наивысшимъ считается все полезное и всякая забота о насущной нуждѣ. Вотъ это слово. „Что смущаете женщину? она доброе (καλόν, а не αγαθόν) дѣло сдѣлала для Меня. Ибо нищихъ всегда имѣете съ собою..., а Меня не всегда“ (Мѡ. 26, 7—14; Іоан. 12, 1—3. Ср. Марк. 14, 3—9). Если вы дѣйствительно *хотите* благотворить нищимъ,— какъ бы такъ говорилъ Спаситель,—то всегда можете найти благопріятный случай къ тому. Но наше существованіе на землѣ вовсе не такое жалкое, чтобы на ряду съ заботами о нищихъ и разными другими нуждами, у насъ уже не оставалось мѣста для радостей чистыхъ и удовольствій невинныхъ, а равно для жертвъ, требуемыхъ ими ¹⁾ Христось,— говоритъ проф. *Фр. Шибоди*,—„признаетъ, что человѣческая жизнь представляетъ еще другіе запросы, кромѣ простого ея поддержанія. „Не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ“ (Лук. 4, 4). Женщина, не жалѣя, возлила на голову Іисуса свой даръ, какъ бы въ отвѣтъ на глубокое человѣческое стремленіе къ красотѣ, глубокой мысли, радостной жертвѣ. Христось привѣтствуетъ ея даяніе, какъ привѣтствуетъ Онъ красоту лилій, свидѣтельствующихъ о совершенствѣ Божіемъ, и желаетъ, чтобы даяніе это стало для всѣхъ извѣстнымъ. „Истинно говорю вамъ: гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ, сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала“ (Мѡ. 26, 13). ²⁾

¹⁾ *Мартенсенъ*. „Христ. ученіе о нравственности“. т. II, стр. 319.

²⁾ „Исусъ Христось и соціальн. вопр.“. Пер. Моск., 1907 г. стр. 180.

Не возбраняя человѣку пользоваться удовольствіями чистыми и благородными, христіанство предостерегаетъ его только отъ удовольствій нечистыхъ, неумѣренныхъ и вредныхъ по своимъ послѣдствіямъ, какъ для него самого—для его нравственности, чести, нмущества, здоровья,—такъ и для его ближнихъ. ¹⁾ Таковы для него преимущественно суть высшія духовныя наслажденія (Еф. 5, 19; Колос. 3, 16), и только невинныя и совершенно безвредныя изъ земныхъ. При этомъ на эти послѣднія удовольствія христіанинъ долженъ смотрѣть не какъ на одну изъ существенныхъ цѣлей жизни, но какъ на средство для высшихъ цѣлей—для возбужденія и поддержанія въ себѣ чувства благодарности къ Богу—Подателю всякаго блага, подкрѣпленія своихъ силъ—душевныхъ и тѣлесныхъ и для расширенія своего сердца любовію къ ближнимъ. Наслаждаясь самыми чистыми земными радостями и самыми невинными удовольствіями, христіанинъ не долженъ, однакожь, думать, что вся временная жизнь его можетъ проходить въ этихъ удовольствіяхъ и радости, что можно „веселиться на всь дни свѣтло“ (Лук. 16, 19); ибо земная жизнь дается человѣку для трудовъ и подвиговъ, для перенесенія разныхъ испытаній и скорбей, неизбѣжныхъ въ этой жизни. „Горе вамъ, смѣющимся нынѣ“,—говоритъ Спаситель (Лук. 6, 25), т. е. горе тѣмъ, кто ни о чемъ другомъ, кромѣ наслажденій всякаго рода, не думаютъ и считаютъ ихъ главнымъ благомъ жизни, подобно тому евангельскому богачу, который, соображая свои выгоды, говоритъ въ самодовольствѣ: „душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись“ (Лук. 12, 19). Такое чрезмѣрное стремленіе къ удовольствіямъ достойно всякаго осужденія (Лук. 21, 34; Рим. 43, 13—14 и др.) и готовитъ человѣку часто еще въ настоящей жизни, но непременно въ будущей, самую печальную участь. Какъ послѣ нетрезваго разума человѣкъ просыпается съ тяжкимъ страданіемъ души, такъ и послѣ временной жизни, проведенной въ неумѣренныхъ удовольствіяхъ, пробужденіе для жизни вѣчной не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тяжкимъ мученіемъ. Вотъ почему еще Соломонъ, извѣдавшій всѣ наслажденія жизни, уступая человѣку, особенно въ молодости,

¹⁾ Проф.-прот. *Скворцовъ*. „Домашняя Бесѣда“ 1867 г. Вып. XXXII.

право искать удовольствій и пользоваться ими, съ кротостію мудреца, искушеннаго горькимъ опытомъ, предостерегаетъ его судомъ Божиимъ: „Веселись, юноша, въ юности твоей, и да вкушаетъ сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путямъ сердца твоего и по видѣнію очей твоихъ: только знай, что за все это Богъ приведетъ тебя на судъ“ (Еккл. 11, 9). Не то хочеть сказать этимъ Премудрый, что во всѣхъ удовольствіяхъ есть непременно грѣхъ, за который мы будимъ судимы на судѣ Божіемъ, но что надобно всегда пользоваться ими съ крайнею осторожностію и съ большимъ ограниченіемъ; иначе за нихъ намъ неизбѣжно придется дать отвѣтъ Богу.

Какія же именно житейскія удовольствія невинны и, слѣдовательно, позволительны христіанину? На этотъ вопросъ можно отвѣчать извѣстными уже намъ словами ап. Павла: „Для чистыхъ все чисто; а для оскверненныхъ и невѣрныхъ нѣтъ ничего чистаго, но осквернены и умъ ихъ и совѣсть“ (Тит. 1 15). Всякое наслажденіе можетъ имѣть и благотворное и вредное вліяніе, смотря по нравственному состоянію наслаждающагося имъ человѣка. Удовольствіе можетъ послужить въ истинную пользу только человѣку добродѣтельному; потому что сердцу такого человѣка радость всегда близка и неразлучна съ нимъ. „Если утвердимся въ добродѣтели“,—пишетъ св. *Іоаннъ Златоустъ*,—„то ничто уже насъ не будетъ печалить; ибо добрыя надежды внушаетъ она тѣмъ, кто приобрѣлъ ее, дѣлаетъ ихъ угодными Богу и почтенными предъ людьми, и даетъ имъ неизреченную отраду“¹⁾. Напротивъ, „нечестивымъ нѣтъ мира“,—говоритъ Господь устами пророка *Исаи* (Ис. 48, 22; 57, 21). Откуда, прежде вопроса—грѣшно или нѣтъ пользоваться тѣмъ или другимъ удовольствіемъ, надобно спросить самихъ себя: такъ ли мы чисты и непорочны душою, что никакое наслажденіе не можетъ возбудить въ насъ нечистыхъ помысловъ и пожеланій. Истинный христіанинъ и среди удовольствій земныхъ умѣетъ сохранить алчбу и жажду правды, среди радостей мірскихъ умѣетъ сокрывать въ сердцѣ своемъ спасительную печаль по Бозѣ, воздыхать о небесныхъ радостяхъ и блаженствѣ. Обыкновеннымъ же христіанамъ, не

1) Творенія, т. УІІ, кн. 2, Слб. 1901, стр. 551.

достигшимъ этой высоты духовнаго совершенства, необходимо руководиться какимъ-либо опредѣленнымъ правиломъ въ выборѣ тѣхъ или другихъ удовольствій. Такое правило мы находимъ въ томъ наставленіи ап. Павла, которое уже было приведено нами въ ученіи о такъ называемыхъ *адифорахъ*: „все мнѣ позволительно,—но не все полезно, все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ“ (1 Кор. 6, 12; 10, 23).

„Все мнѣ позволительно“, но все ли полезно? Всѣ удовольствія, согласно своему главному назначенію, должны быть отдохновеніемъ отъ трудовъ. Но прежде, чѣмъ пользоваться удовольствіями, необходимо испытать себя—дѣйствительно ли мы утомлены предшествующими трудами, чтобы позволить себѣ то или другое развлеченіе? Послужить ли предполагаемое удовольствіе къ освѣженію и возобновленію, а не къ большому истощенію и даже растлѣнію силъ нашихъ—тѣлесныхъ и душевныхъ? Въ послѣднемъ случаѣ надобно отказаться отъ наслажденія, которое будетъ сопровождаться очевиднымъ вредомъ. Ибо что за отдыхъ, когда, послѣ проведенной въ шумныхъ увеселеніяхъ ночи, нуженъ цѣлый день покоя, чтобы возстановить истощенныя силы? Надобно разсуждать и о томъ, не помѣшаетъ ли предположенное увеселеніе исполненію какихъ-либо высшихъ и священнѣйшихъ обязанностей? Въ такомъ случаѣ самое невинное удовольствіе дѣлается не только вреднымъ, но и преступнымъ. Если, напримѣръ, православный христіанинъ проводитъ въ увеселительныхъ собраніяхъ то время, въ которое Богъ устами Церкви призываетъ его на бдѣніе и молитву, то не будутъ ли неблаговременныя увеселенія его въ публичныхъ собраніяхъ достойными кары, оскорбленіемъ величія Божія? Всѣмъ памяты скорбныя слова Спасителя, сказанныя имъ въ ночь предъ Своими страданіями, когда Онъ, послѣ Своей молитвы, пришелъ къ уснувшимъ апостоламъ; „такъ ли не могли вы одинъ часъ бодрствовать со Мною?“ (Мѡ. 26, 40). Но апостолы только не смогли по естественной немощи и утомленію совершить подвига бдѣнія и молитвы въ часы душевной тоски своего Учителя и оставили Его одного, а не промѣняли пребыванія съ Нимъ на увеселенія, которыхъ, вѣроятно, въ ту ночь было немало въ большомъ тогда городѣ Іерусалимѣ. На кого же мѣняетъ Его христі-

анинъ, когда въ часы церковныхъ молитвъ, или покаянной печали, бѣжать отъ Него въ собранія не для Него и не во славу Его учрежденныя, а составляющія иногда открытое поруганіе Его святого имени? Не удивительно, что, по свидѣтельству исторіи, общественныя бѣдствія и посылаются Богомъ преимущественно за всенародное уничтоженіе величія Божія. „Не обманывайтесь,—говоритъ въ этомъ случаѣ ап. Павелъ,—„Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человекъ, то и пожнетъ“ (Гал. 6, 7). Такимъ образомъ, и невинное само по себѣ развлеченіе можетъ сдѣлаться преступнымъ и безвредное—вреднымъ.

„Все мнѣ позволительно“, но все ли покоряется мнѣ, а не стремится къ обладанію надо мною? Великая опасность чувственныхъ удовольствій состоитъ именно въ томъ, что къ нимъ легко пріобрѣтаются привычки, незамѣтно переходящія въ страсти. Наша чувственность жаждетъ наслажденій и всегда склонна къ ихъ повторенію и усиленію получаемыхъ отъ нихъ впечатлѣній. На повтореніи основывается привычка, на усиленіи впечатлѣній—увеличеніе жажды удовольствій; изъ той и другого вырабатывается страсть, которая совершенно овладѣваетъ нами, порабощаетъ себѣ и нашъ разумъ, и волю. Чѣмъ наслажденія сильнѣе раздражаютъ чувственность, тѣмъ болѣе страстною дѣлается привычка къ нимъ. Здѣсь постепенно воспитываются тѣ несчастные любители удовольствій, для которыхъ и жизнь не мила безъ привычныхъ наслажденій, которые готовы скорѣе разстаться съ нею, чѣмъ начать борьбу съ пріобрѣтенною привычкою. Но здѣсь вся сила зла заключается не въ удовольствіяхъ, позволительныхъ, самихъ по себѣ, а въ порочной привычкѣ къ нимъ, побуждающей насъ перейти въ наслажденіи ими должную мѣру и поработить себя имъ. „Невинно вино, укоризненно же пѣянство“,—говоритъ Премудрый (Прит. 20, 1). Вино, употребляемое въ надлежащей мѣрѣ, оживляетъ и укрѣпляетъ, но, когда употребляется неумѣренно, дѣйствуетъ ослабляющимъ, измождающимъ образомъ. Потому—то мы должны пользоваться удовольствіями въ чувствѣ присутствія Божія, должны не только „служить Господу со страхомъ“, но и „радоваться предъ Нимъ съ трепетомъ“ (Пс. 2, 11. ср. 31, 11, 32, 1, Филип. 4, 4), освящая свои радости мыслію о Богѣ, какъ, въ верховномъ Виновникѣ ихъ (1

Кор. 10, 31; 1 Тим. 44), и вмѣстѣ какъ о будущемъ Суднѣ и Мздовоздаятелѣ (Еккл. 11, 9).

„Все мнѣ позволительно, но все ли можетъ служить въ назиданіе? Нѣкоторыя изъ обычныхъ у насъ общественныхъ увеселеній, какъ, напр., *театральныя представленія* поставляютъ своею цѣлью не только эстетически услаждать и развлекать насъ, но и поучать и назидать. И дѣйствительно, сценическое искусство, наглядно изображая дѣйствительную человѣческую жизнь, какъ она есть, расширяетъ наше познаніе жизни и людей, увеличиваетъ въ насъ пониманіе ихъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сочувствіе людямъ. Съ этой точки зрѣнія, прежде всего, нельзя отрицать нравственно—воспитательнаго вліянія на общество за тѣмъ родомъ драматической поэзіи, который называется *комедіей*. Представляя на сценѣ достойныя посмѣянія пороки и слабости человѣческіе, она тѣмъ самымъ поставляетъ имъ преграду „Укажите,—говоритъ *Филаретъ*, митр. Московскій,—„на темный образъ порока, не терзая чувства, не оскорбляя вкуса чрезмернымъ обнаженіемъ его гнусностей... тогда можете надѣяться, что плѣнникъ порока отвратитъ отъ него устыженный взоръ“... 1) Смѣшное въ людяхъ зависитъ не отъ насъ; не отъ насъ зависитъ и способность поспрїятія комическаго, а дана намъ отъ Бога вмѣстѣ съ нашею природою. Смѣхъ, какъ гнѣвъ, получаетъ нравственный характеръ, когда служитъ исправленію ближняго. Нравственная польза смѣха, въ смыслѣ обличенія, несомнѣнна: люди боятся быть смѣшными. Истинный художникъ ведетъ своихъ зрителей или слушателей къ созерцацію идеала истины, добра и красоты, не однимъ только путемъ положительнымъ, но и отрицательнымъ—горькимъ смѣхомъ библейскаго пророка; подобно живописцу, онъ можетъ употреблять свѣтлыя и темныя краски въ извѣстномъ сочетаніи, только бы живѣе и ярче изобразить основной фонъ картины. Точно также несомнѣнно нравственно—воспитательное значеніе для общества и другого вида драмы—*трагедіи*, ближе всего соприкасающейся съ религіей. „Трагедія“—по словамъ Мартенсена,—„должна обнаруживать божественное міроуправленіе, и наполнять насъ страхомъ и благоговѣніемъ къ тѣмъ неизмѣннымъ законамъ правды, ко-

1) „Слова и рѣчи“. Т. V, стр. 454. Москва 1885 г.

торымъ подлежать человѣческая жизнь и человѣческія дѣйствія“¹⁾ О театрѣ, какъ о „такой каедрѣ, съ которой можно много сказать міру добра“, много и хорошо говорилъ нашъ великій писатель—христіанинъ, *Гоголь*—авторъ безсмертной комедіи „Ревизоръ“,—который съ высоко-развитымъ художественнымъ чувствомъ и глубокимъ пониманіемъ сценическаго искусства соединялъ въ своемъ лицѣ нравственную серьезность и религіозную настроенность²⁾. *Шекспиръ* устами *Гамлета* говоритъ: „цѣль театра была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро и зло; время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ“³⁾. И по мысли *Шиллера*, театръ долженъ быть „нравственнымъ учрежденіемъ“.

Но какимъ бываетъ онъ иногда въ дѣйствительности? Безспорно, что произведенія сценическаго искусства—этого расцвѣта и соединенія всѣхъ почти искусствъ,—какъ произведенія лучшихъ умовъ въ человѣчествѣ, высшихъ талантовъ, даруемыхъ Богомъ, должны возвышать и облагораживать душу человѣка, очищать и услаждать его сердце. Это ихъ главная и существенная задача. Но таковы ли дѣйствительно всѣ произведенія этого искусства? Дѣйствительно ли всѣ они полезны для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности“ (2 Тим. 3,16)? Далеко нѣтъ. Даже такой поклонникъ театра, какъ *Шиллеръ*, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Я согласенъ, что самолюбіе и упорство совѣсти нерѣдко уничтожаютъ лучшее его (т. е. театра) вліяніе, что тысячи пороковъ съ поднятымъ дерзко челомъ являются предъ его зеркаломъ, тысячи превосходныхъ чувствъ безплодно отражаются отъ холоднаго сердца зрителей; я допускаю, что, можетъ быть, „*Гарпагонъ*“ *Мольера* не исправилъ еще ни одного скрягу, что самоубійца „*Беверлей*“ не многихъ изъ своихъ братьевъ отвлекъ отъ ужасной страсти къ игрѣ, что злополучныя разбойничьи похождения „*Карла Моора*“ не сдѣлаютъ большихъ дорогъ безопас-

¹⁾ „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 710.

²⁾ „Сочиненія Н. В. Гоголя“. Т. VII. Спб. 1900 г. „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, стр. 59—70.

³⁾ Полное собр. соч. *Шекспира* въ перев. русск. писат. Т. II, траг. „Гамлетъ“. Спб. 1876.

⁴⁾ „*Шиллеръ* въ пер. русск. писателей“, т. III. „Театръ, какъ нравственное учрежденіе“, стр. 370. Спб. 1884 г.

ными¹⁾. Но, если вліяніе на нравственность общества и серьезной сцены не всегда благотворно, то что сказать о тѣхъ *рожцахъ* театральныхъ увеселеній, которые, какъ пресловутые „варьете“, „ренессансы“ и имъ подобныя опереточныя или частныя сцены, исключительно основаны на чувственности. Такія сцены вовсе нравственно не безвредны и не безопасны въ отношеніи ихъ нравственнаго вліянія, такъ какъ онѣ устраиваются въ цѣляхъ личной наживы, и потому для нихъ дѣло очень соблазнительное ставить представленія не тѣ, которыя отличаются художественными и нравственными достоинствами, но которыя наиболѣе льстятъ грубой чувственности извѣстнаго сорта публики, а антрепренеру даютъ хорошій сборъ. Посѣщающимъ подобныя театральныя зрѣлища, въ особенности безъ внимательной и строгой разборчивости въ нихъ, по преимуществу надобно твердо помнить наставленіе ап. Павла: „кто думаетъ, что онъ стоитъ, берегись, чтобы не упасть“ (1 Кор. 10, 12), и другое его же наставленіе: „все испытывайте, хорошаго держитесь“ (1 Тесс. 5, 21). Страстные, далеко не двусмысленные взгляды, раздражающая чувственность музыка, разжигающая тѣлесная близость и соблазнительныя тѣлодвиженія, атмосфера интригъ и т. п. вполне приближаютъ подобнаго рода сценическія представленія къ языческимъ зрѣлищамъ временъ отеческихъ. Къ нимъ по справедливости приложимы слова *Климентя Александрійскаго*, назвавшаго увеселенія своего времени „гнѣздилищами заразы“. „Они“,—какъ и современныя этому церковному писателю театральныя увеселенія,—„полны безпорядочности и беззаконія. Перемѣшиваются на нихъ между собою мужчины и женщины, чтобы взаимно себя видѣть. Взоры чувственностію питаются, пожеланія разгораются и праздные глаза, случай имѣя сосѣдей пристально разсматривать, воспаляются чувственными пожеланіями.. Какихъ только грязныхъ дѣяній на этихъ зрѣлищахъ не представляется, какихъ только безстыдныхъ словъ здѣсь не произносятся! И хуже всего то, что, кто въ этихъ пошлостяхъ находитъ удовольствіе, тотъ приноситъ образъ ихъ съ собою и домой“¹⁾. Разъ испытавши это удовольствіе, человекъ при удобномъ случаѣ для повторенія его не всегда оказывается

¹⁾ „Педагогъ“, кн. III, гл. II, стр. 316—318. Перев. Н. Корсунскаго.

въ силахъ удержаться отъ него. И такъ, по словамъ высокопр. *Димитрія*, архіеп. Херсонскаго,—и начинается жизнь разсѣянная, праздная и бесплодная; такъ заглушается мало-по-малу голосъ совѣсти и требованія долга ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ противниковъ театра, которые утверждаютъ, будто нравственно-воспитательное значеніе сценическаго искусства отрицается христіанствомъ, что называется, въ самомъ *принципѣ* ²⁾. Мы не можемъ допустить, чтобы христіанство не признавало *никакого* такого значенія даже за классическими произведеніями драматическаго искусства, каковы, напр., произведенія корифеевъ драмы, въ родѣ *Шекспира*, *Шиллера*, *Гете* и др.; но думаемъ, что оно должно указать имъ свое опредѣленное мѣсто. Какое же это мѣсто? Приблизительно такое, какое оно указываетъ, напр., произведеніямъ философіи. Не признавая философскія произведенія истинными во всемъ ихъ объемѣ, христіанство, однакожъ, не отрицаетъ за ними *общечеловѣческаго* значенія. И какъ въ философіи оно принимаетъ не все, а только то, что согласно съ его міросозерцаніемъ и не противно его духу, такъ точно оно относится и къ искусству, въ частности—къ драматическому. И мы видимъ, что христіанскіе писатели точно также пользуются для научнаго обоснованія религіозно-нравственныхъ истинъ художественными идеями *Достоевскаго*, *Шекспира*, *Гете* и др., какъ они пользуются философскими идеями, напр., *Лейбница*, *Канта*, *Соловьева* и др.

Едва ли можно отрицать *всякое* нравственно-воспитательное значеніе за современнымъ сценическимъ искусствомъ, на томъ основаніи, что въ немъ недостаточно чисто и полно выражено христіанское міровоззрѣніе. Чистаго и абсолютнаго полнаго своего выраженія христіанство не нашло еще пока нигдѣ на землѣ—ни въ общественной жизни, ни въ жизни отдѣльныхъ лицъ, ни въ наукѣ, ни въ искусствахъ. Съ другой стороны, нравственно-религіозный характеръ драматическаго искусства вовсе не заключается въ наглядномъ изображеніи добродѣтелей, въ прямой проповѣди истинъ вѣры и правилъ нравственности, въ положительной разра-

¹⁾ Соч. т. IV, стр. 59. Москва, 1898 г.

²⁾ См. *Никаноръ*, архіеп. Херсонскій. „О театральныхъ зрѣлищахъ въ великій постъ“. Одесса, 1888 г., стр. 4.

боткѣ библейско-историческихъ сюжетовъ и т. п.: все это можетъ дать только скучное нравоучительное резонерство. „Пусть любитель увеселеній“,—говоритъ архіеп. *Димитрій (Муретовъ)*,—„признается самому себѣ, пошелъ-ли бы онъ на зрѣлище, если бы оно поучало христіанскимъ добродѣтелямъ, возбуждало въ немъ истинно возвышенныя, чистыя и святыя чувства, восторгало сердце его благоговѣніемъ и умиленіемъ предъ Богомъ, представляло ему примѣры высокаго подвижничества христіанскаго, живой и спасительной вѣры и благочестія? О, тогда, навѣрно, всѣ мѣста увеселеній оставались бы пустыми!“ 1).

Мало того. Изображеніе на театральной сценѣ всего священнаго и религіознаго, на чемъ основывается наше прямое личное общеніе съ всесвятымъ Богомъ, даже и не желательно, и должно быть рѣшительно воспрещено. Въ самомъ дѣлѣ, какое религіозно-благоговѣйное чувство можетъ примириться съ сценическимъ представленіемъ нашего Господа въ видѣ предмета эстетическаго наслажденія, или простаго развлеченія?.. Да и вся евангельская исторія не должна быть обрабатываема для театральной сцены. „Вѣдь драматическая обработка священной исторіи“,—говоритъ *Мартенсенъ*.—„не можетъ обойтись безъ прикрасъ и прибавленій. А эта исторія, какъ основа нашей вѣры, должна быть принимаема, какъ она есть, и на прикрасы и прибавленія въ этой области нужно смотрѣть, какъ на профанацію“ 2). Суетное, механическое изображеніе на сценѣ церковнаго богослуженія, молитвы, таинствъ, крестнаго знаменія и пр. есть отвратительная поддѣлка подъ личное благочестіе, есть религіозный соблазнъ и дерзкое кощунство надъ христіанствомъ и церковью 3).

Драматическое искусство, какъ и всякое искусство, можетъ быть нравственнымъ и даже религіознымъ, если оно вдѣхновляется согласными съ христіанской религіей нравственными идеями, которыя имѣютъ свой источникъ не въ Евангеліи только, но и въ естественномъ, нравственномъ

1) „Слова, бесѣды и рѣчи“, т. IV. Москва, 1898 г. стр. 58.

2) „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 707.

3) Тамъ же, стр. 708—710. Ср. *Иванъ Государскій*. „Голосъ православнонаго мірянина противъ совершенія актерами крестнаго знаменія на театральной сценѣ“. „Вѣра и Разумъ“, 1895 г., № 24, стр. 683—689.

законѣ, не отрицаемомъ христіанствомъ. Нравственность и религіозность искусства заключаются въ общемъ духовномъ настроеніи художника, иногда даже имъ неясно сознаваемомъ, и, тѣмъ не менѣе, оплодотворяющемъ весь его творческій процессъ.

Неясное представленіе о томъ, что собственно надобно разумѣть подѣ *нравственностію искусства*, играетъ значительную роль въ возраженіяхъ, направленныхъ противъ театра лицами, предубѣжденными противъ него, для которыхъ онъ отходитъ въ разрядъ, если не совсѣмъ недозволенныхъ, то сомнительныхъ и несерьезныхъ общественныхъ увеселеній¹⁾. Впрочемъ, многія изъ этихъ возраженій противъ театра такого свойства, что они въ извѣстной мѣрѣ могутъ быть направлены противъ всякаго искусства, и скорѣе относятся къ злоупотребленію театромъ, страстному увлеченію имъ, чѣмъ къ самому существу его. И если разсматривать подобнаго рода возраженія противъ театра съ этой точки зрѣнія, т. е. со стороны опаснаго для нравственности излишка доставляемыхъ имъ наслажденій, то въ такомъ случаѣ нельзя не признать ихъ въ значительной степени серьезными. „Тѣ, кто ежедневно посѣщаютъ театры для *убиванія времени*“ — пишетъ *Мартенсенъ*, — „не принимаютъ во вниманіе того, что въ дѣйствительности вмѣстѣ со временемъ они убиваютъ и самихъ себя, свою собственную умственную жизнь, убиваютъ этими вѣчно измѣнчивыми зрѣлищами, которыя, будучи лишь несовершенно воспринимаемы, не производятъ впечатлѣній, не даютъ настоящаго питанія. Чѣмъ болѣе душа наполняется этими пустыми зрѣлищами, тѣмъ она и сама дѣлается пустою и лѣнливою, болѣе теряетъ въ себѣ жизненности, умственныхъ силъ и плодотворныхъ зародышей, которые гибнутъ отъ столь опустошительнаго натиска“²⁾. Не оправдывается ли въ такомъ *пристрастїи* къ театральнымъ представленіямъ пророческое слово ап. Павла: „будетъ время, когда здраваго ученія принимать не будутъ, но по своимъ прихотямъ

¹⁾ *Еп. Теофанъ Затворникъ*. „Письма о христіанской жизни“, стр. 63. Прот. *Іоанъ (Серіезъ) Кронштадтскій* „Дневникъ“. Изд. „Русск. Паломника“. Спб. 1897 г., стр. 7 и др.

²⁾ Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 711. Ср. *Амеросій, архіеп. Харьковскій*. „Слово объ удовольствіяхъ“. „Полное собраніе проповѣдей“, Т. III. Харьковъ, 1892 г., стр. 54, 55.

будутъ избирать себѣ учителей, которые льстили бы слуху. И отъ истины отвратятъ слухъ, и обратятся къ баснямъ“ (2 Тим. 4, 3, 4).

Что же касается *принципальныхъ* противниковъ театра, для которыхъ театральная зрѣлища нѣчто безусловно недо-зволительное, а представители сценическаго искусства, лице-дѣйствующіе передъ зрителями—люди отверженные, то такіе, въ оправданіе своихъ отношеній къ современному театру, ссылаются на *недѣйствующія* большею частію постановленія древней церкви о *языческомъ* театрѣ и его участникахъ¹⁾. Здѣсь разумѣются *апостольское правило* 18, не допускающее къ степенямъ священства вступившаго въ супружество съ *позорищного*²⁾; *правило* 24 *шестого* вселенскаго собора, не позволяющее присутствовать на театральныхъ *языческихъ* играхъ ни клирику, ни монаху³⁾; *правило* 18 *Карфагенскаго* собора, запрещающее всѣмъ христіанамъ посѣщеніе мірскихъ зрѣлищъ, на которыхъ „бываютъ хуленія“ и др.⁴⁾

Но въ древней Греціи драма, которой полнымъ вопло-щеніемъ и лучшимъ истолкователемъ былъ и есть театръ, возникала прямо изъ языческаго общественнаго богослуженія, въ которомъ жрецъ въ своемъ лицѣ изображалъ грязныя похождения изъ жизни бога *Вакха*, а хоръ, представляющій собой народъ, выражалъ свои чувства и мысли по поводу этихъ походовъ, причемъ если изображались печальныя похождения *Вакха*, то это называлось *трагедіей*, а если веселыя,—то *комедіей*.—Отсюда греческій театръ выросъ на почвѣ язычества и всецѣло проникся его духомъ, а вдоба-вокъ часто позволялъ себѣ издѣваться надъ новой рели-гіей-христіанствомъ, какъ свидѣтельствуется объ этомъ *Тер-туллианъ* „(De praescr. haeret.“, с. 40). Само собою разумѣется, что къ такому, часто *языческому* театру, „подлежавшему всеобщему нравственному упадку того времени“, древняя

¹⁾ См. *Никаноръ*, архіеп. Одесскій. „О театральныхъ зрѣлищахъ въ великій постъ“. Одесса, 1888 г., стр. 2, 3. Ср. Свящ. *И. И. Орфановскій*. „Сценическія представленія съ религіозно-нравственной точки зрѣнія“. „Вѣра и Церковь“ 1900 г., кн. 5, стр. 762.

²⁾ Правила св. Апостоль съ толков. М. 1901 г., стр. 33.—Въ подл. τὸν ἐπὶ σκηνῆς; съ одною изъ лицедѣйствующихъ на языческой сценѣ: σ=σ, κ=с, η=e, ν=n, η=a; σκηνῆ=сцена.

³⁾ Правила св. вселенскихъ соб. М. 1900 г., стр. 103—104.

⁴⁾ Правила св. помѣстныхъ соб. М. 1903 г., стр. 412.

церковь не иначе должна была относиться, какъ только отрицательно. „Церковь“, — пишетъ Гоголь, — „начала возставать противъ театра въ первые вѣка всеобщаго водворенія христіанства, когда театры одни оставались прибѣжищемъ уже повсюду изгнаннаго язычества и притомъ безчинныхъ его вакханалій“ ¹⁾. Иное дѣло театральное искусство, развившееся подъ могущественнымъ вліяніемъ христіанской религіи, которая несомнѣнно положила свой отпечатокъ и на немъ въ меньшей степени, чѣмъ на всѣхъ другихъ искусствахъ. Вотъ почему православная церковь не могла уже такъ строго, какъ прежде, относиться къ театру, утратившему ту языческую окраску, которая только и служила причиною его осужденія. Не только въ Западной Европѣ ²⁾, но и у насъ, въ Россіи, появлялись опыты, такъ называемой, „духовной драмы“, въ которой при театральной обстановкѣ изображались библейскія событія, не для одного лишь простаго увеселенія, но также для поученія и назиданія. Когда „образование“ новыхъ народовъ Европы „началось уже на христіанскомъ грунтѣ“, тогда, по словамъ Гоголя, „сами святители начали первые вводить театр: театры завелись при духовныхъ академіяхъ. Нашъ *Дмитрій Ростовскій*, справедливо поставляемый въ рядѣ св. отцовъ Церкви, слагалъ у насъ пьесы для представленія въ лицахъ“ ³⁾. И далѣе, мы не видимъ въ *дѣйствующемъ* церковномъ законодательствѣ никакихъ постановленій, ни въ отношеніи къ клирикамъ, ни тѣмъ менѣе къ мірянамъ, которыми бы воспрещалось для нихъ посѣщеніе театра ⁴⁾. Напротивъ того, Церковь, совершая чинъ

¹⁾ См: цитир. сочин., стр. 59.

²⁾ Hase, „*Das Geistliche Schauspiel*“, s, 314 и др.

³⁾ Цитир. соч. стр. 59.

⁴⁾ Если же лицами нашего духовенства не посѣщается театр, то это обусловливается не закономъ, а обычаемъ, иногда болѣе могущественнымъ, чѣмъ самый законъ. Впрочемъ, этотъ обычай имѣетъ для себя достаточно серьезное основаніе въ нѣсколько иныхъ, болѣе строгихъ и высокихъ, до сравненія съ мірянами, требованіяхъ, какія предъявляются православною церковію священнослужителямъ, какъ къ „соли земли“ и къ „свѣту міра“ (Мѡ. 5, 13, 14. Ср. Тим. 2, 12; 3, 2, 10, Тит. 1, 8). Даже Гоголь, столь высоко цѣнившій посѣщеніе театра по нравственнымъ основаніямъ, замѣчаетъ по этому поводу въ отношеніи къ лицамъ нашего духовенства: „Повѣрьте, что если бы стали они встрѣчаться съ нами (т. е. съ мірянами) чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ (въ томъ числѣ, конечно,

освященія закладки и зданія театра, а также молебствія предъ открытіемъ сценическихъ представленій, тѣмъ самымъ не воспрещаетъ ни для кого посвѣщенія театра; иначе она не благословила бы именемъ Божиимъ мѣста, гдѣ нельзя быть христіанину, и дѣла, противнаго христіанской нравственности. Если бы Церковь въ принципѣ отвергла театральное искусство, которое, вмѣстѣ съ другими искусствами, составляетъ только часть цѣлаго, называемаго культурою, то тѣмъ самымъ она явно отеклась бы отъ всей цивилизаціи и культуры, представляющей собою „ни больше, ни меньше, какъ безсознательное вскисаніе отъ той самой закваски, которую изъ рукъ Христа бросили въ міровое мѣсило апостолы“¹⁾. Это отреченіе Церкви отъ цивилизаціи, созданной ею же самою, было бы съ ея стороны даже нѣкоторою измѣною своему земному назначенію—оказывать культурно-просвѣтительное вліяніе на христіанское общество²⁾.

Высказанныя выше сужденія о театрѣ закончимъ слѣдующимъ замѣчаніемъ: такъ какъ (что бы христіанскіе моралисты ни говорили о театрѣ), кажется, нѣтъ ни малѣйшей надежды, чтобы театръ былъ когда либо уничтоженъ въ обществѣ, то, по крайней мѣрѣ, мы должны бы настаивать, въ цѣляхъ облагороженія народной жизни, на строгомъ требованіи отъ сценическаго искусства, чистоты и цѣломудрія, отсутствіемъ которыхъ серьезно страдаютъ извѣстнаго сорта театральныя пьесы, „начиная съ водевилей и недодуманныхъ драмъ до блестящихъ балетовъ и даже оперъ“³⁾. На этомъ именно серьезномъ требованіи настаивалъ и Гоголь когда писалъ: „живя весь въ своемъ искусствѣ, котораго

и театральныхъ) и гульбищахъ... это было бы нехорошо. Духовному предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ“, (Цитир. соч. стр. 37). Нѣкоторую аналогію церковному обычаю, воспрещающему для нашего духовенства посвѣщеніе театра, можно находить въ томъ постановленіи Церкви, которое безусловно не дозволяетъ священнослужителямъ второбрачія (пр. 3 и 6 Труд. вселен. соб.), возможнаго, при извѣстныхъ условіяхъ, для мірянъ (1 Кор. 7, 39).

¹⁾ В. Ф. Эрнъ. „Христіанство и міръ“. „Живая жизнь“. 1907 г. № 1, стр. 44.

²⁾ Проф.-прот. П. Я. Святловъ. „Идея Царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“. „Богословскій Вѣстникъ“ 1902 г. ноябрь, стр. 283.

³⁾ Слова Гоголя въ цитир. соч., стр. 64.

чистоту блюдетъ онъ, какъ святыню, художникъ—артистъ не допустить никогда, чтобы театръ сталъ проповѣдникомъ разврата. Итакъ, не театръ виноватъ. Прежде *очистите* театръ отъ хлама, его загроздившаго, и потомъ уже судите, что такое театръ“¹⁾. Нельзя не допустить позволительности театральнаго искусства, насколько оно отвѣчаетъ требованіямъ не только истинно художественнаго, но и чисто нравственнаго идеала. „Все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ“²⁾.

Съ точки зрѣнія этого апостольскаго правила должно судить о позволительности для христіанина и нѣкоторыхъ *другихъ свѣтскихъ увеселеній*.

И, прежде всего, такъ называемые, *танцы*, сами по себѣ, какъ ритмическое или мимическое выраженіе жизнерадостности въ легкихъ и граціозныхъ движеніяхъ тѣла, не суть предосудительное въ нравственномъ отношеніи развлеченіе, въ особенности для тѣхъ, кто чувствуетъ въ себѣ избытокъ молодыхъ силъ. При условіи чистоты и цѣломудрія, танецъ служитъ къ возвышенію чувства юности и относится къ поэзіи юношеской жизни, причемъ танцы и вообще приличны болѣе всего юношеству. Въ этомъ именно можетъ заключаться ихъ извѣстное и эстетическое, и нравственное оправданіе. У евреевъ, какъ и у многихъ другихъ народовъ, религіозный восторгъ выражался въ пляскѣ. Царь Давидъ въ порывѣ этого восторга *скокалъ* и *плясалъ* предъ ковчегомъ завѣта (2 Цар. 6, 14, 16). Да и мірская радость находитъ свое естественное выраженіе въ извѣстнаго рода тактическихъ тѣлодвиженіяхъ. Пророкъ Іеремія отъ лица Божія говоритъ о времени возвращенія евреевъ изъ плѣна вавилонскаго: „Тогда дѣвица будетъ веселиться въ *хороводъ*, и юноща, и старцы вмѣстѣ; и измѣню печаль ихъ на радость и *утѣшу* ихъ и обрадую ихъ послѣ скорби“. (Іерем. 31, 13). Что танцы, сами по себѣ, въ мірской жизни не могутъ быть отвергаемы, это слѣдуетъ и изъ притчей Господа, гдѣ танцы служатъ выраженіемъ радости (Притча о блудномъ сынѣ). Но есть и такіе танцы, на которыхъ протанцовыва-

¹⁾ Цитир. соч., стр. 66.

²⁾ О нравственномъ значеніи театра, кромѣ цитир. соч., см. еще замѣтку проф. П. Я. Свѣтлова, „Умышленная непонятливость“, „Богословскій Вѣстникъ“ 1903 г., февраль.

ется всякая добродѣтель. Коль скоро они дѣлаются лишь символической половой отношеній и къ нимъ примѣшивается похоть плоти и похоть очей, то въ такомъ случаѣ ихъ надо разсматривать, какъ грѣховную забаву, противную седьмой заповѣди, и потому несвойственную истинному христіанину. Св. Іоаннъ Златоустъ, считая такого рода танцы прямымъ раздраженіемъ чувственности и замаскированнымъ развратомъ, въ своемъ объясненіи евангельскихъ словъ: „*плясавши Иродіади*на?“, замѣчаетъ: „забава, достойная такого пиршества! Ибо гдѣ нѣга и роскошь, гдѣ пьянство и всякія забавы, тамъ нѣтъ ничего твердаго, но все шатко и непостоянно. Слушайте это вы, которые любите смотрѣть на *пляшущихъ* и тѣмъ растлѣваете свои сердца, слушайте, какой плодъ принесло искусное *плясаніе*“. Не иначе, какъ на начало или поводъ къ нравственному паденію, смотрѣли на страстное увлеченіе Иродіадинымъ искусствомъ и цѣлыя соборы пастырей. Шестого вселенскаго собора правило 62 запрещаетъ „всенародныя женскія *плясанія* (по современному—*балетъ*), великій вредъ и пагубу наносити могущія“ (ср. пр. 51) ¹⁾. Лаодикійскаго собора пр. 53 предписываетъ: „не подобаетъ христіанамъ, на браки ходящимъ, *скакати* и *плясати*, но скромно вечеряти и обѣдати ²⁾“.

Свѣтское *пѣніе*—удовольствіе естественное и общечеловѣческое, почему заслуживаетъ даже особаго поощренія. Но, чтобы это удовольствіе было христіанскимъ, нужно избѣгать пѣсенъ пошлаго содержанія, нарушающихъ доброе настроеніе духа. Подобно пѣнію, и свѣтская музыка, „*die edle Frau Musica*“ (благородная госпожа музыка), какъ называлъ ее *Лютеръ*, при условіи нравственнаго настроенія человѣка, можетъ возвышать и облагораживать его душу, успокаивать возволнованное страстями сердце. Извѣстно о Саулѣ, что „когда Духъ отъ Бога бывалъ“ на немъ, то, при игрѣ Давида на гусяхъ, „отраднѣе и лучше становилось Саулу, и злой духъ (т. е. духъ унынія и тоски) отступалъ отъ него“ (1 Цар. 16, 23). Умиротворяющее или смягчающее вліяніе музыки именно и имѣли въ виду греки, когда образно выражались о мелодіяхъ и волшебныхъ пѣсняхъ, что ими будто бы даже можно было изгонять страхъ смерти, или сразу утѣшить и успокоить ребенка въ конвульсивныхъ

¹⁾ Правила св. вселенск. соб. М., 1900 г., стр. 206—209; 240—246.

²⁾ Правила св. помѣстн. соб. М., 1880 г., стр. 270—271.

мукахъ смерти¹⁾. Но, если въ жизни нашей отсутствуютъ нравственные идеалы, то и музыка оземляется и, удовлетворяя нашимъ невысокимъ требованіямъ, не возвышаетъ и не очищаетъ нашихъ страстей. „Ибо отъ такого рода музыки“,— говоритъ Василій Великій,—„обыкновенно, возникаютъ страсти—порожденія рабства и низости. А намъ должно учиться иной музыкѣ, которая лучше, и ведетъ къ лучшему, которою, пользуясь Давидъ, творецъ священныхъ пѣснопѣній, какъ говоритъ Писаніе, избавлялъ царя отъ неистовства. Сказываютъ же, что Пизагоръ, встрѣтивъ упившихся на пиру, свирѣльщику, который управлялъ пиромъ, велѣлъ, перемѣнивъ напѣвъ, заиграть на дорическій (т. е. серьезный) ладъ, и пирующие такъ образумлены были этою игрою, что, сбросивъ съ себя вѣнки, разошлись со стыдомъ. А иные при звукахъ свирѣли предаются неистовствамъ, какъ корибанты и вакханты. Столько разности—наполнять ли слухъ сладкопѣніемъ здравымъ, или негоднымъ!“²⁾.

Изъ такъ называемыхъ общественныхъ игръ самую распространенною въ наше время является игра въ карты³⁾. Удовольствіе, доставляемое этою игрою, можетъ, пожалуй, состоять въ томъ, что въ ней добровольная и не слишкомъ утомительная дѣятельность сочетается съ случайностію, съ тѣмъ, что въ несерьезномъ смыслѣ называется счастьемъ и несчастіемъ⁴⁾. Карточная игра, по словамъ Шлейермахера, „всегда есть признакъ несовершенной, низшей степени общественной жизни“⁵⁾. Не возражая противъ этого, мы, тѣмъ, не менѣе, полагаемъ, что эта игра, сама по себѣ, не можетъ, быть названа безнравственною, и вопросъ о томъ, можетъ ли и въ какой мѣрѣ можетъ участвовать въ этомъ развлеченіи то или другое лицо, по нашему убѣжденію, долженъ быть рѣшаемъ только въ духѣ извѣстнаго апостольскаго наставленія, (1 Кор. 6, 12; 10, 23 т. е.), *индивидуально*. Кто играетъ въ карты лишь ради развлеченія въ свободное отъ занятій время, т. е. ради того, чтобы во время отдыха, послѣ серьезной умственной работы,

¹⁾ Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“, т. I, стр. 354.

²⁾ Творенія. Изд. 3, ч. IV. Серг. Пос. 1892 г., стр. 333.

³⁾ Объ играхъ вообще съ нравств. точки зрѣнія см. Rothe. „Theologische Ethik“. Zw. Aufl. Bd. 5. Wittenberg. 1871, s. 197 ff.

⁴⁾ Мартенсенъ. „Христ. ученіе о нравственности“. т. II, стр. 510.

⁵⁾ Schleiermacher. Die christliche Sitte, s. 696.

заняться въ кругу добрыхъ знакомыхъ чѣмъ-либо болѣе легкимъ, но, однакожь, такимъ, что требуетъ нѣкотораго соображенія и искусства,—тотъ можетъ позволить себѣ это удовольствіе, для него карточная игра не грѣхъ. Но кто играетъ въ карты съ недостойною христіанина цѣлью—неправедно воспользоваться чужимъ добромъ, съ явнымъ ущербомъ для своего и другихъ здоровья и матеріальнаго благосостоянія, съ предосудительнымъ желаніемъ какъ-нибудь убить дорогое для него время, или кто увлекается игрою настолько, что проводить за нею все почти время, назначенное для серьезныхъ занятій, тому играть въ карты грѣшно, его игра уже носить совершенно преступный характеръ—*азартной* игры. Церковь всегда осуждала такія игры. Въ древнее время, правда, карточной игры не существовало, но все же азартныя игры настоящаго времени представляютъ копію съ языческихъ игръ. Игральныя кости древнихъ язычниковъ, шестигранныя и четырехгранныя съ обозначеніемъ на нихъ нумеровъ, составляютъ прототипъ нашихъ игорныхъ картъ ¹⁾. Апостольскія правила 42 и 44 приравниваютъ азартную игру къ пьянству ²⁾. Самое рѣшительное осужденіе такой игры въ кости находимъ въ сочиненіи „Объ играхъ“ (De aleatoribus), приписываемомъ папѣ Виктору ³⁾. Первое соборное постановленіе противъ этой игры встрѣчаемъ въ 79 правилѣ Эльвирскаго собора. Болѣе строго азартныя игры запрещаются правиломъ 56 вселенскаго собора.

У всѣхъ народовъ общественныя собранія связываются съ застольными удовольствіями, съ принятіемъ пищи и питія. Общая трапеза всегда служила символомъ взаимнаго духовнаго общенія между людьми (Дѣян. 2, 42). Отсюда *гостепріимство*—дѣло весьма почтенное; еще апостолы увѣщевали любить братство, не забывать общенія. По словамъ бл. *Оеофилакта*, велико благо и „отъ гостепріимства, какъ показала Марѳа, и не нужно пренебрегать имъ... Но гостепріимство дотолѣ похвально, доколѣ оно не отвлекаетъ и не отводитъ насъ отъ того, что болѣе нужно“ ⁴⁾. Собранія и

¹⁾ Прот. Ст. Остроумовъ. „Христіанскія мысли о развлеченіяхъ“. „Вѣра и Разумъ“ 1900 г., № 1. стр. 14.

²⁾ Прав. св. Апостолъ; стр. 81, 83—84.

³⁾ См. объ этомъ „Творенія св. отцовъ“ 1889 г., кн. II, стр. 640—658.

⁴⁾ См. его „Благовѣстникъ“. Спб. 1912 г., стр. 350.

вечери“,—говорить преосвящ. *Феофанъ*,—„полезны; ибо приводятъ въ движеніе замедляющееся отъ неупотребленія развитіе любви и потому возвышаютъ и скрѣпляютъ внутренній союзъ всѣхъ. Тутъ происходитъ то же, что въ Вольтовомъ столбѣ. Только само собою разумѣется, что учреждать ихъ надо не въ угодность плоти и врагу, а въ пользу духа и спасенія. Образцы ихъ—древнія *вечери любви*“¹⁾. Но каждый христіанинъ, согласно извѣстному апостольскому правилу, можетъ пользоваться гостепрѣимствомъ въ зависимости отъ своей индивидуальной настроенности. Кто, по своему внутреннему состоянію, имѣетъ возможность почти всю ночь провести на балу, и, тѣмъ не менѣе, въ свое время проснуться, помолиться Богу и затѣмъ взяться за свои обычныя занятія (какъ рассказывается, напр., о *Сократѣ*), тотъ можетъ принять приглашеніе на такой балъ. Кто же замѣчаетъ, что ему, послѣ почти безъ сна проведенной ночи, надобно долго отдыхать и собираться съ силами, чтобы быть въ состояніи надлежаче заниматься своими дѣлами, для того балы „не полезны“ и, слѣдовательно, непозволительны²⁾.

Само собою разумѣется, что христіанское гостепрѣимство не должно принимать характера смѣшныхъ и тѣмъ болѣе позорныхъ гульбищъ. „О смѣхѣ сказалъ я: глупость! а о веселіи: что оно дѣлаетъ?“ (Еккл. 2, 2). „Горе тѣмъ“—говорить пророкъ Исаія,—„которые съ ранняго утра ищутъ сикеры, и до поздняго вечера разгорячаютъ себя виномъ. И цитра и гусли, тимпанъ и свирѣль, и вино на пиршествахъ ихъ; а на дѣла Господа они не взираютъ, и о дѣяніяхъ рукъ Его не помышляютъ“ (Ис. 5, 11—12). Лаодикійскаго собора правила 53—55 запрещаютъ не только духовнымъ лицамъ, но и мірянамъ дѣлать пиры въ складчину, „зрѣти позорищныя представленія на бракахъ и пиршествахъ“ и предписываютъ „прежде вхожденія позорищныхъ лицъ вставать и уходить“. Свѣтскій обычай провозглашенія *тостовъ* за благополучіе

¹⁾ „Начертанія христіанскаго нравоученія“. Москва 1891 г. стр. 449.—О вечерахъ любви см. прекрасную ст. *С. Самарцева*, „Христіанскія агалы, или вечера любви въ Апостольскій вѣкъ“. „Вѣра и Разумъ“ 1915 г., № 5.

²⁾ Проф. *М. А. Олестичій*. „Нравственное Богословіе“. Кіевъ, 1892 г., стр. 100.

³⁾ Правила св. помѣстн. соб., стр. 270—273.

лица или успѣхъ дѣла, по нашему мнѣнію, могъ бы быть согласенъ съ христіанскимъ настроеніемъ, если бы не чуждались умѣстнаго въ подобныхъ случаяхъ и обычного въ духовномъ кругу выраженія *молитвеннаго* пожеланія этихъ благъ (Ср. Неем. 2, 4; Быт. 24, 33 и дал.)¹⁾.

Любовь къ праздности изобрѣла и такую, уже совершенно предосудительную съ христіанской точки зрѣнія, общественную забаву, какъ *маскарадъ*. Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ была осуждена эта забава, какъ нѣчто противонатуральное: „На женщинѣ не должно быть мужской одежды, и мужчина не долженъ одѣваться въ женское платье; ибо мерзокъ предъ Господомъ, Богомъ твоимъ, всякій дѣлающій сіе“ (Втор. 22, 5). И шестого вселенскаго собора правило 62 предписываетъ: „мужу не одѣваться въ женскую одежду, ни женѣ въ одежду, мужу свойственную; не носить личинъ комическихъ, или сатирическихъ или трагическихъ“.

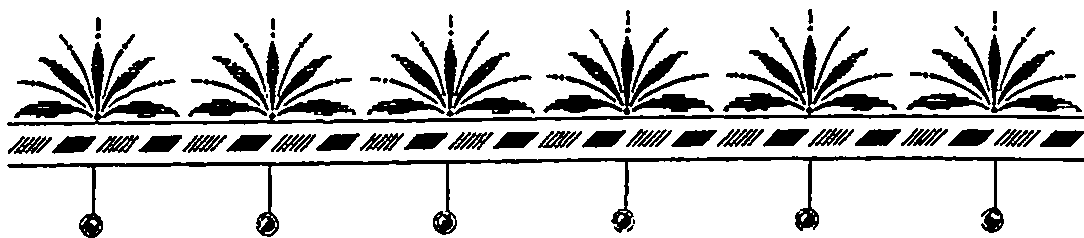
Прот.-проф. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Объ опасностяхъ, связанныхъ съ общественностію, а равно о позволительномъ или непозволительномъ пользованіи ею см. *Rothe. „Theologische Ethik“*. 2. Aufl. Bd. 5, s. 178 и дал.; 182 и дал.

Православно-христіанская теософія.

Ея восточно-подвижническое направленіе и значеніе въ отношеніи современной такъ называемой теософіи.

(Продолженіе *).

8. Милосердіе.

Въ связи съ терпѣніемъ у подвижниковъ поставляется и подвѣгъ милосердія. Въ терпѣніи, по ихъ мнѣнію, обнаруживается совершенство послѣдняго.

„Совершенство милосердія, говоритъ Св. Исаакъ Сиріанинъ, высказывается въ терпѣніи предпочитающаго переносить обиды“¹⁾.

„Человѣкомъ Божиимъ, говоритъ тотъ же святой отецъ, почитай того, кто по великому милосердію умертвилъ себя для необходимой потребности“²⁾.

Милосердіе естественно должно соединяться съ терпѣніемъ и всевозможными лишеніями, и чѣмъ послѣднихъ больше, тѣмъ оно выше и совершеннѣе. Это и выражено въ приведенныхъ словахъ Св. Исаака Сиріанина.

Подвѣгъ милосердія великъ и многообразенъ. Онъ заключаетъ въ себѣ многія добродѣтели: любовь, жалость, состраданіе, всепрощеніе, терпѣніе, лишеніе и наиболѣе всего милость и милостыню.

„Что такое сердце милующее? спрашиваетъ Св. Исаакъ Сиріанинъ и отвѣчаетъ: „возгорѣніе сердца у человѣка о всемъ твореніи, о человѣкахъ, о птицахъ, о животныхъ, о дѣмонахъ и о всякой твари. При (воспоминачіи о нихъ и при воззрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5, 28, 1915 г. стр. 100-101.

1) Ст. 58-ое, 810.

2) Ст. 57-ое, 297.

отъ великой и сильной жалости, объемлющей сердце. И отъ великаго терпѣнія умалается сердце, и не можетъ оно вынести, или слышать, или видѣть какого-либо вреда или печали, претерпѣваемыхъ тварію. А посему и о безсловесныхъ, и о врагахъ истины, и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезами приносить молитву, чтобы сохранились и очистились; а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ великою жалостію, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ его по уподобленію въ семь Богу“¹⁾.

По этому представленію Св. Отца милосердіе есть особенная настроенность любовнаго отношенія ко всему въ мірѣ отъ человѣка до послѣдняго творенія Божія. Въ этомъ чувствѣ человѣкъ становится милостивымъ ко всѣмъ людямъ безъ различія,—и это одно изъ высшихъ состояній подвижника.

„Тотъ милостивъ, говоритъ Св. Исаакъ Сиріанинъ, кто въ мысли своей не отличаетъ одного отъ другого, но милуетъ всѣхъ“²⁾.

„На всѣхъ изливай милость и отъ всѣхъ будь униженъ“³⁾... поучаетъ онъ же.

Но чаще всего милующее сердце проявляется въ милостынѣ, которую подвижники также ставятъ очень высоко.

„Даю же тебѣ, братъ, и сію заповѣдь, говоритъ Исаакъ Сиріанинъ: пусть у тебя всегда беретъ перевѣсъ милостыня, пока въ самомъ себѣ не ощутишь той милостыни, какую имѣетъ Богъ къ міру. Наше милосердіе пусть будетъ зеркаломъ, чтобы видѣть намъ въ себѣ самихъ то подобіе и тотъ истинный образъ, какой есть въ Божіемъ естествѣ и въ сущности Божіей. Симъ и подобнымъ сему будемъ просвѣщаться для того, чтобы намъ съ просвѣтленнымъ произволеніемъ подвигнуться къ житію по Богу. Сердце жестокое и немилосердное никогда не очистится. Человѣкъ милостивый—врачъ своей души, потому что какъ бы сильнымъ вѣтромъ изъ внутренности своей разгоняетъ онъ омраченіе страстей. Это „по Евангельскому слову жизни, добрый долгъ, даннй нами въ заемъ Богу (Мѡ. 25, 40.—Притч. 19, 17)“⁴⁾.

1) Сл. 48-ое, 205—6.

2) Сл. 58-ое, 309.

3) Сл. 9-ое, 48.

4) Сл. 41-ое, 178.

Но милостыня подвигъ внѣшній, а потому она прилична только мірянамъ и общежительнымъ монахамъ, такимъ подвижникамъ, которые еще не начинали подвига безмолвія. Для подвижника безмолвника милостыня до нѣкоторой степени является препятствіемъ въ его подвигъ, такъ какъ дѣло ея возвращаетъ его въ міръ, отъ котораго онъ отсекся, и повергаетъ его въ смущеніе, такъ опасное для него.

„Если милостыня, говоритъ Св. Исаакъ Сиріанинъ, или любовь, или милосердіе... препятствуютъ твоему безмолвію, обращаютъ око твое на міръ, ввергаютъ тебя въ заботу, помрачаютъ въ тебѣ памятованіе о Богѣ, прерываютъ молитвы твои, производятъ въ тебѣ смятеніе и неустройство помысловъ... то да погибнетъ такая правда! Ибо выполнять обязанность любви, доставляя успокоеніе тѣлесное, есть дѣло людей мірскихъ, а если и монаховъ, то недостаточныхъ, не пребывающихъ въ безмолвіи, или такихъ, у которыхъ безмолвіе соединено съ единодушнымъ общежитіемъ, которые непрестанно входятъ и выходятъ. Для таковыхъ это есть дѣло прекрасное и достойное удивленія“¹⁾.

Такимъ образомъ, подвигъ милосердія, милости, милостыня у Св. Исаака ограничивается въ подвижнической жизни сферой низшаго состоянія, хотя самъ по себѣ нисколько не умаляется въ своемъ значеніи. Милосердіе само въ себѣ, по воззрѣніямъ Св. Исаака Сиріанина, настолько высоко, что превышаетъ правосудіе. Эту мысль онъ выражаетъ въ разсужденіи о превосходномъ въ свойствахъ Божіихъ милосердія надъ правосудіемъ.

„Какъ песчинка, говоритъ онъ, не выдерживаетъ равновѣсія съ большимъ вѣсомъ золота, такъ требованія правосудія Божія не выдерживаютъ равновѣсія въ сравненіи съ милосердіемъ Божіимъ“²⁾.

Несмотря на то, что дѣятельность милосердія и особенно милостыни ставится внѣ высшихъ состояній подвижнической жизни, она необходима и весьма полезна подвижнику, особенно начинающему, или подвижнику, не ставящему свою цѣль безмолвіе. Это ясно изъ словъ Св. Исаака Сиріанина. На эту полезность и необходимость указываетъ и

¹⁾ Сл. 13-ое, 54.

²⁾ Сл. 89-ое, 420.

Св. Максимъ Исповѣдникъ, когда говоритъ, что „милостивія врачуетъ раздражительную часть души“¹⁾. А это весьма важно и цѣнно для подвижника.

9. Послушаніе или отреченіе отъ собственной воли.

Рядъ подвиговъ первой подготовительной подвижнической дѣятельности необходимо завершить подвигомъ послушанія или отреченія отъ собственной воли. Этотъ подвигомъ имѣетъ въ подвижнической жизни громадное воспитательное значеніе. Мы поставили его на грани, отдѣляющей одну дѣятельность отъ другой. Это не значитъ, что онъ заканчивается въ первой дѣятельности подвижника и въ этой дѣятельности ему принадлежитъ послѣднее мѣсто. Нѣтъ, онъ въ послѣдующей дѣятельности подвижника имѣетъ важное значеніе и всегда, можно сказать, имѣется имъ въ виду. Въ первой же дѣятельности все его совершенство заключается въ томъ, что всѣ ему предшествующіе въ нашемъ изложеніи и описаніи подвиги въ его раствореніи и подъ его условіемъ имѣютъ свое завершеніе и силу. Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ то, что подвижникъ первой своей дѣятельности проходитъ ее непремѣнно подъ руководствомъ опытнаго и искушеннаго наставника, которому онъ вручаетъ свою волю и оказываетъ полнѣйшее послушаніе. Чрезъ это подавляются и уничтожаются въ человѣкѣ эгоистическая воля, эгоистическія желанія, цѣли и усилія, такъ препятствующія совершенному выполненію подвиговъ первой дѣятельности. Когда эта дѣятельность въ описанномъ нами рядѣ восьми подвиговъ хорошо пройдена и завершена, тогда самъ собой уже выливается въ жизнь этотъ подвигомъ послушанія. Онъ тѣмъ выше и совершеннѣе, чѣмъ больше подвижникъ отказывается отъ своей воли и исполняетъ волю и руководство своего наставника. Когда воля и руководство послѣдняго получаютъ совершенное выраженіе въ жизни и подвигахъ начинающаго подвижника, тогда онъ становится способнымъ къ болѣе или менѣе самостоятельнымъ подвигамъ, однако подъ условіемъ всецѣлой вѣрности и преданности духу и завѣтамъ жизни своего наставника.

„Кто хочетъ быть инокомъ, учать свв. Варсануфій и Іоаннъ, тотъ отнюдь ни въ чемъ не долженъ имѣть своей

¹⁾ Доброт. Т. III, 173.

воли. Христосъ Господь, научая насъ сему, сказалъ: *приидохъ въ мѣръ, не да творю волю Мою* (Іоан. 6, 38). Если же ты одно будешь исполнять, а отъ другого отказываться, то тѣмъ покажешь, что ты разсудительнѣе повелѣвающаго тебѣ, а это то же есть, что быть поругану отъ бѣсовъ. Итакъ, ты долженъ слушаться во всемъ, хотя бы тебѣ и казалось, что дѣло повелѣнное небезгрѣшно. Авва, назначающій тебѣ оное, понесетъ и грѣхъ твой, и съ него взыщется отвѣтъ за тебя. Если дѣло крайне для тебя неудобно и опасно, или выше силъ твоихъ, объясни то Аввѣ, и сдѣлай, какъ онъ разсудить“¹⁾.

По смыслу этого ученія уже самое желаніе ищества и пребываніе въ немъ требуетъ и отрѣшенія отъ собственной воли и безусловное послушаніе Аввѣ, какъ духовному руководителю подвижнической жизни. Конечно, въ этомъ случаѣ не должно быть ничего рабскаго, ничего уничтожающаго личность руководимаго. И наставники подвижничества всегда были чужды требованій рабскаго послушанія.

„Позволительны и отступленія отъ обычнаго во всемъ этомъ порядка“, говоритъ Св. Теодоръ Студитъ, столь извѣстный наставникъ и руководитель подвижниковъ, но надобно, чтобъ это дѣлалось съ совѣта и вѣдома. И скажу вамъ, что хотя я грѣшникъ, но все съ вѣдома моего дѣлаемое и все мнѣ открываемое свѣтъ, есть; укрывающійся же отъ меня во тѣмѣ ходитъ и не видитъ, какъ несется въ стремнины пагубы, и, думая, угодить Богу, прогнѣвляеть Его, бывая и для другихъ виновникомъ преткновенія. Итакъ, чада мои, идите тою дорогою, которой держатся призываетъ васъ законъ послушанія, не беритесь понять неудобопонятное для васъ и не пытайте не поддающихся пыливости дѣлъ послушанія и моихъ разнообразныхъ игуменскихъ распоряженій“²⁾.

Какъ видно изъ этихъ словъ Св. Теодора Студита, послушаніе есть не только преданіе своей воли руководителю, но вмѣстѣ и откровенность и совѣтъ въ отношеніи послѣдняго. Иначе говоря, соответственно своему влеченію и внутреннему голосу можно избирать и другіе пути подвижничества, не указываемые руководителемъ, тѣмъ не менѣе это

¹⁾ Доброт. Т. II, 578.

²⁾ Доброт. Т. IV, 78—79.

должно дѣлать съ вѣдома и по совѣту съ послѣднимъ. Въ этомъ случаѣ воля руководимаго сохраняется, но она утверждается руководителемъ, дѣлается какъ бы собственной волей послѣдняго. И въ этомъ случаѣ послушаніе не уничтожается, а видоизмѣняется, пріобрѣтая возможность разнообразнаго примѣненія въ подвижнической жизни. Оно имѣетъ какимъ образомъ различныя выраженія и степени, и несомнѣнно всегда полезно и есть, по словамъ Св. Θεодора Студита, одинъ изъ многихъ путей въ Царство Небесное, путь „Богоподражательный“, „безпрепятственный и непресѣкаемый“¹⁾. „Безпрепятственный и непресѣкаемый“ въ томъ смыслѣ, что если подвижникъ въ немъ преуспѣваетъ, то онъ дѣлается преуспѣвающимъ и во всякой другой добродѣтели, а слѣдовательно и способнымъ къ болѣе или менѣе самостоятельному подвижническому опыту въ послѣдующей жизни. Но и при этомъ все же необходимо и въ послѣдующей жизни руководство наставника и провѣрка собственныхъ желаній и воли совѣтомъ и согласіемъ послѣдняго. Полагаться всецѣло на самихъ себя и на свои силы, по мнѣнію подвижниковъ, весьма опасно, и этого необходимо избѣгать.

Священное Писаніе, говоритъ Св. Авва Дороей, „увѣщеваетъ насъ не полагаться на самихъ себя, не считать себя все разумѣющими, не вѣрить тому, что можемъ сами управлять собою, ибо мы имѣемъ нужду въ помощи, нуждаемся въ наставляющемъ насъ по Богу. Нѣтъ несчастнѣе и ближе къ гибели людей, не имѣющихъ наставника въ пути Божіемъ“...

„Человѣкъ, никѣмъ не управляемый, сначала всегда имѣетъ усердіе къ посту, бдѣнію, безмолвію, послушанію и къ другимъ добродѣтелямъ; потомъ усердіе это мало по малу охлаждается и онъ, не имѣя никого, кто бы наставлялъ его, поддерживалъ, и воспламенялъ въ немъ это усердіе, не чувствительно засыхаетъ, падаетъ и становится наконецъ подвластнымъ рабомъ враговъ, кои дѣлаютъ уже съ нимъ, что хотятъ“²⁾.

¹⁾ Ibid. 195.

²⁾ Доброт. Т. II, 612.

Изъ этихъ словъ Аввы Дороея мы всего яснѣе видимъ значеніе, необходимость и пользу „Богоподражательнаго послушанія“ и „наставника въ пути Божіемъ“ даже и тогда, когда подвижникъ преуспѣваетъ и имѣетъ рвеніе къ посту, бдѣнію, безмолвію и къ другимъ добродѣтелямъ. Простираясь дальше и дальше по пути подвиговъ совершенствованія, пытаюсь стать, такъ сказать, на собственныя ноги своего хотѣнія, подвижникъ все же не долженъ уходить изъ-подъ прямаго воздѣйствія своего руководителя и наставника.

Однако и все же дальнѣйшій путь внѣшней дѣятельности подвижника мы хотимъ назвать болѣе активнымъ и самостоятельнымъ. Здѣсь онъ значительно менѣе нуждается въ руководителѣ, но все же, конечно, нуждается. Относительная же самостоятельность и активность этого второго періода внѣшней дѣятельности обеспечивается, можно сказать, самымъ характеромъ тѣхъ способовъ, изъ которыхъ эта дѣятельность слагается. Это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, нужно всегда имѣть въ виду, что въ самомъ содержаніи этихъ способовъ заключается для подвижника то осязательное руководство, которое позволяетъ ему совершать свои подвиги болѣе или менѣе самостоятельно, не обращаясь къ всецѣлому и постоянному руководству наставника, но и никогда при этомъ не порывая духовной связи съ нимъ.

Вторая дѣятельность.

Мы естественно переходимъ ко второй дѣятельности—этому второму періоду во внѣшнемъ методѣ подвижничества. Ко времени этого періода при посредствѣ усвоенныхъ методовъ внѣшней дѣятельности, только что описанныхъ нами и составляющихъ какъ бы пропедевтику подвижнической теософіи, подвижникъ приготовляетъ себя къ дальнѣйшимъ и болѣе труднымъ подвигамъ совершенствованія. Въ немъ образуется пытливость духа, желаніе большаго и труднаго, самостоятельные порывы впередъ, жажда божественнаго общенія—и это уже первые и хорошіе всходы подвижническаго теософствованія. Здѣсь зародыши подвижнической теософіи. Но чтобы эти всходы и зародыши не погибли, а возрасли въ дивный цвѣтокъ теософическаго

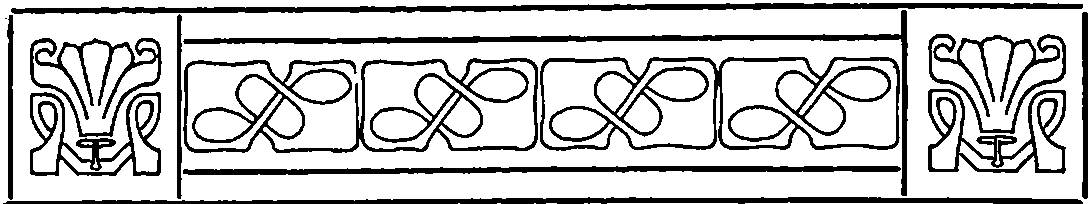
знанія, необходимо углублять ихъ больше и больше, орошая отъ источниковъ православной подвижнической теософіи. Иначе говоря, подвижнику на пути дальнѣйшихъ подвиговъ виѣшней дѣятельности надо укрѣпить и освятить себя благодатно орошающими струями слова Божія и Отческаго Преданія, а потомъ и расширять свой дальнѣйшій опытъ.

Священ. Николай Ремизовъ.

(Продолженіе будетъ).

Религія радости и религія страданія.

(Продолженіе *).

Корни религіи радости.

Разсмотримъ корни религіи въ душѣ человѣка. Начнемъ съ корня сладости, которымъ питается преимущественно религія дѣтей и подобныхъ имъ взрослыхъ людей.

Нормальная дѣти не любятъ проводить все время съ взрослыми: заботы послѣднихъ чужды имъ, разговоры не понятны. Ихъ тянетъ на просторъ полей; ихъ интересуютъ растенія, птицы, животныя; хочется имъ погрѣться и порѣзвиться на солнышкѣ. Такъ поступаютъ и нѣкоторые изъ взрослыхъ. Они уходятъ изъ тѣсныхъ и душныхъ городовъ въ поле. Тамъ „солнце,—яркое, горячее солнце надъ прекрасной землей. Куда ни взглянешь, всюду неожиданная, таинственно значительная жизнь, всюду блескъ, счастье, бодрость и вѣчная, нетускнѣющая красота... Тогда вспоминается далекое изжитое дѣтство: тогда вотъ міръ воспринимался въ такомъ свѣтѣ и чистотѣ; тогда чувствовалась эта таинственная значительность всего, что кругомъ ¹⁾“. Чувство таинственнаго и есть первый, глубже всѣхъ другихъ проникающій отростокъ сладостнаго корня религіи. Мы, можно сказать, окружены тайнами и купаемся въ волнахъ таинственнаго. Мысль о таинственномъ обаяніи природы и отдѣльных ея явленій хорошо выражена въ нижеслѣдующемъ стихотвореніи Никитина:

„Присутствіе непостижимой силы

Таинственно скрывается во всемъ:

Есть мысль и жизнь въ безмолвіи ночномъ,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3 за 1915 г.

1) Вересаевъ. Живая жизнь. Москва. Стр. 67.

И въ облескѣ дня, и въ тишинѣ могилы;
 Въ движеніи безчисленныхъ міровъ,
 Въ торжественномъ покоѣ океана,
 И въ сумракѣ задумчивыхъ лѣсовъ,
 И въ ужасѣ степного урагана,
 Въ дыханіи прохладномъ вѣтерка,
 И въ шелестѣ листовъ передъ зарею,
 И въ красотѣ пустыннаго цвѣтка,
 И въ ручейкѣ, текущемъ подъ горою“.

Много таинственнаго заключаетъ въ себѣ и душевная жизнь человѣка. Не только „чужая душа потѣмки“, но и въ своей собственной душѣ не все ясно и понятно. Каждый человѣкъ представляетъ изъ себя болѣе или менѣе загадочную натуру, таящую въ своихъ нѣдрахъ многочисленныя возможности. Не менѣе загадочна и судьба человѣка... Но самыми главными изъ загадокъ, къ разгадкѣ которыхъ не можетъ не стремиться мыслящій и чувствующій человѣкъ, являются основныя философскіе вопросы. Кто изъ мыслящихъ людей останется глухъ къ слѣдующему четверостишію Гейне:

„Разрѣшите мнѣ тайну отъ вѣка:

Въ чемъ существо человѣка?

Что онъ такое? Куда онъ идетъ?

И кто тамъ, вверху, надъ звѣздами живетъ?“.

Таинственность бытія и жизни не столько познается умомъ, сколько чувствуется сердцемъ. Кто лишенъ этого чувства, у того нельзя вызвать его искусственными мѣрами. Чувство таинственнаго слагается изъ слѣдующихъ элементовъ: сознанія важности скрытаго отъ насъ (по аналогіи съ скрываемыми отъ насъ явленіями человѣческой жизни, мы заключаемъ, что, если бы дѣло шло о неважномъ, то отъ насъ не скрывали бы его); желанія снять покровъ, положенный на таинственное (въ этомъ желаніи основа любопытства и любознательности), и чувства трепетнаго ожиданія откровенія, особенно усиливающагося въ тотъ моментъ, когда мы рѣшаемся поднять завѣсу. Воспользуемся теперь сравненіями для выясненія природы этого чувства таинственнаго. Тайна дѣйствуетъ на насъ, какъ пропасть, какъ молнія ночью, какъ разстилающаяся предъ путникомъ и подернутая дымкой даль. Какъ пропасть, она въ одно и то же время и притягиваетъ насъ, и отталкиваетъ, и сму-

щаетъ нашъ умъ. Какъ молнія въ темную ночь, она и устрашаетъ насъ, и очаровываетъ, и на мгновение освѣщаетъ скрытое во мракѣ. Какъ подернутая весенней дымкой даль, она съ силой влечетъ насъ къ себѣ все дальше и дальше. У человѣка при переживаніи чувства таинственнаго нѣтъ опредѣленныхъ отвѣтовъ на міровыя загадки,—у него имѣются только какія-то смутныя созерцанія, интуитивныя прозрѣнія, разрозненныя и отрывочныя, неожиданно появляющіяся и такъ же неожиданно исчезающія, но полныя увлекающей прелести и обаянія. И, поддавшись увлекающей дали, странникъ, не зная пристанища, идетъ безъ конца, не останавливаясь надолго, ни къ чему не привязываясь и совершенно позабывая о своихъ житейскихъ заботахъ. И кажется ему, что Кто-то тайный и незримый ведетъ его и указываетъ ему путь въ царство свое.

„Неизмѣримое царство!

Неизмѣримое царство!

Лицо земли и небесъ!

Безконечная лѣстница Духа“ (Добролюбовъ).

И на верху этой лѣстницы путникъ зреть Бога. Богъ—первая и послѣдняя тайна, но вмѣстѣ и свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. „Я, пишетъ только что цитированный поэтъ Добролюбовъ, скинулъ одежду всѣхъ душевныхъ чувствъ. Тогда я увидалъ безсмертный истинный духъ у подножія храма и на самомъ верху лѣстницы безконечной Творца своего, Господа моего. Красота Его—сила звѣздъ“.

Съ чувствомъ таинственнаго весьма часто соединяется чувство возвышеннаго, или величественнаго, служащее вторымъ отросткомъ сладостнаго корня религіи. Мы испытываемъ чувство возвышеннаго и величественнаго при созерцаніи предметовъ и явленій (или ихъ группъ и соединеній), поражающихъ насъ своею величиною, размѣрами и силой. Такъ, безбрежное море можетъ вызвать въ насъ чувство величественнаго и въ спокойномъ и въ бурномъ состояніи. Въ первомъ случаѣ мы болѣе поражаемся его размѣрами, а во второмъ—проявляемой имъ силой. Великая битва народовъ, въ коей участвуютъ сотни тысячъ воиновъ, а равно и подвигъ какого-нибудь отдѣльнаго человѣка, который съ опасностію для своей жизни вытаскиваетъ, напр., изъ горящаго

зданія оставленнаго тамъ ребенка,—такъ же способны настроить созерцателя на возвышенный ладъ. Философъ Кантъ признавалъ самыми величественными явленіями два—звѣздное небо надъ головой и нравственный законъ въ сердцѣ человѣка: никогда человѣку не наскучитъ всматриваться въ нихъ и поражаться все больше и больше ихъ величіемъ. Чувство величественнаго возникаетъ при соединеніи въ нашемъ сознаніи двухъ противоположныхъ представленій: одного—о грандіозности созерцаемаго предмета, и другого—о ничтожествѣ и безсиліи созерцающаго человѣка. Но пѣть этихъ двухъ представленій преобладаетъ первое—о грандіозности созерцаемаго предмета. Мы мысленно какъ бы переносимся въ него, мы какъ бы сами становимся способными совершать великія дѣянія восхитившаго насъ героя. Возникающее отъ этого симпатическаго подражанія чувство восторга, составляющее главную часть въ содержаніи чувства величественнаго, и оказываетъ на насъ возвышающее вліяніе. Часто оно является источникомъ не только бодрости, что отмѣчено, напр., въ стихотвореніи Вейнберга „Море“, но и религіознаго устремленія къ Богу, что указано въ стих. Дмитриева „Размышленіе по случаю грома“. Замѣчательно точно и въ то же время художественно выражена сущность чувства возвышеннаго въ небольшомъ стихотвореніи, которое очень часто декламировали и распѣвали семинаристы конца прошлаго столѣтія. Вотъ оно:

„Тамъ, въ безднѣ надо мною
Милліоны звѣздъ горятъ
И свѣтлой красотю
Мой взоръ къ себѣ манятъ.

Былинка я вселенной,
Но постигаю я
Глубоко сокровенный
Порядокъ бытія,—

И, духомъ восхищаясь,
Я поникаю въ прахъ“.

Возможно частое переживаніе чувства величественнаго является однимъ изъ важныхъ средствъ къ оздоровленію и возвышенію души человѣка. Іогъ Рамачарака въ своемъ сочиненіи „Хатха-іога“ совѣтуетъ ежедневно предаваться слѣдующему размышленію: „Размышляйте о миріадахъ міровъ,

носящихся въ пространствѣ, о безчисленныхъ солнечныхъ системахъ, размѣрами далеко превосходящихъ нашу систему. Размышляйте о безконечности пространства и времени; о многообразныхъ формахъ проявленія жизни въ этихъ мірахъ; о положеніи земли и васъ самихъ въ безконечности; предъ лицомъ ея вы не болѣе, какъ жалкая пылинка. Затѣмъ дайте своимъ мыслямъ обратный ходъ: хотя вы и являетесь лишь незначительною частію цѣлаго, вы все таки искра Божественнаго Духа; вы бессмертны, вѣчны и неразрушимы; вы необходимая часть цѣлаго, безъ которой обойтись невозможно. Почувствуйте себя въ единеніи съ міровой жизнью; ощутите эту жизнь; прислушайтесь всѣмъ вашимъ существомъ къ біенію ея. Очнитесь—и вы замѣтите, что вашъ организмъ укрѣпился, умъ отдохнулъ, тоска утихла. Полетъ мысли въ сферу безконечнаго бытія придалъ вамъ новую бодрость и энергію¹⁾: то Богъ Своимъ мощнымъ перстомъ коснулся вашей души.

Чувство величественнаго приводило язычниковъ къ обоготворенію величественныхъ предметовъ и грозныхъ явленій природы; у насъ же, христіанъ, оно, вмѣстѣ съ чувствомъ таинственнаго, служитъ зерномъ, изъ котораго часто вырастаетъ основное религіозное чувство—благоговѣнія. Чувствами таинственнаго и величественнаго весьма часто питается религія у простыхъ людей,—жителей селъ и деревень. Они мало знаютъ и немного понимаютъ, но за то сильнѣе чувствуютъ таинственную важность и величіе окружающей ихъ природы. „Я понимаю, писалъ Ж. Ж. Руссо, что городскіе жители, видящіе кругомъ себя только стѣны, улицы и преступленія, имѣютъ мало вѣры, но я не могу понять, что деревенскіе жители, особенно тѣ, которые ведутъ уединенную жизнь, могутъ быть невѣрующими“. Въ своей „Исповѣди“ тотъ же писатель рассказываетъ о старухѣ, которую встрѣтилъ одинъ епископъ во время своего путешествія. Вся молитва этой старухи состояла изъ одного восклицанія „о!“ „Матушка“, сказалъ ей епископъ, молись всегда такъ; твоя молитва лучше нашей!“ Мы не можемъ еогласиться съ отзывомъ епископа о нечленораздѣльной молитвѣ старушки, но должны признать вмѣстѣ съ нѣкото-

рыми учеными, что чувство зависимости отъ окружающей дѣйствительности является одною изъ основъ религіозности человѣка. Дѣйствительно, люди религіозные, живо чувствующие таинственность и величественность вѣшной природы, души и жизни, постоянно находятся во власти чувства зависимости, побуждающаго ихъ прибѣгать къ божественной помощи и защитѣ. По остроумному сравненію Л. Н. Толстого, человѣкъ, среди окружающаго его безграничнаго океана дѣйствительности, похожъ, по чувству безпомощности, на неоперившагося птенчика, выпавшаго изъ гнѣзда и своимъ жалостнымъ пискомъ напрасно заявляющаго о своемъ несчастіи. Когда же человѣкъ увѣруетъ въ Бога и предастся Ему, тогда, по мысли Толстого, онъ походитъ по настроенію на грудного младенца, котораго мать держитъ и грѣетъ на своей груди. Какъ невыносимо тяжело несчастному птенчику, выпавшему изъ гнѣзда, и какъ пріятно и тепло младенцу пребывать на груди любящей матери!

Съ корнемъ таинственнаго и величественнаго часто сплетается, а иногда и срастается третій отростокъ сладостнаго корня религіи—чувство красоты.

Когда философа Діогена спросили: „Что такое красота?“ онъ на это отвѣтилъ: „Объ этомъ можетъ спрашивать только слѣпой!“ Дѣйствительно, не нужно ни изслѣдованія, ни размышленія, чтобы замѣтить красоту. Міръ красивъ какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Вслѣдствіе повторенія и привычки такое впечатлѣніе слабѣетъ и сглаживается, но тѣмъ не менѣе эстетическое чувство сейчасъ же готово возникнуть, какъ скоро оно освѣжается или взглядомъ на новыя невиданныя явленія природы, что, напр., бываетъ при путешествіяхъ, или созерцаніемъ художественнаго произведенія, возводящаго часто самый обычный предметъ въ перлъ созданія.

Когда мы смотримъ на предметъ эстетически, то на время отлагаемъ житейскія пощеченія, забываемъ о себѣ, отдаемъ созерцанію предмета, какъ бы проникаемъ въ душу предмета. Такое проникновеніе Липпсъ удачно назвалъ *вчувствованіемъ*. При эстетическомъ созерцаніи предметъ насъ занимаетъ, радуется, очаровываетъ, но не пробуждаетъ никакихъ желаній. Мы тогда испытываемъ наслажденіе безъ желанія имѣть что-н. и не имѣть, безъ зависти, злорадства

и другихъ однородныхъ переживаній. Эстетическія радости— радости безъ хотѣній, наслажденія безъ желаній, радости ради самой радости, т. е. чистыя, безкорыстныя. Онѣ даютъ намъ возможность хоть на время позабывать о себѣ и своихъ интересахъ; онѣ очищаютъ и освѣжаютъ душу, какъ купанье въ чистой и прохладной водѣ очищаетъ и освѣжаетъ тѣло; онѣ возвышаютъ и преобразуютъ насъ.

При эстетическомъ созерцаніи мы замѣчаемъ въ предметахъ такія черты, какихъ раньше не замѣчали: старое кажется намъ тогда новымъ, мертвое—живымъ и обыкновенное—таинственнымъ. Хорошо отмѣчено это въ самомъ началѣ стих. Жуковскаго „Море“.

„Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей:
Ты—живо, ты дышешь,
Смятенной любовью, тревожною думой
Наполнено ты...
Лазурное море, безмолвное море,
Открой мнѣ глубокую тайну твою“.

Подъ наитіемъ чувства красоты, оживотворяющей мертвое и возвеличивающей незначительное, поэтъ Тютчевъ убѣжденно провозглашаетъ:

„Не то, что мните вы, природа,
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ“.

Когда душа движеніемъ чувства красоты очищается отъ загрязняющаго ее налета обыденщины, тогда въ ней можетъ обнаружиться идея Божества, обитающая въ душѣ каждого человѣка, но, къ сожалѣнію, часто подавляемая толщею наслоеній житейской грязи и заглушаемая нестройными звуками житейской суеты. Какъ можетъ произойти освобожденіе этой идеи Божества изъ плѣна обыденщины, показываютъ стих. Лермонтова „Когда волнуется желтѣющая нива“, или Майкова „Урожай“. Лермонтовъ, успокоенный красотой природы, увидалъ въ небесахъ Бога, а Майковъ даже обратился къ Богу съ молитвой благодарственной за ниспосланіе хлѣба тѣлеснаго и „просительной“ молитвой о просвѣщеніи народа. При эстетическомъ созерцаніи мы въ самыхъ простыхъ вещахъ читаемъ выраженіе высшихъ истинъ, видимъ Бога

и отраженіе Его неизреченной красоты. Находящійся часто подъ впечатлѣніемъ красоты начинаетъ видѣть въ природѣ нерукотворенный соборъ, равнаго которому по величію и красотѣ не можетъ представить самое пылкое воображеніе: въ томъ храмѣ природы неугасаемымъ свѣтомъ горять солнце, луна и звѣзды, хоромъ служатъ бури морскія и волны, органомъ—громъ, а куполомъ—небо.

Чувствомъ красоты питается религія у паломниковъ, нѣкоторыхъ художниковъ и поклонниковъ искусства. Изъ людей къ красотѣ болѣе воспріимчивы юноши и женщины. Св. Варвару Великомученицу привело къ христіанству созерцаніе красоты міра.

Красоту замѣчаетъ и ею можетъ наслаждаться всякій, кто имѣетъ глаза, уши и живую душу, способную чувствовать. Для наслажденія красотой не нужно изучать красиваго предмета, изслѣдовать, анализировать его. Напротивъ, анализъ разрушаетъ красоту: подъ ножомъ анатома и подъ микроскопомъ естествоиспытателя красивый предметъ лишается своей очаровательности. Постиженіе красоты—дѣло мгновенія и воспріятія предмета (или группы предметовъ) въ цѣломъ видѣ. Взглянулъ, увидѣлъ и очарованъ. Если же при встрѣчѣ съ какимъ—нибудь предметомъ мы внезапно поражаемся и начинаемъ внимательно разсматривать его части тогда въ нашей душѣ возникаетъ удивленіе. Красивый предметъ можетъ не показаться намъ удивительнымъ, и безобразный—вызвать удивленіе. Клепцъ едва-ли кому покажется красивымъ, но если кто, по словамъ Паскаля, разсмотритъ его части, ножки со связками, вены въ этихъ ножкахъ, кровь въ этихъ венахъ, жидкость въ этой крови, капли въ этой жидкости, паръ въ этихъ капляхъ, тотъ не можетъ не почувствовать удивленія и не воскликнуть: „чудно, поразительно!“ И тотчасъ же отъ насѣкомаго удивленная мысль можетъ вознестись къ небесамъ. Тамъ она находитъ полную разгадку всѣмъ чудесамъ міра. Удивленіе, по словамъ Рибо, будитъ вниманіе, но оно же, скажемъ мы, пробуждаетъ и религіозное чувство въ человѣкѣ.

Корнемъ удивленія питается въ значительной степени религіозное чувство ученыхъ. Вдумчивое углубленіе въ предметы и произведенія природы, въ произведенія духа, въ творенія искусства и поэзіи, въ жизнь великихъ и славныхъ, храбрыхъ и святыхъ людей преисполняетъ сердце не

только чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго, но и чувствомъ удивленія предъ разумностію и цѣлесообразностію міра. Этому чувству также свойственно сообщать душѣ направленіе вверхъ, къ премудрому и всемогущему Богу. Ученые весьма часто заканчивали свое продолжительное и безкорыстное исканіе и служеніе истинѣ вдохновенной молитвой Богу. Можно было бы составить цѣлыя книги изъ такихъ молитвъ ученыхъ, но мы органичимся двумя примѣрами.

Линней, описавъ всѣ растенія, ихъ устройство, ихъ жизнь, восклицаетъ: „Вѣчный, Великій, Всевѣдущій, Всемогущій Богъ прошелъ предо мною. Я не видѣлъ Его въ лице, но Его отраженіе охватило мою душу и погрузило ее въ благоговѣніе. Я тутъ и тамъ замѣчалъ слѣды въ Его твореніяхъ“. Амперъ создавшій науку объ электричествѣ, писалъ своему другу, молодому ученому: „Берегись заниматься одною только наукой. Учись, изслѣдуй земное: это обязанность мужа науки, но на видимый міръ смотри однимъ глазомъ, другой же неустанно обращай къ Вѣчному Свѣту. Одной рукой изслѣдуй природу, а другою, какъ дитя за одежду отца, держись за край Божьей ризы“.

Въ удивленіи человѣкъ признаетъ природу разумною: все въ ней цѣлесообразно и премудро устроено. Нужно человѣку сдѣлать только одинъ шагъ впередъ, чтобы полюбить природу, какъ нѣчто родственное себѣ. „Я живу—и ты живешь; я разуменъ—и ты разумна; мы подобны, мы не чужіе, а родные, а потому я и стремлюсь къ тебѣ, люблю тебя“. Добролюбовъ, современный намъ поэтъ—странникъ, понимающій языкъ птицъ и звѣрей, называетъ родными не только ихъ, но и неодушевленные предметы.

„Горы, холмы земли—братцы, сестры мои,
Даже камни дорогъ—друзи вѣрны мои,
Неба своды, лучи—какъ отцы мои,
Звѣри дикіе—братцы милые...

А и миръ вамъ, сестры звѣздочки...

Камни морскіе, придорожные, молчаливые,

Я предъ вами предъ всѣми лицомъ ницъ до земли
простираюсь“...

Сознаніе родства, лежащее въ основѣ любви, особенно ярко проявляется въ дружбѣ и любви человѣка къ человѣку, потому что между двумя самыми различными людьми все же

окажется больше сходства, чѣмъ между гениальной обезьяной и грубымъ дикаремъ. Всякій, кто любилъ и любитъ, знаетъ по себѣ, какъ расширяется тогда сердце наше, какъ широко тогда раскрывается душа для всего великаго, какъ легко она устремляется къ Богу и небесамъ. Любовь—это пятый отростокъ сладостнаго корня религіи.

Начнемъ разсмотрѣніе съ самаго низшаго, но въ то же время и самаго яркаго вида любви—съ половой любви. Въ любимомъ мужчинѣ чистая дѣвушка видитъ своего защитника и покровителя, посылаемаго Самимъ Богомъ. Такъ думала Татьяна Ларина.

„Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля неба—я твоя;

Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой“... (Пушкинъ).

Когда Демонъ взглянулъ на танцовавшую Тамару, то
„На мгновенье

Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты“ (Лермонтовъ).

Правда, въ половой любви устремленіе къ небесамъ не часто доводитъ до неба и недолго держится на такой высотѣ, но несомнѣнно, что ни одна минута паренія, ни одинъ вздохъ, ни одна слеза не пропадаетъ безслѣдно.

Надежнѣе половой любви материнская любовь: въ ней меньше плоти и эгоизма, но много можетъ быть идеализма. Вотъ какъ женщина—поэтъ Лохвицкая выражаетъ чувства матери:

„Небо и всѣ наслажденія неба я вижу
Въ личикѣ дѣтскомъ и глазъ оторвать не могу я...
Ангель безгрѣшный, случайно попавшій на землю,
Сколько ты счастья принесть! какъ ты мнѣ дорогъ, дитя!
Боже, пославъ мнѣ ребенка, Ты небо открылъ мнѣ!

Умъ мой очистилъ отъ суетныхъ мелкихъ желаній!
 Въ грудь мнѣ вдохнулъ непонятныя новыя силы!
 Въ сердцѣ горячемъ зажегъ—пламя безсмертной любви!“

„Благороднѣйшая мать, писалъ Песталоцци, ради своего ребенка, чище и сильнѣе вѣруеть въ Бога“. Когда она представляетъ всё опасности и искушенія, грозящія въ предстоящей жизни ея дитяти, „въ ней является стремленіе искать своему ребенку вождя, наставника, отца, который не можетъ заблуждаться къ его вреду, который не ошибется къ его вреду, котораго не можетъ отнять у него могилу, не можетъ погубить міръ“ ¹⁾, т. е. Бога.

Являющаяся откликомъ на материнское чувство, дѣтская любовь также довольно часто возноситъ умъ и сердце дитяти къ Богу. Классическимъ примѣромъ этого можетъ служить отрывокъ изъ „Дѣтства и Отрочества“ Л. Толстого. Растроганный до глубины души ласками матери ребенокъ, отходя ко сну, испытывалъ такіе порывы любви къ Богу и людямъ, какіе не забываются никогда въ жизни. Вотъ какъ описываетъ свои отроческія переживанія самъ авторъ. „Послѣ этого, какъ бывало, придешь наверхъ и станешь предъ иконами въ своемъ восточномъ халатцѣ, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: спаси, Господи, папеньку и маменьку. Въ эти минуты, когда я повторялъ молитвы, которыя въ первый разъ лепетали дѣтскія уста мои за любимой матерью, *любовь къ ней и любовь къ Богу какъ-то странно сливались въ одно чувство.*

Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце, на душѣ легко, свѣтло и отрадно: однѣ мечты гонять другія, но о чемъ онѣ? Онѣ неуловимы, но исполнены чистой любви и надеждъ на чистое счастье. Вспомнишь, бывало, о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи, единственномъ человѣкѣ, котораго я зналъ несчастнымъ, и такъ жалко станеть, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ, и думаешь: „дай Богъ ему счастья, дай мнѣ возможность помочь ему, облегчить его горе; я всёмъ готовъ для него пожертвовать“. Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любишься,

¹⁾ Избранн. сочин. Песталоцци, т. 3. М. 1896 г. „Взгляды и опыты“, письмо 8, § 6 и 8.

какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастье всѣмъ, чтобы всѣ были довольны и чтобы завтра была хорошая погода для гулянья, повернешься на другой бокъ, мысли и мечты перепутаются, смѣшаются, и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

Вернутся-ли когда-нибудь та свѣжесть, беззаботность, потребность любви и сила вѣры, которыми обладаешь въ дѣтствѣ?“

Можно бы еще много сказать и о религіозномъ значеніи любви къ родному народу, но, кажется, достаточно и сказаннаго, чтобы видѣть, что любовь къ матери и роднымъ, товарищамъ и родному народу—это лѣстница, по которой человѣкъ возвышается до любви къ Богу. „Богъ, писалъ Песталоцци, близко отъ того мѣста, гдѣ люди выказываютъ другъ другу любовь“¹⁾. „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ“, утверждаетъ наша народная пословица.

Чувства таинственнаго, величественнаго, красиваго и удивительнаго открываютъ намъ Бога въ предметахъ и явленіяхъ природы, въ людяхъ и ихъ произведеніяхъ; любовь къ человѣку подготавливаетъ и возвышаетъ насъ къ любви божественной: любовь къ человѣку вѣдь тогда только бываетъ чиста, глубока и плодотворна, когда мы видимъ, любимъ и оберегаемъ въ любимомъ человѣкѣ божественныя черты. Такая любовь доставляетъ истинную радость. Но есть еще высшая радость,—радость творчества, когда намъ кажется, что Самъ Богъ нисходитъ къ намъ и вдохновляетъ насъ. Радость творчества—шестой отростокъ сладостнаго жорня религіи.

Нѣтъ человѣка счастливѣе художника, создавшаго совершенное произведеніе искусства, полное силы, огня и красоты, когда онъ, осматривая его критическимъ окомъ, можетъ сказать себѣ съ улыбкой: „Да, хорошо!“ Никто не можетъ быть счастливѣе человѣка науки, бьющагося долгіе годы надъ таинствами творчества и жизни, когда его озаряетъ свѣтъ правды, и онъ, окрыленный радостію, восклицаетъ: „загадка разгадана, тайна открыта!“ Это—лучи, ниспосылаемые Богомъ трудящемуся человѣку. Не даромъ бла-

¹⁾ Ливгардъ и Гертруда, ч. 3. гл. 85.

годарственная молитва обыкновенно слѣдовала и слѣдуетъ за приведенными восклицаніями. Пифагоръ, окрыленный радостію, по случаю открытія имъ квадрата гипотенузы, принесъ жертву богамъ. Въ средніе вѣка не только ученые, но и переписчики и ученики, заканчивая работу, обыкновенно писали: „Конецъ и Богу слава“. Знаменитый астрономъ Кеплеръ заканчиваетъ свой трудъ „Гармонію міра“ такою молитвой: „Благодарю Тебя, Боже, за то, что дозволяешь мнѣ удивляться Твоимъ твореніямъ и любить ихъ. Если я, ничтожный червь передъ Тобою, рожденный въ грѣхахъ, сказалъ что—нибудь противное Твоимъ благимъ намѣреніямъ, [пусть Св. Духъ внушитъ мнѣ это, чтобы я могъ то исправить. Содѣлай, Господи, чтобы всѣ мои произведенія клонились къ Твоей славѣ и способствовали ко благу людей“. Лучшіе изъ поэтовъ смотрѣли на свой талантъ, какъ на даръ Божій, и считали свое служеніе подобнымъ пророческому. Самый процессъ творчества издревле называется вдохновеніемъ, т. е. наитіемъ высшей силы, приводящей въ сильнѣйшее возбужденіе силы человѣка и перестраивающей душевный строй его на новый возвышенный ладъ. Никитинъ такъ описываетъ это состояніе.

„Бываютъ свѣтлыя мгновенья:

Миръ ясный думу осѣнить;

Огонь святого вдохновенья

Неугасаемо горить.

Оно печать бессмертной силы

На трудъ обдуманый кладеть;

Оно безмолвію могилы

И мертвымъ камнямъ жизнь даетъ,

Развратъ и пошлость поражаетъ,

Добру приноситъ иміямъ

И вѣчной правды воздвигаетъ

Святой алтарь и вѣчный храмъ“.

Есть творчество и въ области нравственности. Оно цѣннѣе всякаго другого творчества, но почти незамѣтно для сторонняго глаза, потому что оно, вопреки творчеству художественному и техническому, не любитъ публично заявлять о своихъ плодахъ. Состоитъ оно въ томъ, что человѣкъ побѣждаетъ въ себѣ какую-нибудь страсть и начинаетъ слѣдовать въ своей дѣятельности высшимъ мотивамъ. Не трудно

напр., любить любящихъ насъ, но страшно трудно простить обидѣвшихъ насъ и полюбить ненавидящихъ насъ. „Самая божественная изъ всѣхъ побѣдъ это—прощеніе“. (Шиллеръ). Тогда и радость бываетъ совершенная, выше радости творчества, одерживающаго побѣды надъ предметами природы и людьми. Вотъ мнѣніе Франциска Ассизскаго, основателя ордена францисканцевъ. Онъ бесѣдуетъ съ монахомъ Львомъ о томъ, въ чемъ заключается радость совершенная. „Вотъ, говорилъ онъ, мы идемъ въ Порціонкюль. Когда мы придемъ туда грязные, мокрые, окоченѣлые отъ холода и голодные и попросимся пустить насъ, а привратникъ скажетъ намъ: „Что вы, бродяги, шатаетесь по свѣту, соблазняете народъ, крадете милостыню бѣдныхъ людей? Убирайтесь отсюда!“ и не отворитъ намъ. И если мы тогда не обидимся и со смиреніемъ и любовію подумаемъ, что привратникъ правъ, что Самъ Богъ внушилъ ему поступить такъ съ нами, и мокрые, холодные и голодные пробудемъ въ снѣгу и водѣ до утра безъ ропота на привратника, тогда, братъ Левъ, только тогда будетъ радость совершенная“. Совершившій божественную побѣду надъ чувствомъ обиды и гнѣва ясно сознаетъ, что Самъ Богъ внушилъ ему чувство прощенія: у него одного не хватило бы на это силы.

Когда мы прощаемъ врагамъ нашимъ, то Богъ даетъ намъ радость совершенную. Но Онъ же даетъ нѣкоторымъ избраннымъ людямъ и радость неизреченную. Разумѣемъ экстатическое созерцаніе Божества и горняго міра, которое всего болѣе увѣряетъ насъ въ бытіи Бога и всего сильнѣе влечетъ къ соединенію съ Нимъ. Сначала опишемъ это состояніе, а потомъ опредѣлимъ его значеніе въ ряду естественныхъ основъ религіи радости.

Экстатическое созерцаніе Бога представляетъ собою очень рѣдкое явленіе въ религіозномъ опытѣ людей: оно стоитъ на границѣ между нормальнымъ и сверхнормальнымъ и потому съ трудомъ постигается тѣми лицами, которые не извѣдали этого блаженнаго состоянія. Попробуемъ все таки, основываясь на описаніяхъ экстаза у самихъ экстатиковъ, отмѣтить характерныя черты его. Экстазъ можетъ быть разныхъ видовъ—научный, эстетическій, нравственный и религіозный. Насъ интересуетъ религіозный экстазъ, но, чтобы подойти къ нему, мы сначала вникнемъ въ состояніе эсте-

тическаго и нравственнаго экстаза, потому что эти виды чаще встрѣчаются и потому болѣе доступны. Допустимъ, что мы созерцаемъ звѣздное небо, или залитый солнцемъ прекрасный ландшафтъ, или прекрасный человѣческій образъ, или, наконецъ, гениальное художественное произведеніе. Уже при обычномъ эстетическомъ созерцаніи мы забываемъ себя и иногда настолько глубоко входимъ въ созерцаемый предметъ, что намъ начинаетъ казаться, что онъ и мы одно и то же: мы какъ бы сливаемся съ созерцаемымъ предметомъ или существомъ. Нужно только углубиться чувству самозабвенія и расшириться сферѣ симпатіи, или вчувствованія,—какъ и получится то состояніе экстаза, которое описываетъ Башкирцева въ слѣдующихъ словахъ: „Бываютъ часы, когда я ускользаю отъ самой себя, когда я живу въ растеніи, когда я чувствую себя травой, птицей, вершиной дерева, облакомъ, проточной водой, горизонтомъ, цвѣтомъ;—часы, когда я бѣгаю, летаю, пью росу, простираюсь на солнцѣ, сплю подъ листвою, ношусь съ ласточками, ползаю съ ящерицами, блещу со звѣздами и свѣтляками“¹⁾. То, что въ этихъ словахъ описываетъ Башкирцева и по поводу чего она недоумѣваетъ, минутами испытываютъ и самые обыкновенные люди въ періодъ первой чистой любви, когда мечтаютъ и стремятся къ сліянію своей души съ душой любимаго человѣка. Чаще всего такія минуты настаютъ или послѣ объясненія въ любви, когда съ радостію узнаешь о взаимности, или въ день вѣнчанія, или послѣ долгой разлуки съ любимымъ существомъ. Тогда, въ состояніи радостнаго возбужденія, не только чувствуешь сліяніе своей души съ душою любимаго человѣка, но и готовъ обнять весь міръ съ силою искренняго порыва. То же самое испытывалъ, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго отрывка изъ „Дѣтства и Отрочества“ Л. Толстого, и ребенокъ въ порывѣ искренняго и радостнаго чувства любви ко всѣмъ и всему, охватившаго его подъ вліяніемъ горячихъ ласкъ матери и вечерней молитвы Богу. Такое же экстатически любовное настроеніе проникаетъ въ душу и тогда, когда удается отъ всей души простить врагу и обидчику. Слезы прощенія очищаютъ вашу

¹⁾ Взято изъ брош. Лапшина—Вселенское чувство. Изд. Вольфа. стр. 42.

душу и омываютъ засорившіяся очи; на душѣ у васъ дѣлается легко, спокойно и радостно; живѣе вы чувствуете свое родство и яснѣе видите свою связь со всѣмъ окружающимъ и потому охотнѣе начинаете стремиться къ общенію и сліянію съ нимъ. Любовное устремленіе при этомъ бываетъ менѣе восторженнымъ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ, но зато является болѣе прочнымъ и устойчивымъ.

Теперь мы можемъ перейти къ описанію религіознаго экстаза, когда экстатикъ чувствуетъ сліяніе не съ природой и другими людьми, какъ это бываетъ при эстетическомъ и нравственномъ экстазѣ, а—близость и непосредственное общеніе съ Самимъ Богомъ. Мы могли бы привести описанія экстаза у отцовъ и учителей Церкви, испытавшихъ это состояніе, но ради краткости мы беремъ описаніе его у Андерсена: тамъ въ немногихъ словахъ отмѣчены всѣ существенныя черты интересующаго насъ явленія.

„Влескъ вижу необъятный, и мысль смѣлый летитъ!

Свѣтъ, свѣтъ необъяснимый мои глаза слѣпятъ!

Въ усильяхъ мощныхъ духа поникъ я головой!

Свободнѣе на сердцѣ, яснѣе мыслей строй,

И крылья, крылья воли даны нежданно мнѣ.

Несусь быстрѣе мысли въ надзвѣздной тишинѣ..

Въ лазоревыхъ пространствахъ мнѣ звѣздъ не сосчитать,

И Божій ликъ я вижу... его не описать!

Безсмертье ощущаю во всемъ, въ своей груди!

Весь мракъ и всѣ туманы остались позади.

И ясно познаю я сердца людей другихъ:

Всѣ немощны, всѣ слабы, но нѣтъ совѣсть дурныхъ“ 1)

Во время экстаза умственные процессы совершаются съ необыкновенной быстротой и легкостію. Продолжается экстатическое созерцаніе нѣсколько секундъ, но кажется, что во время ихъ проживаешь цѣлую жизнь: до того бываетъ полна душа, разностороненъ процессъ постиженія и ускоренъ процессъ мысли! По словамъ св. Симеона, Новаго Богослова, когда „Богъ является чрезъ откровеніе единой разумной душѣ, тогда *открывается ей всякое благо и въ то же время созерцается (ощущается) всѣми вмѣстѣ чувствами* 2). Чувства тогда не просто соединяются, но составляютъ.

1) Лапшинъ. Вселенское чувство, стр. 49—50.

2) Лодыженскій. Свѣтъ незримый. Пѣтгр. 1913 г., стр. 200.

какъ бы одно чувство, такъ что мы тогда слышимъ зрѣніемъ, видимъ слышаніемъ, научаемся созерцаніемъ и слушаемъ откровеніемъ¹⁾).

По свидѣтельству представителей христіанской мистики, Богъ является душѣ человѣка въ видѣ необыкновеннаго свѣта или невещественнаго огня. Блаж. Августинъ пишетъ про этотъ свѣтъ: „Я вышелъ и увидѣлъ какимъ-то окомъ моей души, выше этого самаго ока души моей, выше моей мысли, неизмѣняемый свѣтъ. Это не былъ тотъ обыкновенный свѣтъ, который видѣлъ всякій почти. Онъ былъ сильнѣе свѣта солнца, но не въ томъ родѣ, какъ если бы этотъ свѣтъ свѣтилъ во много разъ яснѣе и занималъ своею массою все. Онъ былъ не то, а нѣчто иное, совершенно иное, чѣмъ все это. И онъ былъ выше моей мысли²⁾“. Довольно часто уподобляетъ мистическія воспріятія свѣтовымъ ощущеніямъ и Симеонъ, Новый Богословъ. „Богъ, пишетъ онъ въ 79 словѣ, свѣтъ есть, и тѣ, которые сподобляются узрѣть Его, всѣ видятъ Его, какъ свѣтъ, и тѣ, которые пріяли Его, пріяли, какъ свѣтъ. Ибо свѣтъ славы Его предъидетъ предъ лицомъ Его и безъ свѣта Ему невозможно явить Себя³⁾“. Святой же Серафимъ Саровскій, испытывавшій мистическія состоянія, представляетъ Бога въ видѣ невещественнаго огня. Онъ такими словами начинаетъ оставленные имъ поученія: „Богъ есть огонь, согрѣвающій и разжигающій сердца и утробы. Если мы ощущаемъ въ сердцахъ своихъ хладъ, который отъ діавола, ибо діаволь хладенъ, то призовемъ Господа, и Онъ пришедъ согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнимъ, и отъ лица теплоты изгонится хладъ доброненавистника⁴⁾“.

При представленіи Бога въ видѣ свѣта мистическое состояніе выступаетъ съ характеромъ просвѣтлѣнія, или озаренія, а при представленіи Бога въ видѣ огня,—оно характеризуется, какъ внутреннее горѣніе... При озареніи какъ бы потокъ знанія вливается въ душу человѣка: человѣкъ видитъ то, чего нельзя описать, и слышитъ то, чего нельзя выразить на человѣческомъ языкѣ. „Однажды, пишетъ като-

¹⁾ Тамъ же, стр. 200 и 201.

²⁾ Флоренскій. Столпъ и утвержденіе истины. М. 1914, стр. 108.

³⁾ Лодыженскій. Свѣтъ незримый. стр. 205.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 55.

лическая святая Тереза, во время молитвы я получила способность сразу постигнуть, какимъ образомъ всѣ вещи могутъ быть созерцаемы въ Богѣ и содержаться въ Немъ. Я видѣла ихъ не въ ихъ обычной формѣ, однако съ поразительною ясностію. и видъ ихъ остался живо запечатлѣннымъ въ моей душѣ... Видъ этотъ былъ до такой степени утонченный и нѣжный, что описать его нѣтъ возможности¹⁾“. Ту же самую мысль мы находимъ и у Симеона Новаго Богослова. „Тогда отверзается ему небо или око сердца его... и свѣтъ входитъ внутрь души его, свѣтъ пресвѣтлый и предивный... Если онъ пребудетъ въ семъ свѣтѣ, то и сей свѣтъ пребудетъ въ немъ, которымъ будучи просвѣщаемъ, онъ будетъ узрѣвать и домыслять таинство за таинствомъ и чудо за чудомъ, восходя отъ созерцанія къ созерцанію²⁾“.

Однимъ изъ главныхъ убѣжденій, неизгладимо запечатлѣваемыхъ въ умѣ экстатическимъ созерцаніемъ, является увѣренность, что жизнь проникаетъ все, что вселенная преисполнена жизни, что она не мертвый механизмъ. Вмѣстѣ съ этимъ соединяется полнота любви ко всему существующему. Это чувство любви также превосходитъ всякую другую любовь какъ по своей силѣ, такъ и по захвату: она простирается на все и на всѣхъ. Такое расширение любви объясняется тѣмъ, что все существующее представляется экста-тику благостнымъ, какъ представлялось все „добрымъ зѣло“ Богу при осмотрѣ творенія. Цитированная нами М. Башвирицева писала: „я все люблю до обожанія. Все представляется мнѣ со своихъ интересныхъ и прекрасныхъ сторонъ: я бы хотѣла все видѣть, все имѣть, все обнять, слиться со всемъ и умереть... умереть съ экстазомъ, чтобы извѣдать эту послѣднюю тайну, этотъ конецъ всего или божественное начало³⁾“. Припомнимъ цитированныя слова св. Серафима Саровскаго: „И Онъ (т. е. Богъ) пришедъ согрѣетъ наше сердце совершенною любовію не только къ Нему, но и къ ближнимъ“.

Но преобладающимъ чувствомъ въ состояніи экстаза бываетъ всетаки не любовь къ другимъ, а необыкновенная радость, несравнимая ни съ какою другою. Неизреченность и неопиcуемость экстаза, о которой говорятъ всѣ экстастики, въ

1) Джемсъ. Многообразіе религіознаго опыта. стр. 400.

2) Лодыженскій. Свѣтъ незримый, стр. 203.

3) Лапшинъ. Вселенское чувство. стр. 43.

равной мѣрѣ относится и къ ихъ созерцанію и къ ихъ радости. „Эта сладость, подаваемая питіемъ, говоритъ объ экстазѣ св. Симеонъ, и это радостнотворное блистаніе, исходящее отъ солнца, отклоняетъ отъ души всякую печаль и дѣлаетъ человѣка радующимся, и никто не можетъ воспрепятствовать ему напаяться вдоволь отъ источника спасенія“¹⁾. Достоевскій также всего болѣе поражается въ экстазѣ ясностію созерцанія и неизреченностію радости. „Есть секунды, говоритъ онъ въ „Бѣсахъ“ устами Кириллова, ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть, и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой... Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: да, это правда. Богъ, когда создавалъ міръ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: „да, это правда, это хорошо“. Это... это не умиленіе, а только—такъ, *радость*. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то, что любите, о, тутъ выше любви! Всегò страшнѣе, что такъ *ужасно ясно и такая радость!* Если болѣе пяти секундъ, то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ отдамъ всю мою жизнь, потому что стоитъ“. И воспоминаніе великой и неизреченной радости экстаза остается въ душѣ навсегда. Кто хоть однажды испыталъ такое озареніе, становится болѣе жизнерадостнымъ и не можетъ быть несчастнымъ.

Дополняется настроеніе экстастика чувствомъ полной безбоязненности, покоя, мощи и свободы. Если Богъ съ нами, то кто противъ насъ? *Аще пойду и посреди скни смертныя, не убоюся зла, яко Ты, Господи, со мною*“, могъ бы сказать съ псалмопѣвцемъ каждый экстатикъ.

Хотя экстагическія состоянія бываютъ очень рѣдки и мимолетны, но они сильно измѣняютъ человѣка. Человѣкъ уже никогда не останется такимъ, какимъ былъ раньше. Хотя острое воспоминаніе объ экстазѣ и изглаживается постепенно, но память о немъ навсегда остается въ душѣ. Воспоминаніе объ экстазѣ является въ послѣдствіи источникомъ силы и утѣшенія, особенно въ то время, когда человѣкъ чувствуетъ упадокъ духа и ослабленіе вѣры, когда онъ начинаетъ колебаться среди разнорѣчивыхъ умозрѣній и проти-

¹⁾ Лодыженскій. Свѣтъ незримый, стр. 204.

воположныхъ вліяній. Воспоминаніе объ экстазѣ служитъ пріютомъ, гдѣ истерзанная душа находитъ защиту отъ внѣшняго міра, который часто ея не понимаетъ.

Экстатическое созерцаніе является завершеніемъ религіознаго чувства и въ отношеніи проникновенія въ тайны, и въ отношеніи любви ко всему существующему, и въ отношеніи неизреченной радости общенія съ Богомъ, и въ отношеніи увѣренности въ бытіи и близости Бога ко всякому существу. Выше подняться нельзя, сильнѣе убѣдиться въ существованіи Бога нельзя. По словамъ мистиковъ, во время экстаза легче усумниться въ свой собственной жизни, чѣмъ въ бытіи Бога (бл. Августинъ). Собственно говоря, экстазъ представляетъ собою высшую степень ощущенія, или чувства Бога, которое очень часто встрѣчается въ религіозномъ опытѣ людей и считается весьма многими богословами и философами первой и послѣдней основой нашей религіозности. Реальность всякаго бытія можетъ быть доказана только путемъ опыта. Такимъ же, а не инымъ путемъ мы можемъ удостовѣриться и въ бытіи Божіемъ. Внѣшніе предметы, дѣйствуя на нашу душу, вызываютъ въ ней разнообразныя ощущенія, которыя и служатъ доказательствами бытія ихъ. Такъ и Богъ, дѣйствуя на нашу душу, вызываетъ въ ней ощущеніе Своего воздѣйствія, служащее глубочайшимъ основаніемъ нашей увѣренности въ бытіи Божіемъ. Какъ говоритъ св. Левъ Великій, „лучшее и вѣрнѣйшее познаніе Бога не то, которое выработано усиліями разсудка и выпотѣніемъ мозга, но то, которое возгорается отъ небснаго огня въ сердцахъ нашихъ и вноситъ въ душу божественный свѣтъ, болѣе ясный и убѣдительный, чѣмъ всѣ разсудочныя доказательства. Искать же Боговѣдѣнія лишь въ книгахъ и писаніяхъ—значитъ искать живого Бога между мертвыми. Внутри себя ищи Бога! Онъ лучше всего распознается, такъ сказать, *духовнымъ осязаніемъ*. Мы должны стремиться *видѣть Его своими глазами, слышать своими ушами и наши руки должны осязать Слово жизни*. Вѣдь душа наша, какъ и тѣло, имѣетъ свое чувство: *вкусите и видите, какъ благъ Господь!*“¹⁾ Это именно ощущеніе Божества и является тѣмъ сладостнымъ корнемъ религіи, отростки коего мы разсмотрѣли.

¹⁾ Новоселовъ. Забытый путь опытнаго Богопозн. М. 1912 стр. 10—11.

Когда мы говорили о религиозномъ значеніи чувствъ таинственнаго, величественнаго, удивленія, красоты, любви и радости творчества, то можно было бы подумать, что при наличности этихъ чувствъ непременно возникаетъ и религіозность, какъ слагаемое или произведеніе ихъ. Но это было бы большою ошибкой. Нельзя быть религіознымъ человѣкомъ и не испытывать чувствъ таинственнаго, возвышеннаго, любви и т. д., но могутъ быть и весьма часто встрѣчаются такіе люди, которые не лишены этихъ чувствъ, но не имѣютъ настоящей религіозности. Для возникновенія ея необходимо, чтобы къ указаннымъ нами чувствованіямъ присоединилось и ихъ оплодотворило чувство, или ощущеніе Божества. Безъ него они будутъ растекаться по лицу земли, но не поднимутся къ небесамъ. Безъ него они не могутъ имѣть ни надлежащей глубины, ни благотворнаго вліянія на жизнь человѣка. Развивая свое сравненіе религіи съ древомъ жизни, скажемъ, что для жизненности растенія недостаточно вѣдь однихъ корней, пронизывающихъ землю, но необходимъ и ростокъ, который тянется вверхъ, къ солнцу, чтобы взять отъ него живительный свѣтъ и теплоту. Что составляетъ ростокъ для растенія съ его корнями, то—чувство Божества для религіи съ ея корнями въ душѣ человѣка. Оно, это чувство, есть въ одно и то же время и центральный корень, отъ котораго по всѣмъ направленіямъ окружности расходятся отростки, и ростокъ, который, подъ дѣйствіемъ живительныхъ лучей солнца и питательныхъ соковъ корней, превращается въ стволъ громаднаго дерева. Уничтожьте ростокъ, отдѣлите отростки отъ центральнаго корня растенія, и растеніе погибнетъ, и отростки корня омертвѣютъ. Подобное этому происходитъ и съ тѣми чувствами, которыя мы разсмотрѣли въ качествѣ питающихъ религію корней. Если у обладателя этихъ чувствъ нѣтъ ощущенія Божества, то онъ можетъ и удивляться, и величіемъ восхищаться, и красотой наслаждаться, и за любовію гоняться, но эти чувства не вознесутъ его ума и сердца къ Богу. Можетъ случиться, что они тѣмъ дальше будутъ отвлекать его отъ Бога, чѣмъ больше будетъ онъ предаваться имъ.

Г. С. Петровъ думаетъ и убѣждаетъ насъ въ томъ, что красота спасетъ міръ. 1): Ренанъ поступаетъ осторожнѣе:

1) Публичныя лекціи Петрова подъ такимъ заглавіемъ.

онъ указываетъ цѣлый сонмъ спасителей, безъ Бога. „Что насъ спасаетъ?“ спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „Ахъ, Боже мой, это то, что даетъ каждому его мотивъ жить. Средство спасенія не одинаково для всѣхъ. Для однихъ это—добродѣтель, для другихъ—пыль къ истинѣ, для иныхъ—любовь къ искусству; еще для иныхъ любопытство, честолюбіе, путешествія, роскошь, женщины, богатство, на самой низшей ступени морфій и алкоголь“.

Мы не послушаемся ихъ совѣтовъ и не ввѣримъ своей судьбы рекомендуемымъ ими спасителямъ. Какъ часто мы видимъ, что любовь и красота, не озаренныя и не согрѣтыя божественнымъ огнемъ, не спасаютъ, а губятъ человѣка. Припоминается по этому поводу разговоръ о красотѣ Дм. Карамазова съ Алешей въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ Достоевскаго. „Красота—это страшная и ужасная вещь!“ восклицаетъ Дм. Карамазовъ. „Тутъ берега сходятся, тутъ всѣ противорѣчія вмѣстѣ живутъ. Иной великій даже сердцемъ человѣкъ и съ умомъ высокимъ начинаетъ съ идеала Мадонны, а кончаетъ идеаломъ Содомскимъ. Еще страшнѣе, кто уже съ идеаломъ Содомскимъ въ душѣ не отрицаетъ и идеала Мадонны, и горитъ отъ него сердце его, и воистину, воистину горитъ, какъ и въ юные безпорочные годы!.. Въ Содомѣ ли красота?“ далѣе спрашиваетъ Димитрій и отвѣчаетъ: Вѣрь, что въ Содомѣ—то она и сидитъ для огромнаго большинства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь: тутъ діаволъ съ Богомъ борется, а поле битвы—сердце людей“. Весьма часто въ сердцѣ у поклонника красоты нѣтъ алтаря истинному Богу. Красота поэтому не можетъ быть названа надежнымъ путеводителемъ къ Богу. Нашъ вѣкъ, напр., нельзя упрекнуть въ недостаткѣ эстетическаго влеченія и вкуса, но нужно пожалѣть за ослабленіе религіозности. Красота въ своемъ возвышающемъ движеніи весьма часто оставляетъ людей на полдорогѣ, не доводя до неба. Всегда ли мы, очарованные красотой природы, возносимся мыслию къ небесной красотѣ? А при наслажденіи красотой художества приходитъ ли намъ на умъ имя Божіе? Не художнику ли только мы воздаемъ хвалу и благодареніе? Не замѣчается ли вообще попытокъ къ тому, чтобы замѣнить будто бы устарѣвшій культъ Божества культомъ красоты,—той красоты, которая, чаще и сильнѣе всего очаровывая

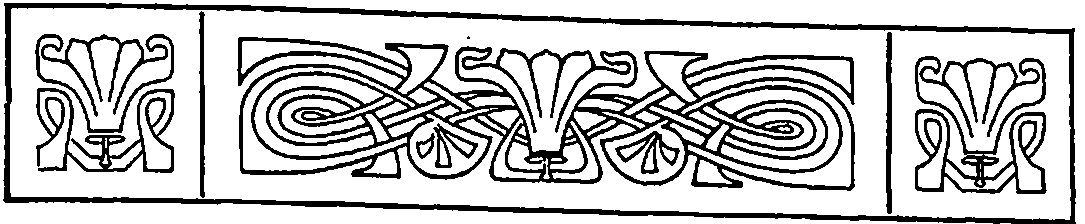
насъ въ формахъ человѣческаго тѣла, ведетъ къ обожанію плоти, или, какъ выражается Достоевскій, въ Содомъ?

Нѣтъ также надежды и на спасительную силу безрелигіозной любви къ людямъ,—этой второй путеводной звѣзды современнаго человѣчества. Любовь къ людямъ, лишённая оживотворяющей, питательной и возвышающей силы религіи, приводитъ къ гипертрофіи самолюбія, которое является радикальнымъ зломъ и источникомъ многихъ страданій современнаго человѣчества, особенно его такъ называемой образованной части. Въ этомъ мы убѣдимся изъ разсмотрѣнія корней религіи страданія. Оно покажетъ намъ, что то самолюбіе, которое поддерживается и развивается въ любимомъ человѣкѣ все оправдывающей, все дозволяющей и всему лгящей любовью другихъ, является самой подходящей почвой для произрастанія сѣмянъ зла и соединеннаго со зломъ страданія. Не понимаемъ, какъ люди могутъ называть это самолюбіе благороднымъ, когда оно порождаетъ зло?

В. Тихомировъ.

(Продолженіе будетъ).

Борьба Христианства съ остатками язычества въ древней Руси.

(Продолженіе *).

§ 13.

Д и в ь.

Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ упоминается Дивь, загадочное, по-видимому, злое существо. Говоря о постигшемъ Русь бѣдствіи, пѣвецъ употребляетъ такое выраженіе: „уже вьржеса Дивь на землю“. Въ другомъ мѣстѣ: „Дивь кличетъ вьрху древа“ ¹⁾. Возможно, что здѣсь разумѣется филинь. Если судить на основаніи малороссійскихъ пословицъ, то приходится притти къ мысли, что съ словомъ дивь соединяется (а можетъ быть и соединялось) представленіе о зломъ божествѣ, черномъ богѣ. „Щобъ тебе черный богъ убивъ“, „щобъ на тебе дивь пришовъ“ ²⁾ Г. Мочульскій, по-видимому отождествляетъ два приведенныя выраженія; если же тождества нѣтъ, то дивь не можетъ быть признанъ чернымъ богомъ. Вс. Миллеръ сближаетъ Дива и дѣву Обиду, упоминаемыхъ въ „Словѣ о полку Игоревѣ“, указывая, что это мѣсто заимствовано нашимъ пѣвцомъ изъ византійской поэмы о Дигенисѣ, существовавшей въ болгарской письменности. Кромѣ того среди болгаръ было и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе въ дивовъ, живущихъ на дивской горѣ, и самодивовъ, напоминающихъ нашихъ русалокъ. Пѣвецъ „Слова“ восполь-

¹⁾ Правописаніе Потебни, „Слово о полку Игоревѣ“, Харьковъ 1914 г., стр. 82, 26. Потебня сближаетъ Дива съ Горемъ и Надеждой ibid стр. 100.

²⁾ Мочульскій. О мнимомъ дуализмѣ въ миеол. славян. Русск. Филол. Вѣстникъ, 1889 г. XXI, стр. 197.

зовался болгарскими образами, причѣмъ самодива или морская юда—самовила оказалась дѣвой (дивой) Обидой, дивъ остался Дивомъ. И такъ Дивъ не птица. Вс. Миллеръ указываетъ, что выраженіе „Слова“—„уже вѣржеса Дивъ на землю“—не согласно съ пониманіемъ Дива птицы, съ чѣмъ согласенъ и Веселовскій. ¹⁾ Отмѣтимъ, что Дивъ имѣлъ и женскую форму Дива: Слово Св. Григорія сообщаетъ, что славяне кланялись въ числѣ другихъ боговъ и Дивѣ. ²⁾ Не предрѣшая вопроса о значеніи Дива, укажемъ, что слово „вержеса“, употребленное въ значеніи—стремительно сѣлъ, упалъ какъ камень, можетъ быть приложимо къ птицѣ. „Слова“ написано образнымъ, цвѣтистымъ языкомъ; нѣкоторыя выраженія „Слова“ не переводимы, напр. куряне „конць копья вѣскърмлени“, „рестѣкашеться мыслию по древу“ и проч., а потому искать въ „словѣ“ особенной точности выраженія нельзя.

Ак. А. Веселовскій предлагаетъ понять „дивъ“ въ смыслѣ *δαίμαστίον*. Слово црк.—слав. дивъ—оле, *βαζαί* (Вост. Микл.) дивы—*ἀνήμερος*, *immanuete* (Микл.). „Уже тресну нужда на волю, уже вѣржеса Дивъ на землю“,—это мѣсто Веселовскій переводитъ слѣдующимъ образомъ: „уже ударила нужда на волю и страшно вступила на землю“. ³⁾ По мнѣнію проф. Сумцова, дивъ это лѣшій. ⁴⁾ И такъ, что такое нашъ дивъ остается невыясненнымъ; во всякомъ случаѣ Дивъ не былъ божествомъ русскихъ славянъ.

§ 14.

Вилы и виль.

Среди божествъ женскаго рода упоминаются вилы. Христолюбецъ обличалъ вѣрующихъ „въ вилы ихъ же числомъ Г. Ѳ. сестрѣницъ, глаголють невѣгласи, то все мняте богинями и тако покладываютъ имъ требы, и куры имъ рѣжутъ. ⁵⁾ Подъ этими вилами можно разумѣть виль-духовъ, по вѣрованію сербовъ, населяющихъ лѣса и горы и во многомъ аналогичныхъ

¹⁾ Ж. М. Н. П., 1877 г., августъ, стр. 276.

²⁾ Прилож. № 2, стр. 28. По Софійской рук. № 1295.

³⁾ А. Веселовскій. Новый взглядъ на „Слова о полку Игоревѣ“. Ж. М. Н. П. 1877 г., августъ, стр. 277. По поводу труда Всев. Миллера „Взглядъ на Слова о полку Игоревѣ“. Москва. 1877 г.

⁴⁾ Культурныя переживанія. Киевск. Стар. 1890 г., т. XXXI, стр. 59.

⁵⁾ См. приложение № 3, стр. 41.

съ нашими русалками. Въ „Словѣ Григорія“ сообщается, что елины кланялись Вилу; идола этого Вила пророкъ Данилъ погубилъ въ Вавилонѣ. 1) Есть особое сказаніе объ уничтоженіи пророкомъ Даниломъ Вила и сокрушеніи имъ змія. У Архангельскаго помѣщенъ текстъ этого сказанія. 2) Въ Словѣ разсказывается, что Киръ сдѣлалъ Данила своимъ наперстникомъ. Однажды, когда царь кланялся, Вилу, Данилъ не дѣлалъ это и на вопросъ царя, почему онъ не кланяется, сталъ приводить обычные доказательства ложности идолопоклонства. Потомъ Данилъ предложилъ словомъ сокрушить Вила, что и исполнилъ. Тогда его повели къ другому богу—къ змію, жившему въ пещерѣ. Данилъ связалъ свои одежды, обмазалъ ихъ смолой и масломъ и бросилъ въ пасть змію, и тотъ погибъ. Потомъ Данила бросили въ ровъ львиный, но ему приносилъ пищу Аввакумъ пророкъ, и Данилъ остался цѣлъ и невредимъ.—Можно думать, что въ „Словѣ Св. Григорія“ Виль поставленъ вмѣсто Ваала, хотя Данилъ Ваала не сокрушалъ. Предполагаетъ, что Виль попалъ въ число славянскихъ божествъ вслѣдствіе чисто ви́шняго созвучія съ словомъ вила. Подтвержденіемъ такого взгляда служить слѣдующее мѣсто изъ словъ св. Григорія: елины совершали требокладеніе грому, молніи и Вилу, богу вавилонскому, котораго разбилъ Данилъ пророкъ, „тѣмъ же богомъ требоу кладоутъ и творять. и словеньскій языкъ. виламъ. и мокоши. дивѣ. пероуну“, 3) и проч. Ходъ мыслей здѣсь таковъ: елины кланялись грому, молніи, Вилу—богу вавилонскому; славяне кланяются тѣмъ же богамъ—виламъ и мокоши и проч. Памятники, упоминающіе о вилахъ, ничего не сообщаютъ, что разумѣется подъ этимъ словомъ. Переводчикъ Хронографа Георгія Амартола отождествлялъ виль съ сиренами. Старо-чешскіе и старо-польскіе памятники показываютъ, что у западныхъ славянъ съ вилами соединялось представленіе о чемъ-то дурномъ, позорномъ. 4) По-чешски *vila* сумасшедшій, *vilnu*

1) Прилож. № 2, стр. 23. Это мѣсто есть и въ Паисіевомъ сборникѣ и Софійской рукоп. № 1295.

2) См. Къ исторіи южно-славянской и древне-русской апокрифической литературы. Два любопытныхъ сборника Софійской народной библіотеки въ Болгаріи. СПБ. 1899, стр. 19-20. Слово о Данилѣ пророцѣ како Вилла бога вавилонскаго сокруши...

3) По списку Софійской Новгород. Библ. № 1295. см. пр. № 2, стр. 23.

4) Соболевскій. Матеріал. и изслѣд. Сборн. отдѣл. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ. т. 88, 1910 г. № 3, стр. 270—271.

сладострастный, распутный; по-польски *wiła*—сумасшедшій, глупецъ. 1) Акед. А. Веселовскій слово „вила“ производитъ отъ индо-европейскаго корня *uel* гибнуть, по-литовски *welis*—покойникъ. По латышскому вѣрованію—вели—это предки. По мнѣнію Веселовскаго, вилы эти и маны и дѣвы судьбы, какъ -рожаницы. Не ограничиваясь такимъ толкованіемъ, Веселовскій приводитъ другое соображеніе: у римлянъ въ началѣ весны былъ праздникъ въ честь манъ—*dies violae*. *Dies violae* не остались ли въ образѣ вилъ? „Въ вилѣ я вижу сложный образъ, въ которомъ римская *Viola* слилась съ древнимъ вѣла—вила“. 2) Но какимъ образомъ изъ латинскаго *Viola*—фіалка могло возникнуть у славянъ вѣрованіе въ вилъ, мнѣическихъ существъ, обитающихъ въ горахъ, воздухѣ и водѣ? Веселовскій это не объясняетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что южно-славянскія вилы соотвѣтствуютъ русскимъ русалкамъ. 3) По вѣрованію словаковъ, вилы—души невѣсть, умершихъ во время помолвки. Въ Польшѣ вилы признаются душами красивыхъ дѣвушекъ, которымъ за грѣхи суждено вѣчно носиться между небомъ и землею. 4)

§ 15.

Купало.

Купало, или Купалы было названіе народнаго праздника 23-го іюня, канунъ памяти Іоанна Предтечи. Въ Ипатьевской лѣтописи читаемъ: Литва же изгнаша Ездовъ наканунѣ Ивана дня, на самая Купалы. 5) Въ договорахъ и актахъ литовскихъ князей 1350 и 1396 г.г. поставлены даты: „писана (грамота) во вторникъ передъ купалы св. Ивана“, „до Ивана дне до купалы“. 6) Изъ этого видно, что слова—Купала, Купалья (множ. чис.) употреблялись для обозначенія дня 23 іюня,

1) Леже. Славянск. мнѣол., стр. 146.

2) Раз. XXV, стр. 296—298, 288.

3) Раз. *ibid.*, 294—295.

4) Леже. Славянск. мнѣол., 145.

5) Лѣтопись по Ипатьевск. еписку, изд. 1871 г., стр. 565.

6) Акты Западн. Россіи, № 1; Акты Южной и Зап. Россіи, I, № 4.

кануна праздника Рождества Іоанна Предтечи, или 24 іюня, самаго праздника. Въ древне-русскихъ памятникахъ Купало не упоминается. Первыя упоминанія о Купалѣ, какъ о божествѣ русскихъ язычниковъ, относятся въ половинѣ XVII вѣка: именно въ Синописи и Густынской лѣтописи. 1)

Купальское празднество сопровождалось буйнымъ весельемъ въ ночь на 24 іюня: народъ плясалъ подъ музыку и пѣсни; прыгали чрезъ пылающіе костры, а на зарѣ умывались и купались въ рѣкѣ. Самое празднество не было посвящено въ честь бога Купалы. Имя Купало относилось то къ костру, то къ мѣсту, гдѣ происходило игрище, а чаще всего обозначало день, въ который происходитъ игрище. „Сегодня Купала, а Завтра Ивана“, поется въ пѣснѣ.—Пропѣвъ— „Купала на Ивана“—сохранилъ слово Купала въ древнемъ первоначальномъ значеніи; онъ значитъ: Купала на день Ивана, передъ днемъ Ивана. 2) Каковъ же смыслъ этого праздника? Исходя изъ мифологической теоріи славянскихъ вѣрованій, разработанной Афанасьевымъ, А. Баловъ высказалъ предположеніе, что съ купальскими праздничными обрядами „соединялась мысль о полномъ и совершенномъ торжествѣ свѣта надъ тьмою, тепла надъ холодомъ; съ этими празднествами соединилась мысль о свадебномъ союзѣ возмужавшаго солнца съ зарею“. Доказательство этого г. Баловъ видитъ въ повѣрьи, что солнце купается на Ивановъ день въ водѣ. „Купанье солнца по языческому представленію было однимъ изъ актовъ совершившейся солнечной свадьбы“. „Купальскія игрища и праздники, продолжавшіеся, безъ сомнѣнія, въ теченіе нѣсколькихъ дней, совершались въ честь солнечной свадьбы, однимъ изъ актовъ которой было купанье солнца въ водахъ, откуда и названье этихъ праздниковъ „купалы“. 3) Соображенія г. Балова мы не находимъ убѣдительными. По нашему мнѣнію, въ купальскомъ праздникѣ соединилось два элемента: языческой и христіанской. Къ концу іюня въ нашемъ климатѣ природа достигаетъ наивысшаго расцвѣта и роскоши; дальше начинаются жары, растенія отцвѣтаютъ, начинается созрѣваніе

1) Приложение № 32, стр. 294 и 297.

2) Соболевскій. Купало. Сборникъ отд. русск. яз. Акад. Наукъ. т. 88, 1910 г., № 3, стр. 258—266.

3) Валовъ. Характеръ и значеніе древн. купальскихъ обрядовъ. Русск. Вѣстн. 1905 г., дек., стр. 440.

плодовъ и знаковъ, и растительный мѣръ въ значительной мѣрѣ теряетъ свое обаяніе и прелесть. Полагаемъ, что во второй половинѣ іюня могло быть языческое празднество въ честь солнца. Рабочая пора и дневной зной побуждали собираться на игрище вечеромъ. Въ этомъ случаѣ зажиганіе костровъ понятно само собою. Понятно и купанье на зарѣ, послѣ безсонной ночи, проведенной въ веселыхъ играхъ и пляскахъ. Конечно, нѣкоторые акты (пѣсни, игры и пр.) могли имѣть религіозное значеніе, но объ этомъ мы сейчасъ можемъ судить только по догадкамъ. 24 іюня церковь посвящаетъ св. Іоанну Предтечѣ, Крестителю Іисуса Христа. Крещеніе Господне, смыслъ котораго былъ недостаточно понятенъ большинству русскаго общества, было понято, какъ погруженіе въ воду, купанье въ рѣкѣ Іорданѣ. Мы не знаемъ, откуда возникло русское народное вѣрованіе, что Спаситель крестился въ полночь или рано на разсвѣтѣ; но именно такое вѣрованіе существуетъ въ настоящее время. Евангеліе сообщаетъ, что Рождество и Воскресенье Христово произошли ночью. По аналогіи съ этими событіями у насъ могли думать, что и Крещеніе Господне также было ночью. И вотъ языческое игрище, устраиваемое ночью и сопровождаемое купаньемъ, стало называться купалой вслѣдствіе сближенія съ христіанскимъ праздникомъ въ честь Крестителя, ночью крестившаго (купавшаго) Спасителя. Можетъ послѣдовать возраженіе, что христіанскій праздникъ въ честь Іоанна Крестителя наши предки не могли праздновать чисто языческимъ способомъ. На это укажемъ, что сырная недѣля, учрежденная церковью какъ переходъ отъ мясоѣда къ посту, на самомъ дѣлѣ проходить въ буйномъ разгулѣ и чисто языческихъ увеселеніяхъ. То же самое должно сказать и о рождественскихъ праздникахъ, до сихъ поръ хранящихъ слѣды языческой страны.

Ярилѣ. Нострома. Весна.

Древніе памятники совершенно не упоминаютъ объ Ярилѣ. Одно изъ первыхъ упоминаній объ Ярилѣ содержится въ увѣщаніи св. Тихона Задонскаго жителей г. Воронежа (1763 г.). Изъ всѣхъ обстоятельствъ праздника сего видно, что древній нѣкакій былъ идолъ, называемый

именемъ Ярилой, который въ сихъ странахъ за бога почитаемъ былъ, пока еще не было христіанскаго благочестія“. 1) Есть преданіе, что близъ города Галича стоялъ на горѣ идолъ Ярило, въ честь котораго совершался трехдневный праздникъ въ недѣлю всѣхъ святыхъ. Ярилинъ день не вездѣ праздновался въ одно и то же время: онъ праздновался то въ день всѣхъ святыхъ, то на другой день Петрова поста и проч. Празднество сопровождалось плясками и хороводами. Центральной фігурой праздника былъ человѣкъ, чаще всего женщина, убранная цвѣтами и лентами, иногда кукла. Ярило одного корня съ современными словами ярый, яровой (хлѣбъ, сѣмый. весной); яриться—имѣть похоть. Яруномъ въ Смоленской губ. называютъ быка—оплодотворителя. Акад. Соболевскій указалъ, что окончаніе *ило* нѣкогда было обычнымъ окончаніемъ уменьшительныхъ именъ, напр., Доброило отъ Доброславъ, мужило отъ мужъ. 2) Ярило происходитъ отъ слова ярь—яровой хлѣбъ или отъ слова ярь—гнѣвъ. 3) Послѣднее слово теперь не употребительно; но существуетъ слово ярица (пшеница, засѣваемая весной), происходящее, очевидно, отъ ярь. Вѣроятно же всего Ярило происходитъ отъ ярь и служило для обозначенія растительныхъ силъ природы. Существованіе божества Ярилы въ виду отсутствія указаній о немъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, подвергается сомнѣнію. Можно думать, что первоначально Яриломъ называли весеннее или лѣтнее игрище. Солнечный характеръ праздника виденъ изъ обычая прыгать чрезъ огонь. Какъ было уже сказано, праздникъ Ярилы справлялся приблизительно около Петрова дня. Въ это время дни начинаютъ уже убывать (послѣ 9 іюня), и потому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тогда же справляютъ „проводы весны“, которую изображалъ ряженный человѣкъ, или похороны чучела, называемаго Кострубонькой или Костромой. Въ Кинешмѣ праздникъ Ярилѣ справляется на лѣсной полянѣ. Празднуютъ два дня: въ первый день Ярилу встрѣчаютъ, а на второй погребаютъ. 4) Изъ этого можно заключить, что нѣкогда совершалось два особыхъ праздника въ честь солнца—Ярилы Кострубоньки, соединявшіеся потомъ въ одно. Кострубонька,

1) Фаминцынъ. Божества, стр. 224.

2) Сборн. Акад. Наукъ, № 88, 3, 269.

3) Срезневскій. Матер. для слов. древн. рус. яз, III, 1663.

4) М. Соколовъ. Старо-русс. солнечн. боги и богини, ст. 112.

можетъ быть, происходитъ отъ того, что погребаемая кукла была сдѣлана изъ разныхъ травъ: кострубатый, шереховатый, оттуда придиричивый, задорный. ¹⁾ Кострубъ, Кострубонько не собственное имя бога, а его прозвище, эпитетъ. Но какъ изъ Кострубоньки вышелъ Кострома,—не ясно. Кажется, слово Кострома слово финское; если это такъ, то нѣтъ ли финскаго элемента въ празднованіи Ярилы—Купалы—Костромы? ²⁾ Значеніе яриливыхъ праздниковъ для насъ непонятно. Въ этомъ праздникѣ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: иногда празднество заканчивалось проводами или похоронами; а въ Бѣлоруссіи главное дѣйствующее лицо въ играхъ, въ первый день Петрова поста, убранная лентами и цвѣтами дѣвушка носить названіе русалки. Русалки—это покойницы. Итакъ, въ праздникѣ Ярилы былъ погребальный элементъ, вѣроятно, въ знакъ сокращенія дней послѣ 9 іюня, или поворота солнца съ лѣта на зиму.

Въ народныхъ пѣсняхъ упоминается весна, какъ живое существо; дѣти и теперь кличутъ весну. Но считать весну древнимъ божествомъ нѣтъ основаній: это простое олицетвореніе. ³⁾

§ 17.

Авсень. Дидь. Буянина.

Упоминается въ пѣсняхъ ⁴⁾ и въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1649 г.: „на Москвѣ напередъ сего ...въ навечеріе Рождества Христова кликали многіе люди Каледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугу“. Теперь во многихъ мѣстахъ Великороссіи Авсенемъ называется канунъ Новаго года. Авсень сближаютъ съ „овесъ“ на томъ основаніи, что на Новый годъ посыпаютъ овсомъ. Но въ словѣ 'ов-сь' звукъ 'с' принадлежитъ суффиксу (лит. aw-iza, лат. av-epa), тогда какъ въ словахъ ус-ень, авс-ень, с относится къ корню ус. Савкр. уш., жечь, отъ котораго литовск.

¹⁾ Афанасьевъ. Поэт. возр. т. III, стр. 726.

²⁾ Объ Ярилѣ у Фаминцына. Божества... стр. 220—233. Соболевскій. Сборн. Акад. Наукъ 88, № 3, стр. 266—269.

³⁾ Крек, Einleit., стр. 402, прим. 4.

⁴⁾ Сахаровъ. Сказан. Русск. народн. ч. II, стр. 258—260. Снегиревъ, выц. II, стр. 103—112.

ausz-ti свѣтатъ, ausz-v—утренняя заря, т. е. зарево, предше-
 ствующее солнцу, и звѣзда; санскр. *ушас*—заря, утро...
 Корень *уш* имѣетъ другую форму *вас*, которую находимъ,
 между прочимъ, въ словѣ—весна... Отсюда понятно, почему
 день солнечнаго поворота на лѣто и само солнце могли
 называться Усенемъ. 1) Относительно упоминаемаго въ при-
 пѣвахъ къ пѣснямъ *дидь-ладо* ничего утвердительно сказать
 не можемъ. Извѣстно, что божества Лады не существовало. 2)
 Можетъ быть, этототъ самый дидь-дѣдъ, который олицетворялъ
 собою на празднествѣ Ярилу: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, устраи-
 вая празднество въ честь Ярилы, выбирали мужика, надѣвали
 ему на голову березовый вѣнокъ, нашивали ленты на кафтанъ,
 давали въ руки цвѣты. 3) Акад. Голубинскій полагаетъ, что
 „дидь“ значитъ—великій. 4) Въ *Словѣ св. Григорія* въ Паисіевомъ
 сборникѣ упоминаются таинственныя „буякини: малакию
 велми почитают, рекуще буюкини“. 5) Въ Словѣ того же св.
 Григорія въ Чудовскомъ спискѣ чтеніе такое: „килоу вѣлми
 почитаютъ рекуще боуякини“. 6) Соотвѣтствующее мѣсто въ
 словѣ св. Григорія по-гречески читается такъ: *καὶ μалаκίαν*
ἐτίμησαν καὶ θρασύτητα ἐσεβάσθησαν. „И малакию чтоша и буесть
 почтоша“, въ буквальномъ переводѣ. 7) По-русски: и нѣгу
 чтили и неустрашимость уважали. Итакъ, греческое слово
θρασύτητα (неустрашимость) первоначально было переведено
буесть; въ *Словѣ св. Григорія съ толцежъ буесть* стала *буякиней*
 очевидно, исключительно только въ силу созвучія.—Голубин-
 скій производитъ „буякиня“ отъ слова *буй*, *буевище*, что зна-
 чить кладбище; слѣд. *буякини* были духи женскаго рода, оби-
 тавшіе на кладбищахъ. 8) Иначе говоря буякини—души умер-
 шихъ. Полагаемъ, что въ Чудовскомъ спискѣ вмѣсто *килу* слѣ-

1) Потенія. О мѣстечк. значеніи нѣкоторыхъ обрядовъ и повѣ-
 рій. Москва, 1865 г., стр. 21—22.

2) *Krek. Einleitung*. 403 стр. прим.

3) Снегиревъ. Русскіе престонародные праздники, выпуск. IV,
 1889 г. стр. 58—59.

4) Голубинскій. *Ист.* 1, 2, 842 прим. 3.

5) *Прилож.* № 2, стр. 23. *Панс. сборн.*

6) *ibid*, стр. 32.

7) *Ркп.* XIV в. *Синод.* 6. № 954. Тихонравовъ. *Лѣтоп.* IV, III,
 99 стр. *Архангельскій. Твор.* I—II, стр. 153.

8) Голубинскій. *Истор. русск. церк.* 1, 2. стр. 848, прим. 4.

дуетъ читать вилу. Тогда получится такое чтеніе: вилу весьма почитаютъ, называя буякиней. Юго-славянскія вилы соотвѣтствуютъ нашимъ русалкамъ, а русалки это души мертвыхъ. Оказывается, чудовской текстъ дастъ цѣнное свѣдѣніе.

§ 18.

Взглядъ на природу и обоготвореніе ея.

Сварогъ, Дажьбогъ, Хорсъ, Ярило были солнечныя божества; Перунъ былъ богъ дождя и грома; Стрибогъ—богъ вѣтровъ. Все это были небесныя божества, отъ которыхъ зависѣло благосостояніе первобытнаго восточнаго славянина. Но и на землѣ нашъ предокъ встрѣчалъ много загадочнаго и таинственнаго и обоготворилъ, скорѣе оживотворилъ, надѣлилъ сознаниемъ многіе предметы и явленія. „Слово о полку Игоревѣ“ даетъ намъ возможность составить себѣ представленіе о взглядѣ нашихъ предковъ на природу. Хотя этотъ памятникъ относится къ XII в., тѣмъ не менѣе въ Словѣ съ замѣчательной силой сказывается до-христіанское, языческое отношеніе къ природѣ. Въ XII в. христіанство сдѣлало немалые успѣхи, а язычество соответственно тому потускнѣло въ сознаниі русскаго человѣка. Однако же языческія представленія еще жили. Нашъ предокъ—язычникъ представлялъ себѣ природу живой, одухотворенной, сочувствующей или враждебной человѣку, но не пассивной. Первобытная ненаучная мысль можетъ работать только подъ извѣстными формами, субъективно: человѣкъ приписываетъ предметамъ тѣ свойства, какія онъ наблюдаетъ самъ въ себѣ. Вотъ почему наши предки надѣляли чувствами и мыслительными способностями не только животныхъ, но и неодушевленные предметы: Ярославна обращалась съ просьбой къ солнцу, Днѣпру, вѣтру; солнце своимъ затменіемъ предвѣщало Игорю бѣду; но та же природа сочувствовала бѣгству Игоря изъ плѣна. Можно сказать, что русскій человѣкъ скорѣе оживотворялъ, чѣмъ обоготворялъ неодушевленную природу. Въ былинѣ „о добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ“ молодецъ кланяется рѣкѣ и проситъ ее перепустить его на другую сторону; рѣка

1) 174) Прилож. № 2, стр. 11.

2) Ibid. стр. 32.

3) Голубинскій, Истор. русск. церк. 1:2, стр. 843, прил. 4.

Смородина дозволяетъ ему переправиться, а когда переѣхавши молодецъ хвалится, рѣка топить его за похвальбу. ¹⁾

Выше уже упомянуто, что русскіе люди кланялися огню, называя его Сварожичемъ; по слову Христолюбца, поклоненіе огню совершалось подъ овиномъ. Кланялись и неодушевленнымъ предметамъ. Въ „Словѣи откровеніи св. апостолъ“ есть такое мѣсто: глять бо ово сут бози небесніи, а друзії земніи, а друзії польстїи, а друзії водніи“. ²⁾ Въ *жизденіи Богородицы по мукамъ* сдѣлана слѣдующая вставка по сравненію съ греческимъ оригиналомъ. Въ адѣ мучатся грѣшники язычники, которые не вѣровали въ Отца, Сына и Святаго Духа, но „вѣровоша, юже ны бѣ тварь Богъ на работоу створилъ, то то они все боги прозваша солице и мѣсяць землю и воду, звѣри и гады, то сѣтънѣе и члвчъ окамента оутрия ³⁾ трояна хърса велеса пероуна на Боги обратїня бѣсомъ злымъ вѣроваша, доселе мракъмъ злымъ одержими соуть, того ради сде тако моучаться. ⁴⁾ Въ греческомъ текстѣ значитъ только слѣдующее: οὗτοι οὖν οἱ εἰς πατέρα καὶ υἱὸν καὶ ἅγιον πνεῦμα μὴ πιστεύοντες, καὶ διὰ τοῦτο οὕτως καλέσονται. Имена боговъ вставлены. Тихонравовъ полагаетъ, что вставка была сдѣлана на Руси. ⁵⁾ Возможно, что переводъ былъ сдѣланъ на Балканскомъ полуостровѣ, тамъ же и вставка, помимо перечисленія языческихъ славянскихъ боговъ, а боги прибавлены на Руси.

Въ „Словѣ Григорія Богослова“ сдѣлана также вставка относительно славянскаго язычества. Овъ трѣбоу сѣтвори на стоуденьци, дѣжда иски отъ него, забывъ яко Богъ съ небесъ дѣждь даетъ. Овъ несущимъ Богомъ жьреть, и Бога створшаго небо и землю раздружаетъ. Овъ рѣку богыну нарицаеть, и звѣрь живуць въ неи, яко бога нарицаая, требу творить. Овъ дыю жьреть, а друггїи Дивїи. А инъ градъ чьтеть. Овъ же дьрънъ въскроуць, на главѣ покладая, присягу творить; овъ присягы костьми чловѣчами творить. Овъ кобени

¹⁾ Авенариусъ. Книга былинъ 1880 г. стр. 347.

²⁾ См. прил. № 4, стр. 52.

³⁾ Это неудобопонятное мѣсто въ ркп. начала XVI в. читается такъ: „звѣри и гады, то сѣи члвы, о камени ту устроая“. Толст. сборн. 1602 г., от. 11, № 229, л. 45-57. Публич. Б. отд. XVII, Q в. № 82 Памятники Стар. Русск. лѣт. Кутелева Безбор., вып. III, стр. 119.

⁴⁾ Пергаментная ркп. XII в. Троиц. Серг. Давра № 12, лѣт. 30 Изд. Тихонравовымъ въ Памятн. отреч. рус. литер. т. II, стр. 23.

⁵⁾ Тихонравовъ. Соч. т. I, стр. 202.

пѣтитъ смотреть. Овъ сѣрѣтенія сумнѣнтся. Овъ мущнѣ-скотъ творя убиваетъ. Овъ въ неделю и въ святыя дни делаетъ, прибытъкъ себѣ творя свою погыбѣль, да елико въ сею недѣлю съдѣлаетъ, тѣмъ днѣмъ погоубить. Овъ на мощьхъ лѣжю присязаетъ. 1) Когда сдѣлана вставка? Переводчикомъ или русскимъ? Языкъ вставки проще и понятнѣе всего перевода, такъ что можно думать, что вставка сдѣлана не переводчикомъ. Но вставка органически связана съ текстомъ: не зная греческаго текста, нельзя ее заподозрить. Обычай, перечисленные въ словѣ, не всѣ извѣстны на Руси: напр., у насъ не извѣстно о почитаніи рѣчныхъ животныхъ. Вѣроятно, вставка сдѣлана на югѣ, на Балканскомъ полуостровѣ.

§ 19.

Поклоненіе свѣтиламъ, водѣ и деревьямъ.

Въ *Словѣ Златоуста*—како первое поганіи вѣровами говорится о поклоненіи силамъ природы. „И начаша жрети молнии и грому и солнцу и лунѣ“. 2)

Подобныя обличенія нерѣдко встрѣчаются въ нашихъ древнихъ словахъ и поученіяхъ, и на основаніи ихъ можно подумать, что славяне, и въ частности русскіе славяне, поклонялись свѣтиламъ, тѣмъ болѣе, что почитаніе солнца русскими не подлежитъ сомнѣнію. По вѣрованію малоруссовъ солнце—великанъ, обладающій свѣтоносной и теплотворной одеждой. Мѣсяцъ также великанъ, но менѣе могучій, чѣмъ солнце. 3) Въ Словѣ св. Ефрема о покаяніи читаемъ: „отрицаюся всѣхъ бывающихъ солнци и лунѣ и звѣздахъ“. 4) Но это мѣсто, какъ и все слово о покаяніи, переведено съ греческаго: Ἀποτασσάμαι πρὸς τοὺς ἐν ἡλίῳ, καὶ σελήνῃ καὶ ἀστροῖς γινόμενοις, καὶ ἐν πύλαις καὶ δένδροις. 5) Безъ сомнѣнія, подлѣ вліяніемъ гре-

1) Извѣст. Акад. Наукъ по 2 отд. 1854 г., т. III, стр. 27—28. Переводъ XIII словъ Григорія Богослова былъ сдѣланъ, вѣроятно, въ Болгаріи (въ X в.); потомъ слова были переписаны опять къмъ либо изъ юго-славянъ, т. е. болгаринномъ или сербомъ и наконецъ, рукопись переписывалась въ Россіи. Основной звуковой фонъ въ языкѣ этой рукописи древне-болгарской. Будиловичъ. Исслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова. СПб. 1871 г., стр. 142—173. III книга *Словъ Григорія Богослова* (1871 г.) стр. 142—173.

2) См. прил. № 6, стр. 59. III книга *Словъ Григорія Богослова* (1871 г.) стр. 142—173.

3) Кіевск. стар. 1882 г., т. IV, стр. 178. III книга *Словъ Григорія Богослова* (1871 г.) стр. 142—173.

4) Ркп. Троиц. Серг. Лавры № 7, л. 288. III книга *Словъ Григорія Богослова* (1871 г.) стр. 142—173.

5) Asseman. Sancti Ephraem Syri. II, стр. 195.

ческаго подлинника возникло слѣдующее мѣсто въ Словѣ того же Ефрема Сирина о второмъ пришествіи: „отрицаемъ... вѣрованія въ солнце. и въ луну. и въ звѣзды. и въ источники“. и проч. ¹⁾ Поклоненіе рѣкамъ и источникамъ отмѣчено въ другой рукописи. „Но ты (человѣкъ) того (Бога) оставивъ, рѣкамо и источникомъ требы полагаеши и жрѣши яко богу твари бездушной“. ²⁾ „Въ похвалѣ на перенесеніе мощей св. Николая“, куда внесено предыдущее Слово, это мѣсто находится цѣликомъ. Усваивать „Слово на память епископа“ русскому писателю глѣтъ основаній; напротивъ, есть основанія думать, что это слово юго-славянскаго происхожденія, слѣд. обличенія его направлены не противъ русской жизни. Аналогичное мѣсто есть въ „Словѣ о ведрѣ и казняхъ божіяхъ“, которое находится въ Симеоновскомъ Златоструѣ. „Пожрѣмъ студенцемъ и рѣкамъ и сѣтмъ, да оулучимъ прошенія своя“. ³⁾ Замѣчательно, что въ Начальной Лѣтописи подъ 6575 г., гдѣ приведена часть слова о „ведрѣ“, пропущено мѣсто о поклоненіи студенцамъ, рѣкамъ и сѣтмъ. Въ словѣ св. Кирилла читаемъ: „диаволь—„овы прельсти въ тварь вѣровати и въ солнце же въ огонь, и во источники же и въ древа, и во нынѣ различны вещи, ихъ же рещи не возможно“. ⁴⁾ Издатель этого слова и трехъ другихъ склоненъ, вслѣдъ за Филаретомъ Черниговскимъ, приписать всѣ эти произведенія Кириллу еписк. Ростовскому (1231—1262 г.г.). ⁵⁾ На самомъ же дѣлѣ это слово принадлежитъ Кириллу Философу, автору слова „на соборъ архистратига Михаила“, часть котораго иногда отдѣльно помѣщается въ рукописяхъ подъ именемъ „слово св. от. Кирилла о первозданнемъ“. Есть основанія въ этомъ Кириллѣ Философѣ видѣть просвѣтителя славянъ. ⁶⁾ Такимъ образомъ приведенныя выше свидѣтельства относятся не къ русской жизни. Но есть основанія утверждать, что наши предки кланялись свѣтиламъ, камнямъ, растеніямъ, обоготво-

¹⁾ Ркп. Троиц. Сергѣев. Лавры № 204, лл. 30, л. 62. См. главу Перечень грѣховъ.

²⁾ Слово на память епископа, ркп. Моск. Акад. № 77, л. 227.

³⁾ Срезневскій. Свѣд. и зам. XXIV, стр. 37.

⁴⁾ Слово св. отца Кирилла о первозданнемъ, ркп. Соловец. б. № 270. Изд. въ Прав. Собесѣдн. 1859 г., I, стр. 257.

⁵⁾ Прав. Соб. *ibid*, 245 стр.

⁶⁾ Митр. Антоній. Изъ исторіи русской проповѣди. Изд. 2, СПб., 1895 г., стр. 320-326.

ряли явленія природы. Въ „Уставѣ“, приписываемомъ м. Георгію, есть такая заповѣдь: „Аще кто цѣлуеть мѣсяць, да будетъ проклятъ“. Выраженіе „цѣлуеть“ можетъ означать—привѣтствуетъ новомѣсячіе. ¹⁾ Эта заповѣдь могла возникнуть подъ вліяніемъ постановленія Трульскаго собора (65 пр.); но поводъ къ этому давала современная ему русская жизнь, если это только русская вставка. Съ фазами луны и теперь соединяется не мало примѣтъ. Такъ, напр., стараются увидѣть „молодикъ“, новую луну, съ правой стороны; увидѣвшій въ теченіе всего мѣсяца будетъ счастливъ; хорошо, если при этомъ въ карманѣ есть деньги,—онѣ будутъ водиться цѣлый мѣсяць и проч.

На основаніи „исповѣдныхъ вопросовъ“ можно думать, что наши предки почитали свѣтила и стихіи. „Или кланялись чемоу отъ тварі, солнцу, или звѣздам, или мѣсяцу, или зарі“.—„Или хулилъ дождь, вѣтръ, снѣгъ, ведро, мразъ, огонь, воду ²⁾... „Или кланялась солнцу и мѣсяцу и звѣздамъ или зарі“ ³⁾. „Исповѣдь каждаго чина по десято-словію“ содержитъ такіе вопросы относительно грѣховъ противъ второй заповѣди: „Не называлъ ли тварь божію за святыни: солнце, мѣсяць, ⁴⁾ звѣзды, птицы, рыбы, звѣри, скоты, сады, древа, каменіе, источники, кладязи і езера, не почиталъ ли ихъ чудотворными“ ⁴⁾. Послѣднее запрещеніе можетъ быть сдѣлано подъ вліяніемъ Теофана Прокоповича, вооружившагося противъ ложныхъ чудесъ, видѣній явленій и проч. ⁵⁾.

Наши литературные памятники свидѣтельствуютъ, что, русскій народъ почиталъ *воду, рѣки и источники, камни, деревья* и вообще видимую природу. Воины Святослава, по словамъ Льва Діакона, погружали въ волны Дуная пѣтуховъ и младенцевъ ⁶⁾.

¹⁾ Посл. въ Колосс. 2, 16; Трульск. соб. прав. 65. Голубинскій. Истор. р. ц. I, II, стр. 546, прав. 126.

²⁾ Ркп. XVI в., Соф. б. № 875, л. 129. Алмазовъ. Тайная исповѣдь, т. III, приложение, стр. 153.

³⁾ Та же ркп. Амаз. i b i d, стр. 167.

⁴⁾ Сборникъ XVIII, собран. Ундольскаго, № 668, л. 54. Алмаз. Тайн. исп. III, 289 стр.

⁵⁾ Теофанъ Прокоповичъ. Богословскія сочиненія, ч. IV, СПб. 1774, стр. 270.

⁶⁾ Срезневскій. Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ. Харьковъ. 1846 г. стр. 22.

По уставу свят. Владиміра церковному суду подлежали тѣ, „кто молится подъ свиномъ или въ рощеніи или у воды“¹⁾. Въ начальной лѣтописи о полянахъ сказано: „бяху же тогда погани, жруще езеромъ и кладеземъ и рощеніемъ“²⁾. Въ „правилахъ“ митрополита Іоанна II (1080—1089 г.) обличаются тѣ: „юже жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладеземъ“³⁾. Кириллъ Туровскій радовался, что современные ему русскіе люди стали истинными христіанами: „не нарѣкуются богомъ стихіа, ни солнце, ни огонь, ни источницы, ни древа“⁴⁾. Митрополитъ Кириллъ (конецъ XIII ст.) въ своемъ правилѣ пишетъ: „и се слышахомъ, яко въ прѣдѣлѣхъ новгородскихъ невѣсты водять къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти“⁵⁾. Въ житіи Муромскаго князя Константина Святославовича сказано, что наши предки—язычники приносили жертвы (требы кладуще) озерамъ и рѣкамъ, „очныя ради немощи (въ кладезяхъ) умывающеся и сребреницы въ ня повергающе“. Приведши эти выписки, Карамзинъ замѣчаетъ, что онъ самъ наблюдалъ такой обычай. Житіе Константина Муромскаго Карамзинъ относитъ къ XVI ст.⁶⁾. „Не нарицайте себѣ бога... ни въ рѣкахъ, ни въ студенцахъ“⁷⁾, говорится въ словѣ св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ. Въ „Словѣ Іоанна Златоуста о томъ, какъ первое погани вѣрвали въ идолы“ упоминается о потоцляемыхъ въ водахъ жертвахъ и поклоненіи кладезямъ, рѣкамъ, источникамъ, берегинямъ, камнямъ и лѣсамъ. Надъ источниками возжигались свѣчи⁸⁾. Въ компилятивномъ „Словѣ о постѣ“ упомянуты „моленья колодѣзная и рѣчьная“⁹⁾. „Или молился бѣсомъ у кладезя или моленіа идо-

1) Голубинскій. Истор. I, I, стр. 625.

2) Лейбовичъ. Свод. лѣт. стр. 7.

3) Русская Историческая Библиотека, VI, стр. 7. Макарій. Исп. русск. церк. томъ II, изд. 3, СПб. 1889 г., стр. 355, прав. 15.

4) Калайдовичъ. Памятн. XII в., стр. 19.

5) Р. И. Б., VI, стр. 100.

6) Карамзинъ. Истор. Государ. Россійск., изд. Эйнерлинга, 1842 г., прим. 29, къ I т., стр. 60.

7) Слово св. Кирилла о злыхъ дусѣхъ. Ркп. Троиц. Сергіев. Лавры № 39, л. 232. См. приложение ст. № 6, стр. 69.

8) Ркп. Софійск. б. № 1262. Прим. № 5, стр. 59.

9) См. ркп. Троиц. Серг. Лавры № 204, гл. 77, л. 257. Приложения № 16, стр. 158.

ломъ ѣль или пилъ“ 1), значитъ въ одномъ исповѣдномъ вопросѣ. Почитаніе источниковъ и поклоненіе рѣкамъ было извѣстно и въ Греціи. Въ первомъ Тайноводственномъ полученіи къ новокрещаемымъ Кирилла Іерусалимскаго упоминается объ этихъ остаткахъ язычества: „Потомъ глаголеши, и служеніе твое, служеніе діаволе есть, требищная молба, яже на честь бездушенихъ капищъ бывають, еже възжизати свѣща, или кадити при источницѣхъ, или рѣкахъ 2). Это буквальный переводъ съ греческаго 3).

Слѣды поклоненія деревьямъ можно видѣть въ семицкомъ праздникѣ. Въ челобитной Нижегородскихъ священниковъ 1636 г. читаемъ слѣдующее: „въ седьмый четвертокъ по Пасцѣ собираются жены и девицы подъ древа, подъ березы, и приносятъ, яко жертвы, пироги и каши и ячницы, и поклоняяс березамъ, оучнуть походя пѣсни сатанинскія приплетая пѣти и дланми плескати, и всяко бесятся“. Потомъ усѣвшись ѣли свои припасы, завивали вѣнки и проч. 4).

§ 20.

Почитаніе камней.

Полагаемъ, что наши предки-язычники нѣкогда почитали камни и кланялись имъ. Слѣды этого фетишизма сохранились до нашихъ дней въ видѣ разныхъ пережитковъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ и письменные памятники. Такъ, въ житіи св. Криварха борисоглѣбскаго (XVII в.) разсказывается, что въ г. Переяславлѣ въ потокѣ лежалъ большой камень; и вселился въ тотъ камень бѣсъ и творилъ свои мечты. Жители города Переяславля почитали этотъ камень; особенно большое стеченіе народа было въ день празднованія апостоловъ Петра и Павла: тогда мужи,

1) Ркп. Соф. В. № 1061, л. 194. Исповѣдн. вопросы Христ. чтеній 1877 г., I, стр. 433.

2) Ркп. Троиц. Серг. Лавры № 124, л. 194.

3) Opera omnia s. Cyril Hierosol. Archiep. Cura et studio A. Tuttee, presb. et monachi Benedictini, comprec. S. Mauri Par MDCOX. Catechasis XIX Mistag. I, pag. 309.

4) Чтенія общ. вед. и древн. рас., 1902, кн. II, отд. IV, стр. 28—29. О поклоненіи деревьямъ см. у Леже: Славянск. миеол., стр. 13, 24, 26, 54, 68, 156, 163, 164.

жены и дѣти сходились къ камню и творили ему по честь. Преподобный Иринархъ приказалъ діакону Онуфрію тотъ камень въ яму вринуть и землею зарыть, чтобы христіане не совершали поклоненія камню. Дьяконъ Онуфрій исполнилъ повелѣніе препод. Иринарха, за что дьяволъ воздвигъ гоненіе на дьякона и много пакостей ему творилъ, между прочимъ навелъ на него сильную лихорадку ¹⁾. Извѣстны два большихъ камня въ Одоевскомъ уѣздѣ, Тульской губ. Балъ и Башиха, которымъ окрестные жители воздавали въ началѣ XIX в., а, можетъ быть, воздаютъ поклоненіе и въ настоящее время ²⁾. Почитаніе камней продолжается и теперь. Извѣстенъ случай, когда это почитаніе граничило съ идолопоклонствомъ. Когда съ археологическими цѣлями раскапывали извѣстный Чертомлыцкій курганъ (въ половинѣ XIX в.), то пришлось снести и положить у подошвы стоявшую на курганѣ каменную „бабу“. Этотъ переносъ „бабы“ возбудилъ неудовольствіе окрестныхъ жителей: оказалось, что „баба“ считалась цѣлительницей отъ лихорадки. Случившуюся въ то лѣто засуху считали наказаніемъ за поруганіе „бабы“. „Баба“ была поставлена на другой курганъ. Однажды наблюдали такое зрѣлище: на зарѣ къ „бабѣ“ подошла женщина съ ребенкомъ на рукахъ, кланялась истукану и поднимала на рукахъ своего ребенка. Затѣмъ положила мѣдную монету и ушла. Женщина, какъ оказалось, приходила просить каменную „бабу“ объ избавленіи ея ребенка отъ лихорадки. У стараго подножія истукана были найдены монеты XVIII—XIX вв. ³⁾.

Почитаніе растеній.

Слѣды почитанія *растеній* видны въ Травникахъ, гдѣ имъ приписываются многія чудесныя свойства. Вѣроятно, причиной тому были лѣкарственныя свойства многихъ ра-

¹⁾ Буслаевъ. Истор. очерки рус. народной словесности, 1861 г., т. II, стр. 113—114.

²⁾ Снегиревъ. Рус. прост. празд. IV, стр. 69—74.

³⁾ Забѣлинъ. Исторія русской жизни, I, 1876 г., стр. 626—627.

стеній, извѣстныя съ давнихъ поръ ¹⁾. Есть множество разсказовъ о цѣлебныхъ свойствахъ деревьевъ; есть и юмористическія поговорки и повѣсти, свидѣтельствующія, что вѢра эта поколеблена. Извѣстна поговорка: „изъ дупла либо сытъ, либо сова, либо самъ сатана“. Укажемъ на фривольный разсказъ, до сихъ поръ живущій въ народѣ о Николѣ Дуплянскомъ, въ которомъ сохранился отголосокъ поклоненія деревьямъ или существамъ, живущимъ въ дуплинахъ. Ключевскій отмѣтилъ значительное вліяніе финновъ на религіозное міросозерцаніе русскаго народа. Финскія племена, занимавшія среднюю и сѣверовосточную часть теперешней Европейской Россіи, поклонялись силамъ и предметамъ внѣшняго міра. У поволожскихъ финновъ особенно развитъ культъ воды и лѣса. Нѣкоторыя черты этого культа отразились въ религіозномъ міросозерцаніи великороссовъ. Вообще, точекъ соприкосновенія въ вѣрованіяхъ финновъ и русскаго язычества не мало. Такъ, вѢра въ лѣшаго существуетъ, какъ среди финновъ, такъ и среди русскихъ; то же самое должно сказать о водяномъ. Акад. Ключевскій указываетъ на сходство русской былины о Садкѣ съ нѣкоторыми эпизодами изъ финской Калевалы и полагаетъ, что мифъ о водяникѣ, какъ онъ встрѣчается въ Новгородской области, заимствованъ у балтійскихъ финновъ ²⁾.

Поселеніе русскихъ среди финновъ повело къ обрусенію послѣднихъ, при чемъ финскія религіозныя вѣрованія подвергались вліянію христіанства. Такъ, мордовскіе праздники пріурочивались къ русскимъ народнымъ или церковнымъ праздникамъ: Семику, Троицыну дню, Рождеству. Въ молитвѣ языческой мордвы къ своимъ богамъ попадають отрывки христіанскихъ молитвъ въ переводѣ съ русскаго („помилуй насъ“) или даже русскія фразы, къ названіямъ своихъ боговъ присоединялись христіанскія имена Божіей Матери, святыхъ и проч. Языческое обращеніе къ водѣ принимало форму,

¹⁾ У Забѣлина приведены значительныя выписки изъ двухъ рукописныхъ Травниковъ. Истор. русск. жизни, ч. II, стр. 275—288. О томъ же у Буслаева. Историч. очерки рус. народа. словесн., стр. 36—39. Современная народная медицина. См. каталогъ выставки XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. Этнографическій отдѣлъ. Харьковъ 1902 г., стр. 90—100.

²⁾ Ключевскій. Курсъ русск. исторіи ч. I, изд. 2, 1906 г., стр. 369.

христіанской молитвы: „Вода матушка, подай всѣмъ хрещенымъ людямъ добраго здоровья“¹⁾).

Приведенные академ. Ключевскимъ факты говорятъ главнымъ образомъ о вліяніи русскихъ на финновъ-язычниковъ. Безъ сомнѣнія, и финны вліяли на религіозное міросозерцаніе русскихъ. Но при этомъ необходимо принять во вниманіе, что почитаніе воды и лѣса могло возникнуть среди русскихъ славянъ и самостоятельно: русскій человекъ всюду видѣлъ воду и лѣсъ, былъ окруженъ водной и лѣсной стихіями, былъ въ зависимости отъ нихъ: естественно, что у него могло возникнуть почитаніе воды и лѣса. Въ такихъ же условіяхъ былъ и финнъ, почитавшій воду и лѣсъ. Одинаковыя условія порождаютъ одинаковыя слѣдствія. А потому почитаніе воды и лѣса могло возникнуть и самостоятельно среди славянъ. Императоръ Константинъ Багрянородный упоминаетъ о священномъ дубѣ на островѣ св. Георгія, которому поклонялись Руссы Руссы—Константина Багрянороднаго, вѣроятно, варяги. Слѣдовательно, можно усматривать и варяжское вліяніе на религіозныя вѣрованія славянъ, если только варяги не переняли обычая кланяться деревьямъ у славянъ. Извѣстно, что и татары кланялись деревьямъ: у нихъ былъ обычай обводить вокругъ куста²⁾. Вообще поклоненіе деревьямъ было весьма распространено и трудно указать, какой народъ у кого заимствовалъ эту религіозную форму.

Съ теченіемъ времени почитаніе деревьевъ, конечно, приняло у насъ другую форму, подверглось вліянію христіанства. Такъ въ XVIII ст. существовалъ обычай служить молебны подъ деревьями, что было видоизмѣненіемъ стараго обычая кланяться самимъ деревьямъ. Не даромъ Теофанъ Прокоповичъ въ духовномъ Регламентѣ запрещаетъ „предъ дубомъ молебны пѣть“³⁾.

Можетъ быть остаткомъ почитанія деревьевъ служить празднованіе „Сѣмена“, — праздникъ свѣчи, или женитьбы свѣчи. Празднованіе Сѣмена состояло въ томъ, что въ Кіевѣ

¹⁾ Ключевскій. *ibid.*, стр. 374—375.

²⁾ Ипатьевская лѣтоп. стр. 535, рассказъ о путешествіи Даниила къ Батыю въ 1250 г.

³⁾ Сумцовъ. Культурныя переживанія, стр. 381.

въ ночь съ 1 на 2 сентября на базарахъ ставились елки и увѣщивались фруктами, плодами, арбузами и проч. Также ставились напитки и кушанья. Празднество совершалось всю ночь. Верстахъ въ 10 отъ г. Лубенъ, у священной криницы, по окончаніи ярмарки посѣтители ночью разсыпались по склонамъ горъ и зажигали свѣчи. Въ этотъ вечеръ у криниць продавалось свѣчей рублей на 300, кромѣ тѣхъ, которыя были принесены изъ дому. Чествованіе дерева съ зажиганіемъ на немъ свѣчей довольно обычно на украинскихъ свадьбахъ. Аналогичные обряды существуютъ въ Германіи, Италіи, у Бурятъ, Остяковъ и проч. Въ 1783 г. священ. Яковлевъ донесъ Псковской духовной Консистеріи, что въ Зачеренскомъ погостѣ, въ церковной оградѣ, близъ храма лежитъ большая упавшая сосна, которой народъ воздастъ почитаніе. Многіе сходились къ ней на Ильинскую пятницу, приносили восковыя свѣчи, сыръ, мясо. Сосна была уничтожена войсковою командой. Наконецъ, въ Осетіи до 1876 г. въ семьѣ Атаевыхъ хранился и почитался сосновый обрубокъ пуда въ 2 вѣсомъ, будто бы способствовавшій богатству семьѣ. По совѣту благочиннаго этотъ обрубокъ былъ сожженъ¹⁾. Остатки почитанія деревьевъ и до сихъ поръ можно наблюдать въ Смоленской губ.; на Троицынъ день дѣвушки выбираютъ въ лѣсу три растущихъ вблизи одно отъ другого молодья деревца—березку, рябину и елочку, повязываютъ ихъ поясомъ, убираютъ цвѣтами и, взявшись за руки и двигаясь вокругъ этихъ деревьевъ, распѣваютъ пѣсни. Въ помѣстьи Хрѣнское, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ., до сихъ поръ сохранился обычай, живо напоминающій языческую старину. Молодые послѣ вѣнчанья, непосредственно выйдя изъ церкви, ѣдутъ къ дубу, стоящему недалеко отъ села, и три раза объѣзжаютъ вокругъ него. Этотъ дубъ очень древній. Онъ уже усохъ, но не потерялъ уваженія. Въ селѣ Тишаковѣ, Бобровскаго уѣзда, Воронежской губ., молодые объѣзжаютъ вокругъ ракитова куста, который отъ села на разстояніи версты въ полторы. Въ селѣ Александровкѣ, Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губ., послѣ вѣнчанья женихъ вмѣстѣ съ дружкой объѣзжаютъ

¹⁾ Сумцовъ. Культурныя переживанія, стр. 369—381.

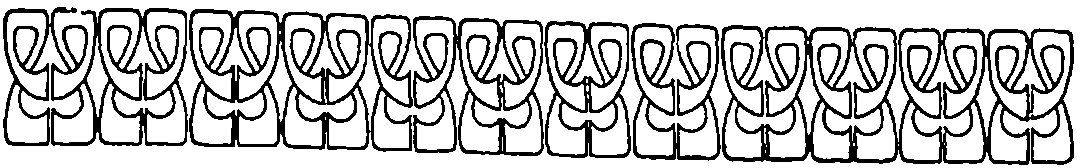
три раза вокругъ церкви, потомъ женихъ дѣлаетъ земной поклонъ на паперти и кладетъ какую нибудь монету. Этотъ обычай, очевидно, пережитокъ: вмѣсто дерева обходятъ вокругъ церкви. И въ другихъ мѣстахъ нашего обширнаго отечества современные простые русскіе люди почитаютъ деревья, преимущественно стоящія надъ источникомъ. Къ криницѣ приходятъ молиться отъ какого-либо недуга, чаще всего отъ глазной болѣзни; пришедшій читаетъ христіанскія молитвы, пьетъ воду, умывается ею. Приносится и жертва: на вѣтви дерева вѣшаютъ разноцвѣтныя ленточки, лоскутки, ниточки; туда, гдѣ вѣтка отдѣляется отъ ствола, кладутъ куски хлѣба, а въ воду бросаютъ мѣдныя монеты, предпочтительно старыя. Тутъ почитаніе дерева и воды совмѣстно. Мы лично наблюдали въ Смоленской губ. остатки почитанія камней и деревьевъ. Въ селѣ Лучесахъ Ельнинскаго уѣзда Смоленской губ. есть источникъ за мельницей, называемый „чернымъ ручьемъ“, вѣроятно потому, что дно его отъ черноземной почвы темное. Вода этого ручья считается цѣлебной отъ глазныхъ болѣзней. Въ одномъ глухомъ мѣстѣ, гдѣ красивое дерево склонялось надъ водою, можно было видѣть на днѣ ручья мѣдныя монеты, а на деревѣ разноцвѣтныя ленточки,—это жертвы источнику. Въ селѣ Уколовѣ Смоленскаго уѣзда, недалеко отъ села, въ болотистомъ оврагѣ изъ-подъ березы бьетъ ключъ съ очень холодной водой; лѣтомъ эта береза всегда бываетъ увѣшана ленточками и полосками разноцвѣтной матеріи; часто вокругъ источника, на землѣ или чаще на сучьяхъ деревьевъ, можно видѣть кѣмъ-то принесенные куски хлѣба. Въ илистомъ днѣ источника, покопавшись, можно найти и монету, обыкновенно старую мѣдную, выпедшую изъ употребленія. Ходятъ на поклоненіе этому источнику обыкновенно женщины; въ чемъ состоитъ поклоненіе, сказать не можемъ, такъ какъ на поклоненіе ходятъ въ строжайшей тайнѣ. Не забыто и поклоненіе камнямъ. Вблизи вышеупомянутаго села Лучеса въ ямѣ на берегу рѣчки лежалъ камень, пользовавшійся уваженіемъ крестьянъ. Шла молва, что подъ камнемъ скрытъ кладъ, но онъ заклятъ и взять его нельзя. Недалеко отъ этого камня стояла старая дуплистая ракета, странной раскидистой формы. Ракета пользовалась какимъ то почетомъ:

несмотря на ея очевидную бесполезность, ее не рубили на дрова. Говорили, что подъ ракитой, не то въ ея дуплѣ, скрытъ кладъ. Кто-то когда-то вздумалъ было овладѣть этимъ кладомъ подъ Ивана Купалу; онъ было уже нащупалъ щуномъ (желѣзный пруть) котелокъ; какъ вдругъ вблизи появилось безчисленное множество войскъ, проходившихъ рядами. Искатель клада убоился и убѣжалъ.

Н. М. Гальковский.

(Продолженіе будетъ).

„Современное механическое міровоззрѣніе и доказательства существованія Божія“. Свящ. Мих. Люперсольскій.

Часть I-II. 263 страницы. Г. Полинскъ.

Задачей настоящаго труда священника Люперсольскаго, какъ ее опредѣляетъ авторъ на страницахъ 7-8, является слѣдующее: дать наиболѣе рациональную, а слѣдовательно и наиболѣе убѣдительную постановку доказательствамъ существованія Божія, установивъ, внѣ всякаго сомнѣнія, ихъ цѣнность и твердость въ полемикѣ съ отрицательными выводами антитеистическихъ теорій. Вниманіе свое авторъ останавливаетъ на одной изъ нихъ, какъ наиболѣе распространенной за послѣднее время, именно матеріализмъ,—частіе говоря, на воззрѣніяхъ механистовъ послѣднихъ столѣтій (XIX-го). Имѣя въ виду осуществленіе данной задачи, трудъ свой авторъ расчленяетъ, послѣ краткаго введенія, на семь главъ, а именно: гл. I—механическое міровоззрѣніе и доказательства бытія Божія; гл. II—космологическое доказательство бытія Божія; гл. III—физико-телеологическое доказательство бытія Божія; гл. IV—теорія механической эволюціи; гл. V—моральное доказательство; гл. VI—онтологическое доказательство и гл. VII—Богъ. (Первыя двѣ главы составляютъ первую часть книги; остальные, исчисляемая самостоятельно,—вторую).

Разсматриваемый въ основныхъ его положеніяхъ трудъ священника Люперсольскаго сводится къ слѣдующему. Указавъ въ введеніи на обостренно-враждебную позицію, занятую въ послѣднее время представителями антитеистическихъ воззрѣній по отношенію къ истинѣ бытія Божія, и на связанную съ этимъ необходимость въ полемикѣ съ таковыми установить цѣнность и твердость доказательствъ послѣдняго,—авторъ затѣмъ, въ главѣ первой, даетъ краткій очеркъ исторіи матеріалистическихъ воззрѣній, подготовившихъ возник-

новеніе современныхъ механическихъ теорій, критика которыхъ составляетъ основное содержаніе книги, резюмируя, на страницѣ 46, выводы современнаго механическаго міровоззрѣнія и опредѣляя, соотвѣтственно этому, главные тезисы работы, подлежащіе раскрытію въ дальнѣйшемъ.

Глава II заключаетъ въ себѣ изложеніе и критическій разборъ матеріалистически-механическихъ теорій о вѣчности матеріи и движенія, закона единства силъ и сохранения энергіи, и заканчивается отдѣломъ—„Богъ, какъ Первопричина міра“. Послѣдующія главы частныхъ подзаголовковъ не имѣютъ.

Переходя къ оцѣнкѣ настоящей книги священника Люперсольскаго, приходится прежде всего пожалѣть, что авторъ не счелъ нужнымъ указать, для какого круга читателей предназначаетъ онъ свой трудъ, что до извѣстной степени облегчило-бы и самое сужденіе о ней. Не будетъ, впрочемъ, крайней ошибкой сказать, что едва-ли эта книга можетъ представлять собою сколько-нибудь цѣнный вкладъ въ сокровищницу богословской науки, въ строгомъ смыслѣ послѣдняго слова. Не можетъ она быть такимъ вкладомъ уже по одному тому, что не даетъ рѣшительно ничего новаго въ научномъ отношеніи. Не только людемъ науки, но и простымъ смертнымъ, сколько-нибудь серьезно интересовавшимся извѣстными вопросами, должны быть съ достаточной полнотою и обстоятельностью знакомы теоріи Ламарка, Дарвина и Гексли, астрономическія гипотезы Канта-Лапласовская, Мейера и Фая (новѣйшихъ гипотезъ этого рода авторъ не упоминаетъ,—быть можетъ, по невѣдѣнію таковыхъ), міровоззрѣніе Спенсера, Бюхнера и Геккеля,—и потому изложеніе таковыхъ, при томъ довольно тяжелое, сопровождаемое критикой, не всегда удачной и во всякомъ случаѣ не дающей ничего новаго и оригинальнаго, врядъ-ли составило-бы для нихъ откровеніе. Позволимъ себѣ предположить иное: быть можетъ, желаніе автора ознакомить, путемъ выпуска въ свѣтъ своего труда, учащуюся молодежь средней школы съ современнымъ механическимъ міровоззрѣніемъ и надлежащимъ критическимъ освѣщеніемъ послѣдняго предохранить молодые умы, мятущіеся и зачастую склонные къ переоцѣнкѣ усвояемаго ими матеріала, отъ подобныхъ заблужденій? Задача, безспорно, въ высшей степени свѣтлая и благородная. Правда, самъ авторъ не вы-

сказывается нигдѣ въ этомъ смыслѣ; однако, онъ—законоучитель средней школы, и, можно думать, при своихъ занятіяхъ въ послѣдней не разъ имѣлъ случай частично излагать тезисы, объединенные затѣмъ въ его трудѣ въ одно цѣлое.

Приступая къ болѣе детальному разбору книги священника Люперсольскаго съ изложенной точки зрѣнія, т. е. видя въ ней только основательное и серьезное пособіе къ разбору учащейся молодежи средней школы коренной проблемы бытія міра и жизни, правильное разрѣшеніе которой озаряетъ интеллектуальное и моральное существованіе человѣка немеркнущимъ свѣтомъ, мы не станемъ вовсе касаться методологической стороны настоящаго труда, въ чемъ, при поставленныхъ рамкахъ, не представляется, пожалуй особой необходимости. Ограничимся простымъ постраничнымъ указаніемъ тѣхъ дефектовъ книги, наличность которыхъ можетъ, по нашему мнѣнію, до извѣстной степени ввести въ заблужденіе читающее ее юношество, а вмѣстѣ съ тѣмъ—отмѣтимъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ развитіи тѣхъ или иныхъ положеній, которыя, думается, могли-бы способствовать болѣе успѣшному выполненію авторомъ принятой имъ на себя задачи, и наконецъ—подчеркнемъ нѣкоторые чисто внѣшніе недочеты его труда.

Прежде всего возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе самое наименованіе книги: доказательства „существованія“ Божія. Какъ законоучителю даже, автору должно-бы быть хорошо-извѣстно, что, коль скоро рѣчь идетъ о Богѣ, то терминъ „существованіе“ неудобенъ. Не потому-ли въ оглавленіи авторъ безсознательно и замѣняетъ его словомъ „бытіе“ (доказательства „бытія“ Божія), хотя зачастую не считается съ этимъ въ самой книгѣ?...

На страницахъ 4—5, касаясь попутно воззрѣній Ричля, авторъ слишкомъ строго, пожалуй, относится къ безспорному праву человѣческаго сердца внутренне, интуитивно постигать Бога, сливаться съ Нимъ въ духовномъ единеніи, недоступномъ разуму. Отрицать этотъ фактъ—значило-бы вычеркнуть всю древнюю и средневѣковую мистику и, мало-того, закрыть глаза на слишкомъ извѣстный фактъ: нерѣдко человѣкъ разсудочно и вѣруетъ въ Бога, но сердце его безмолвствуетъ, угасаетъ внутреннее пламя вѣры, а вмѣстѣ съ нимъ—исчезаетъ, въ сущности, и постиженіе Бога. „Основы

теизма“, пишетъ авторъ (стр. 5), „лежать не въ какихъ-то шаткихъ и неопредѣленныхъ безпредметныхъ чувствованіяхъ, а въ неискоренимыхъ постулятахъ разума и въ данныхъ несомнѣннаго опыта“. Такъ-ли ужъ эти чувствованія „безпредметны“?..

Говоря о безспорномъ вліяніи религіозной вѣры на нравственную жизнь (стр. 7), авторъ, къ сожалѣнію, не развилъ этой мысли болѣе подробно, хотя здѣсь можно было-бы сказать достаточно проникновенныхъ словъ (крайне не лиш-нихъ, если разсматриваемая книга предназначена для юныхъ умовъ и сердецъ).

Сужденіе о несостоятельности атеизма (стр. 8—10) авторъ заканчиваетъ словами: „Чтобы доказать, что нѣтъ Бога, человѣкъ долженъ самъ стать Богомъ“. Положеніе, въ связи съ предшествующимъ, само по себѣ правильное. Но если при этомъ подчеркнуть, что, не будучи Богомъ, человѣкъ знаетъ, что Онъ есть, то не покажется-ли тогда странно звучащимъ утвержденіе фонъ-Гольбаха: „Мы не можемъ знать Бога, потому что мы не Богъ“? Между тѣмъ, помѣстивъ эти слова чуть что не рядомъ съ своими, авторъ не потру-дился указать на ихъ неосновательность, даже напротивъ—призналъ ихъ основаніемъ, хотя и слабымъ, атеизма.

Обращаясь къ разбору первой главы книги свящ. Люперсольскаго, нужно прежде всего замѣтить, что авторъ нашелъ возможнымъ излагать конспективно исторію древнѣйшихъ матеріалистически-механическихъ теорій, не располагая, повидимому, достаточной подготовкой по исторіи философіи, которая позволяла-бы ему передавать кратко и сжато самое существенное, не допуская въ то же время довольно грубыхъ ошибокъ. Слишкомъ ужъ дѣтски-наивно, словно изъ элементарнаго учебника заимствованныя, звучатъ такія, на примѣръ, фразы: а) „Философія началась въ Греціи“ (стр. 8), хотя нужно было прибавить очень небольшое, чтобы фраза эта была по существу правильной; б) „Первые пред-ставители ея (философіи) стремились разрѣшить всѣ фено-мены міра на простые матеріальные принципы, какъ на-примѣръ—на воду, воздухъ, огонь“ (стр. 8). „Что касается „огня“, то тутъ авторъ, надо думать, имѣлъ въ виду Гера-клита. Но послѣдній не даромъ былъ „темнымъ“: что онъ подразумѣвалъ подъ „огнемъ“, и до сихъ поръ остается не-достаточно выясненнымъ; во всякомъ случаѣ не „простой

материальный принцип“, какъ то утверждаетъ авторъ, мысли котораго, вѣроятно, предносился огонь въ обычномъ эмпирическомъ пониманіи. Когда Гераклитъ говорилъ о безостановочной измѣняемости всѣхъ вещей и объ огнѣ, какъ первоначалѣ ихъ, то послѣднее не было для него веществомъ, пребывающимъ одинаковымъ и лишь само по себѣ находящимся въ движеніи; огонь Гераклита—скорѣе самое это движеніе. Непосильнымъ, надо думать, оказалось для автора и дальнѣйшее изложеніе (которое могло быть краткимъ, но обязательно точнымъ и правильнымъ) возрѣній Демокрита, Эпикура, Лукреція, а въ новой философіи—Бэкона, Декарта, Гассенди, Гоббеса (материализмъ котораго былъ символистическимъ, а не реалистическимъ), Ла-Метри и фонъ-Гольбаха, теорію котораго авторъ подвергъ довольно своеобразной критикѣ: почти не касаясь ея по существу, говорилъ о разрушающемъ вліяніи материализма на народную жизнь Франціи. Не лучше-ли было-бы, не имѣя силъ изложить возрѣнія означенныхъ лицъ какъ слѣдуетъ, просто перечислить одни имена, ограничившись указаніемъ, что такіе-то мыслители своими теоріями подготовили современный материализмъ? Далѣе, на стр. 21, въ замѣткѣ о раздѣленіи послѣдователей Гегеля на различныя теченія получилось нѣчто вовсе неудачное и для лицъ, детально съ исторіей философіи незнакомыхъ, непонятное.

Нельзя не обратить вниманія на слѣдующую фразу автора (стр. 22): „Въ результатѣ явилось то монистическое механическое міровозрѣніе, которое, найдя себѣ особенно горячихъ защитниковъ въ лицѣ Спенсера и Геккеля, стало символомъ вѣры для многихъ въ наше время“. Какое бы практическое назначеніе ни предполагалъ дать авторъ своей книгѣ, но, выпуская ее въ 1914 году, онъ во имя истины и отчасти въ утѣшеніе себѣ самому долженъ былъ-бы считаться съ двумя явленіями, совершенно различнаго, впрочемъ, характера, а именно: 1) съ фактомъ несомнѣннаго, наблюдаемаго и у насъ, подъема (особенно среди интеллигенціи) религіозныхъ запросовъ, искавія Бога,—пусть даже далеко не во всемъ правильнаго; и 2) съ тѣмъ обстоятельствомъ, что времена, когда кумирами были Спенсеръ, Бюхнеръ и Геккель, особенно послѣдніе два, уже миновали. Антирелигіозная мысль теперь выдвигаетъ другое оружіе—филологическую критику священныхъ книгъ. Если-бы авторъ принялъ

это во вниманіе, то не было-бы, пожалуй, особенной необходимости останавливаться съ такой подробностью, какъ это онъ дѣлаетъ, на ученіи Геккеля и Бюхнера, а особенно— послѣдняго, который съ его „Силой и матеріей“ давно уже безнадежно и беспощадно раскритикованъ и сданъ въ архивъ. Правда, авторъ съ гораздо большимъ вниманіемъ—и совершенно справедливо—останавливается на изложеніи и критическомъ разборѣ доктрины Спенсера, безспорно не могущей идти въ сравненіе, по ея содержательности и серьезности, съ измышленіями Бюхнера. Между прочимъ,—хорошо и планомѣрно изложено авторомъ ученіе Спенсера на страницахъ 26—30. Но грустно читать дальнѣйшее, хотя тоже достаточно ясное, изложеніе астрономической гипотезы Фая. Грустно потому, что получается такое впечатлѣніе, словно ученый астрономъ, ознакомленіе съ теоріей котораго было-бы только полезно для каждаго, тоже повиненъ въ содѣйствіи упроченію механическаго міровоззрѣнія. Что же сказалъ-бы о Люперольскій, узнавъ, что гипотеза Фая очень не далека отъ космогоническихъ воззрѣній св. Григорія Нисскаго?...

Изложивъ далѣе, на страницахъ до 41-й включительно, воззрѣнія Дарвина, авторъ снова, съ совершенно уже не нужной подробностью, останавливается на томъ же Бюхнерѣ. Развѣ для простаго накопленія матеріала?...

Почти въ самомъ началѣ изложенія космологическаго доказательства бытія Божія, рассуждая о мнимой вѣчности матеріи, авторъ съ удивительнымъ легкомысліемъ бросаетъ слѣдующія слова: „Неразрушимость матеріи или вѣчность ея“ (стр. 51). Между тѣмъ—неразрушимость и вѣчность далеко, вѣдь, не одно и то же. Стоило автору ознакомиться съ ученіемъ по этому вопросу, изложеннымъ хотя-бы въ брошюрѣ проф. А. Введенскаго „Время и вѣчность“, или въ книгѣ Гюйо „Идея времени“, воспользоваться ихъ мыслями здѣсь,—и тогда не было-бы полной бездоказательности мыслей автора, изложенныхъ на стр. 54, гдѣ онъ тщетно старается опровергнуть Спенсера, но не успѣваетъ въ этомъ по вполне понятной причинѣ: Спенсеръ говоритъ совершенно о другомъ. Не къ чести автора, между прочимъ,—попытка (см. послѣднія строки стр. 53) навязать тому же Спенсеру мысль, ему не принадлежащую, а затѣмъ обвинить его въ допущеніи *circulus in demonstrando*. Зато отраднѣе далѣе читать ясное и толковое изложеніе философическаго аргумента Спенсера (стр. 54—58)

Далѣе авторъ, разбирая вопросъ о вѣчности движенія, касается ученія о. т. наз. „энтропіи“ вселенной (стр. 63). Надо думать, ему не былъ знакомъ законъ „энтропіи“, установленный въ послѣднее время. Между тѣмъ введеніе вопроса объ этомъ законѣ въ ходъ разсужденій было-бы очень не лишнимъ.

Безнадежная путаница допущена авторомъ на стр. 92, гдѣ нельзя понять, что является субъективнымъ: самое пространство или его измѣреніе. Повидимому, послѣднее; но тогда получается странная несогласованность съ словами страницы 97, строки 11.

Страницы 100—104 поражаютъ своей растянутостью въ изложеніи и его тяжеловѣстностью. Далѣе, на стр. 118 разсужденія автора поставлены на чрезвычайно скользкій путь, идя по которому, легко договориться до признанія детерминизма.

Въ изложеніи авторомъ физико-телеологическаго доказательства бытія Божія, помимо многихъ мелкихъ недостатковъ, приходится отмѣтить два существенныхъ: 1) авторъ почему то нашелъ удобнымъ и нужнымъ отвести главное мѣсто разсужденію о цѣлесообразной приспособленности къ жизни организмовъ, выпуская изъ виду, что это—пунктъ, слишкомъ слабо защищенный отъ разнаго рода возраженій, почему было-бы удобнѣе (и это оказалось-бы болѣе вѣскимъ и убѣдительнымъ) говорить объ общей телеологіи вселенной; 2) поражаетъ здѣсь крайняя растянутость матеріала, заполненіе многихъ страницъ массой примѣровъ, трактующихъ, въ сущности, объ одномъ и томъ же. Въ результатѣ авторъ ставитъ (стр. 199) вопросъ: „Итакъ, къ какому выводу мы пришли?“ Вопросъ, дѣйствительно, необходимый, и не отвѣтъ на него самъ авторъ, читатель не нашелся-бы, что сказать, такъ какъ подъ конецъ „за деревьями не стало видно лѣса“.

Въ изложеніи моральнаго доказательства бытія Божія, говоря о страданіяхъ, какъ стимулѣ активности, помогающемъ развитію способностей животныхъ между прочимъ (стр. 219), авторъ снова попадаетъ на скользкій путь, забывая, что животныя, созданныя Всемогущимъ „добро зѣло“, никому первоначально страданій не причиняли.

Въ области онтологическаго доказательства бытія Божія авторъ, повидимому, не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, почему и не остановился на немъ подробнѣе, о чемъ приходится только пожалѣть.

Наконецъ, послѣдняя глава книги представляетъ собою хорошій комментарий къ катехизическому опредѣленію свойствъ Божіихъ.

Таковы замѣчанія, которыя можно сдѣлать по содержанию книги о. Люперсольскаго. Что касается внѣшней стороны ея, то можно-бы посовѣтовать автору: 1) избѣгать такихъ громаднхъ выдержекъ, какія онъ допускаетъ. Если книга предназначена для юношей, еще не привыкшихъ вполне къ абстрактному мышленію, то для нихъ полезнѣе было-бы, на примѣръ, — дать перифразъ положеній Спенсера, чѣмъ цитовать ихъ буквально цѣлыми страницами, въ перемежку съ мыслями Геккеля, Бюхнера и др., не считаясь съ различіями въ слогѣ; 2) не лишнимъ было-бы, приводя десятки именъ ортодоксальныхъ ученыхъ, — защитниковъ теизма, прямыхъ или косвенныхъ, указывать и ихъ сочиненія; 3) авторъ не считается съ тѣмъ, что при чтеніи книги перечень опечатокъ, помѣщенный въ концѣ, — хотя онъ составленъ и съ должнымъ тщаніемъ, — мало помогаетъ; между тѣмъ опечатки весьма существенны и иногда грубо искажаютъ смыслъ. Почему бы было не позаботиться своевременно объ исправленіи самаго текста?

Однако, при всѣхъ своихъ недочетахъ, — довольно извинительныхъ, само собою разумѣется, въ трудѣ, авторъ котораго пытается охватить слишкомъ многое, книга о. Люперсольскаго была-бы все-же, думается, чрезвычайно полезна для учащихъ средней школы и вообще для юношества, только начинающаго еще знакомиться, въ силу внутренняго влеченія, съ вопросомъ о причинѣ бытія, жадно накидывающагося на каждую книгу съ этой цѣлью, но не умѣющаго ориентироваться, отличить правду отъ заблужденія. При всей, мѣстами утомительной, сухости изложенія книги въ авторѣ ея чувствуется человекъ глубокой вѣры и религиознаго убѣжденія, что особенно сказывается въ послѣдней главѣ книги, — и это только умножаетъ ея цѣнность и полезность.

И. Подлуцкій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

31 Марта

№ 6

1915 года.

Содержаніе. Отъ Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ.— Отъ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.—Отношеніе на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго Антонія.—Репортъ Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, Предсѣдателя Волчанскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Протоколъ журнальнаго постановленія Совѣта Братства Преподобнаго Арсенія при Купянскомъ духовномъ училищѣ отъ 18-го февраля 1915 года.—Отъ правленія Сумскаго духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ пожертвованій на лазаретъ Харьковскаго епархіальнаго духовенства.

I.

Отъ Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ.

Государственная Коммисія Погашенія Долговъ симъ объявляетъ, что по случаю истеченія 1 Марта 1915 г. купоновъ у облигацій 5⁰/₀ вв. з. 1905 г. 1 и 2-го выпусковъ, выдача новыхъ купонныхъ листовъ къ облигаціямъ этого займа на 10 лѣтъ, съ талономъ и 20 купонами каждый, будетъ производиться въ Петроградѣ, въ Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ съ 1 Марта 1915 г. по 1 Сентября 1916 г. въ обмѣнъ на талоны отъ облигацій, а послѣ сего срока по предъявленіи подлинныхъ облигацій.

Приемъ заявленій на обмѣнъ талоновъ будетъ открытъ также во всѣхъ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, а равно въ Казначействахъ для отсылки талоновъ въ Петроградъ, причемъ высылка талоновъ изъ учрежденій Банка и Казначействъ въ Петроградъ и обратная высылка новыхъ купонныхъ листовъ въ мѣста приѣма будетъ производиться бесплатно, а расходы по пересылкѣ сихъ листовъ изъ учрежденій Банка и Казначействъ владѣльцамъ по ихъ мѣстожительству будутъ произведены за счетъ владѣльцевъ.

Талоны отъ облигацій займа, находящихся въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка во вкладахъ на храненіе въ залогахъ по ссудамъ и въ обезпеченіи кредитовъ по спеціальному текущему счету, а равнымъ образомъ отъ облигацій, находящихся во вкладахъ на храненіе въ Казначействахъ и въ Сберегательныхъ Кассахъ, будутъ обмѣнены безъ особыхъ заявленій вкладчиковъ и заемщиковъ и безъ всякихъ расходовъ для ихъ владѣльцевъ.

Отъ состоящаго подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ Общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.

ВОЗЗВАНІЕ.

Всѣ мы братья по Христу. У всѣхъ насъ одна общая родина—мать-святая Русь. Если горе каждаго брата должно быть близкимъ нашему сердцу, если вздохъ и слезы каждой скорбящей души должны доходить до насъ, то какое сочувствіе, какой живой откликъ состраданія должны вызывать въ насъ нужды и скорби нашихъ родныхъ героевъ, которые проливаютъ кровь свою за вѣру, Царя и Отечество, за наши святыни заветныя и за каждаго изъ насъ въ отдельности. Подъ охраной доблестной рати, мы здѣсь спокойно творимъ свое дѣло. А тамъ наши братья, оторванные отъ своихъ женъ и дѣтей, бьются со врагомъ и часто своими тѣлами, какъ колосья, подрѣзанные серпомъ, устилаютъ ниву смерти—поля сраженія. За насъ они проливаютъ свою кровь, за насъ принимаютъ увѣчья и за насъ же умираютъ съ горячей молитвой въ потухающемъ взорѣ.

Въ осиротѣвшія семьи русскія полетѣли вѣсти печальныя, скорбныя. И раздался надъ русской равниной скорбный стонъ матерей и отцовъ, женъ-вдовицъ и малютокъ-сиротокъ, лишившихся своихъ полицевъ-кормильцевъ.

Нерадостная встрѣча ждетъ дома и тѣхъ, кого смерть пощадила, но на кого война наложила неизгладимую печать увѣчья. Кто безъ ноги, кто безъ глаза, кто съ оторванными руками, кто съ грудью прострѣленной—возвратятся они,—наши родные сѣрые герои,—къ своимъ семьямъ. Неспособные къ труду они лягутъ тяжелымъ бременемъ на свои семьи. И что ихъ ждетъ впереди, если своевременно мы не придемъ къ нимъ на помощь. Ихъ нищета будетъ для насъ позоромъ.

Неужели не отзовемся мы на скорбный вопль, на хриплый стонъ, который невольно рвется изъ разбитой прострѣленной груди несчастнаго русскаго воина. Вѣдь—онъ плоть отъ плоти нашей, кость отъ костей нашихъ. Его слава—наша слава, его безпомощность—наше несчастье.

Подайте же протянутую къ вамъ руку Господа, кто и что можетъ. Это будетъ не только жертва милосердія, но и жертва долга. Ваша лепта, какъ бы она мала ни была, не пропадетъ, не затеряется, такъ какъ дѣло помощи увѣчнымъ воинамъ и осиротѣвшимъ семьямъ.

ямъ ихъ поставлено хорошо, организовано на самыхъ разумныхъ началахъ.

Пожертвованія просятъ направлять въ Петроградъ, Измайловскій полкъ 5-ая рота, д. № 12, въ Центральное Правленіе Общества всеобщей помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ.

Всѣмъ приславшимъ пожертвованія будетъ немедленно выслана квитанція и, кромѣ того, имена и фамиліи жертвователей будутъ помѣщены въ особомъ печатномъ отчетѣ.

5 Мая 1913 г. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Всемилостивѣйше соизволилъ на учрежденіе для членовъ Общества особаго нагруднаго знака.

Знакъ установленъ двухъ степеней: 1-ой степени золотой, 2-ой степени серебряный.

Выписка изъ правилъ о знакахъ:

Высочайше утвержденный знакъ Общества имѣетъ на оборотной сторонѣ имя и фамилію лица, коему выданъ.

Право ношенія знака 1-ой степени предоставляется за особыя исключительныя заслуги передъ Обществомъ, съ взысканіемъ лишь заготовительной стоимости знака.

Лицамъ, внесшимъ денежное пожертвованіе въ кассу Общества, предоставляется право ношенія знака 2-ой степени, причемъ сумма взноса должна быть не менѣе 100 руб.

Примѣчанія: а) Матеріальная стоимость знака не входитъ въ сумму взноса; б) знаки высылаются Центральнымъ Правленіемъ не иначе, какъ по полученіи взноса.

Если жертвователь желаетъ имѣть серебряный знакъ, то присылаетъ за его изготовленіе 15 руб., а также 1 руб. за дипломъ и 1 руб. за пересылку.

Если же жертвователь за присланное пожертвованіе не менѣе 100 руб. желаетъ имѣть знакъ болѣе дешевый, т. е., мѣдный посеребренный, то высылаетъ 1 руб. за знакъ, 1 руб. за дипломъ и 1 руб. за пересылку.

Всѣ заказы и одновременно съ ними деньги отъ Правленій мѣстныхъ отдѣловъ и отъ частныхъ лицъ, имѣющихъ право на полученіе знака, должны быть присылаемы въ Центральное Правленіе.

Отношеніе на имя Его Высокопреосвященства,
Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Ха-
рьковскаго Антонія,

*отъ Предсѣдателя Комитета Ея
Императорскаго Высочества Великой Княж-
ны Татіаны Николаевны для оказанія вре-
менной помощи пострадавшимъ отъ военныхъ
бѣдствій.*

Ваше Высокопреосвященство, Милостивый Архипастырь и Отець. Съ соизволенія Августѣйшей Почетной Предсѣдательницы Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Татіаны Николаевны, Комитетъ Ея Высочества устраиваетъ сборъ пожертвованій среди учащейся молодежи учебныхъ заведеній и школъ всѣхъ вѣдомствъ въ пользу пострадавшихъ отъ военныхъ бѣдствій. Съ этою цѣлью Комитетъ, съ благословенія Святѣйшаго Синода, на основаніи опредѣленія его отъ 28/29 января с. г. за № 725 и по соглашенію съ г. Оберъ—Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, разсылаетъ, съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, воззванія во всѣ духовно—учебныя заведенія, церковно—учительскія школы, а равно и во всѣ Отдѣленія Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ для раздачи таковыхъ завѣдывающимъ второю классными и церковно—приходскими школами.

Увѣдомляя объ изложенномъ, Комитетъ Ея Высочества обращается въ Вашему Высокопреосвященству съ убѣдительною просьбою разрѣшить произвести означенный сборъ и оказать Ваше архипастырское содѣйствіе успѣху сего дѣла во имя любви къ ближнему и во вниманіе къ той жгучей нуждѣ, которую испытываютъ тысячи беззащитныхъ стариковъ, женъ и дѣтей, бѣжавшихъ отъ разгромившаго ихъ жилища звѣрскаго врага и оставшихся, влѣдствіе сего, безъ всякихъ средствъ къ существованію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Комитетъ Ея Высочества покорнѣйше проситъ Васъ, Владыко, въ цѣляхъ споспѣшествованія предположеннымъ начинаніямъ Комитета, привлечь къ участию въ производствѣ настоящаго сбора также чиновъ церковно—школьной инспекціи ввѣренной Вашему Высокопреосвященству епархіи, въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ районовъ.

Въ заключеніе Комитетъ выражаетъ искреннюю надежду, что; при сочувствіи Вашемъ и ближайшихъ сотрудниковъ Вашихъ къ оз-

наченному сбору, учащаяся молодежь несомнѣнно тепло отзовется на обращенное къ ней воззваніе.

Прося не лишить меня Вашего Архипастырскаго благословенія и святыхъ молитвъ Вашихъ, имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга *А. Нейгардтъ.*

Согласно журнальному опредѣленію Харьковского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, сообщается сіе къ свѣдѣнію о. о. завѣдующихъ церковными школами Харьковской епархіи, съ предложеніемъ имъ оказать возможное содѣйствіе успѣшному производству сбора на вышеозначенный предметъ.

Рапортъ Высокопреосвященнѣйшему Антонію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, Предсѣдателя Волчанскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Долгомъ считаю донести Вашему Высокопреосвященству о слѣдующемъ. 9 марта, въ 6 ч. вечера, въ г. Волчанскѣ состоялось очередное собраніе Отдѣленія Совѣта. Во время засѣданія получена была экстренная телеграмма о паденіи крѣпости Перемышля. Побѣдная вѣсть была принята съ чувствомъ глубокой, сердечной радости и умиленія.

Отдѣленіе постановило: 1) тотчасъ же, въ затѣ засѣданія, совершить благодарственное молебствіе Господу Богу; 2) телеграммой просить Его Высокопреосвященство повергнуть къ стопамъ Помазанника Божія Государя Императора одушевляющія членовъ Отдѣленія чувства любви и преданности Престолу и Отечеству и 3) поздравить телеграммой Верховнаго Главнокомандующаго.

Постановленіе Отдѣленія было исполнено.

12 марта я получилъ изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, телеграмму такого содержанія:

«Вѣлый—Колодезь, священнику Сергію Прокофьеву.

Очень тронуть, сердечно благодарю Волчанское Отдѣленіе Харьковского Епархіальнаго Совѣта за молитвы и поздравленія по случаю паденія Перемышля.»

„Генераль Адыютантъ „НИКОЛАЙ“

Предсѣдатель Отдѣленія Совѣта, Священникъ Сергій Прокофьевъ.

ПРОТОКОЛЬ

журнальнаго постановленія Совѣта Братства Преподобнаго
Арсенія при Купянскомъ духовномъ училищѣ отъ 18-го фев-
раля 1915 года.

Собраніе членовъ Совѣта Братства состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя Совѣта, Смотрителя Купянскаго духовнаго училища, священника о. Валентина Федоровскаго и въ присутствіи членовъ Совѣта: Директора Купянской мужской гимназіи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Стефана Евграфовича Фенева, Помощника Смотрителя Николая Александрова и преподавателя училища Аванасія Цогоева.

Открывъ собраніе, Предсѣдатель Совѣта, священникъ о. Валентинъ Федоровскій доложилъ объ утвержденіи Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, протокола общаго организаціоннаго собранія членовъ Братства 25-го ноября 1914-го года.

Затѣмъ, согласно § 11 устава Братства, собраніемъ были избраны должностныя лица Совѣта Братства: товарищемъ Предсѣдателя Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Стефанъ Евграфовичъ Феневъ, казначеемъ Помощникъ Смотрителя Николай Александровъ и секретаремъ преподаватель училища Аванасій Цогоевъ.

По избраніи должностныхъ лицъ Совѣта Братства, Предсѣдателемъ было доложено о количествѣ поступившихъ въ кассу Братства членскихъ взносовъ и пожертвованій, каковыхъ оказалось на сумму 846 руб. 97 коп. Изъ этой суммы, согласно § 10 устава Братства, триста десять (310) рублей собраніемъ отчислено въ неприкосновенный капиталъ Братства для приобрѣтенія государственныхъ или гарантированныхъ Правительствомъ процентныхъ бумагъ. Остальныя средства Братства, въ размѣрѣ 536 рублей 90 коп., отнесены въ расходный капиталъ Братства. За вычетомъ 46 руб. 90 коп., израсходованныхъ на отпечатаніе устава Братства, подписныхъ листовъ для сбора пожертвованій и на приобрѣтеніе канцелярскихъ принадлежностей, расходный капиталъ Братства выражается въ суммѣ 490 руб. 7 коп.

По распредѣленіи денежныхъ средствъ Братства собраніе рассмотрѣло поступившія въ Совѣтъ прошенія о выдачѣ пособій, при чемъ постановило выдать пособія для взноса платы за содержаніе дѣтей въ общежитіи училища слѣдующимъ лицамъ: вдовѣ псаломщика Ольгѣ Романовой въ размѣрѣ 55 руб.; діакону Алексію Самойлову

и псаломщику Симеону Мураховскому въ размѣръ 40 рублей каждому, діакону Николаю Гаврилову въ размѣръ 25 рублей. Кромѣ того собраніе удовлетворило прошеніе діакона Тимоѳея Петровскаго о выдачѣ двумъ его сыновьямъ пособія на проѣздъ въ домъ отца на каникулярное время въ размѣръ двѣнадцати (12) рублей и постановило выдать пяти уроженцамъ Галиціи, ученикамъ училища— Яськову Григорію, Стехнѣ Ивану, Поглоду Стефану, Рыбаку Данилу и Пашкевичу Святославу по три рубля на мелкія нужды.

Предсѣдатель Совѣта, Смотритель училища
Священникъ Валентинъ Федоровскій.

Казначей Совѣта Помощникъ Смотрителя училища
Николай Александровъ.

Секретарь Совѣта *Аванасій Цоговъ.*

Отъ правленія Сумскаго духовнаго училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища симъ объявляетъ, что приемныя испытанія для поступленія въ подготовительный классъ училища назначены на *21 апрѣля* сего 1915 года.

Кромѣ сихъ, приемныя испытанія въ подготовительный классъ будутъ производиться предъ началомъ 1915—16 учебнаго года, о чемъ будетъ объявлено своевременно.

Предсѣдатель правленія Смотритель училища,
Протоіерей Константинъ Селивановскій.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Шелестовой, Старобѣльскаго уѣзда, *Филиппъ Грузина*, 12 марта опредѣленъ на діаконское мѣсто при Петро-Павловской церкви с. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

2) Діаконъ Вознесенской церкви с. Великаго Бобрика, Сумскаго уѣзда, *Николай Ивановъ*, по прошенію, 12 марта опредѣленъ на священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви с. Лозового, Богодуховскаго уѣзда.

3) Крестьянинъ *Иматій Везовой* 16 марта опредѣленъ и. д. псаломщика къ Рождество-Богородичной церкви с. Шелестовой, Старобѣльскаго уѣзда.

4) Сынъ псаломщика *Александръ Соколовскій* 16 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Св. Духовской церкви с. Хатпей, Волчанскаго уѣзда.

5) Бывшій діаконъ *Тихонъ Боевскій* 16 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской ц. с. Алисовки, Изюмскаго уѣзда.

6) Бывшій священникъ *Константинъ Стефановскій* 15 марта опредѣленъ временно и. д. псаломщика къ Успенской церкви с. Мотузовки, Зміевского уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священникъ Николаевской церкви с. Рясного, Богодуховскаго уѣзда, *Карлъ Брусъ*, по прошенію, 9 марта перемѣщенъ къ Николаевской церкви гор. Лебедина.

2) Священникъ Рождество-Богородичной церкви с. Лозового, Богодуховскаго уѣзда, *Димитрій Кириченко*, по прошенію, 12 марта перемѣщенъ къ Успенской церкви с. Гречишкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

3) Діаконъ Воскресенской церкви с. Коломака, Валковскаго уѣзда, *Антоній Корнильевъ*, по прошенію, 16 марта перемѣщенъ къ Вознесенской церкви с. Великаго Бобрика, Сумскаго уѣзда.

4) Діаконъ Всѣхсвятской церкви с. Вировъ, Сумскаго уѣзда, *Іосифъ Прибытковъ*, 16 марта, по прошенію, перемѣщенъ къ Воскресенской церкви с. Коломака, Валковскаго уѣзда.

5) Діаконъ-псаломщикъ Вознесенской церкви с. Торской, Купянскаго уѣзда, *Василій Димитскій*, и псаломщикъ Вознесенской церкви с. Топольскихъ Песокъ, того-же уѣзда, *Викторъ Поповъ*, согласно ихъ прошенію, 12 марта взаимно перемѣщены.

3) Объ утвержденіи въ должности старостъ.

1) Къ Георгіевской церкви с. Гусинки, Купянскаго уѣзда. 8 марта старостою утвержденъ крестьянинъ *Андрей Курочка*.

2) Къ церкви с. Каменки, того же уѣзда, 11 марта—крестьянинъ *Николай Мокроусовъ*.

3) Къ церкви с. Николаевки, того же уѣзда, 11 марта—крестьянинъ *Лонгинъ Бряцисъ*.

4) Къ Троицкой церкви, гор. Богодухова, 8 марта—мѣщанинъ *Яковъ Лещенко*.

5) Къ церкви с. Крысина Яра, Богодуховскаго уѣзда, 11 марта—мѣщанинъ *Алексій Вакулеша*.

6) Къ церкви с. Покровскаго, Валковскаго уѣзда, 8 марта—крестьянинъ *Михаилъ Согоконъ*.

7) Къ церкви с. Ряснаго, Ахтырскаго уѣзда, 9 марта—крестьянинъ *Василій Пащенко*.

8) Къ Преображенской церкви с. Межирича, Лебединскаго уѣзда. 12 марта—крестьянинъ *Стефанъ Парфило*.

9) Къ церкви с. Криничнаго, Ахтырскаго уѣзда, 14 марта—крестьянинъ *Данилъ Фисуна*.

10) Къ Троицкой церкви с. Рѣтки, Сумскаго уѣзда. 15 марта—крестьянинъ *Павелъ Тарановскій*.

11) Къ церкви с. Терешковки, того-же уѣзда, 15 марта—крестьянинъ *Филиппъ Покутній*.

Списокъ пожертвованій на лазаретъ Харьковскаго епархіальнаго духовенства.

(Продолженіе).

За № 74. Отъ священника *Иваницкаго с. Вселая Лозовая*. Корпія—8 фунтовъ.

За № 75. Отъ Приходскаго *Михайловскаго Попечительнаго Совета, с. Михайловка, Изюмскаго уѣзда, при Ахтырско-Богородичной церкви; священникъ о. Леонидъ Краснокутскій*. Полотенець—6, платковъ—26, рубахъ—15, женскихъ рубахъ—7, холста—200 аршинъ.

За № 76. Отъ прихожанокъ с. *Богородичнаго, Изюмскаго у.*; священникъ о. *І. Ѳедоровъ*. Рубахъ—25, кальсонъ—17, платковъ—185, полотенець—8, теплый пиджакъ—1, теплыхъ рубахъ—5, теплыхъ кальсонъ—5, холста—119 аршинъ.

За № 77. Отъ *Церковнаго Попечительства с. Давери, Зміевскаго у.*; священникъ о. *Петръ Щербина*. Холста—100 аршинъ.

За № 78. Отъ *Церковнаго Попечительнаго Совета с. Циркуны, Харьковскаго у.* Одѣяло—1, рубахъ—59, платковъ—1, кальсонъ—11, наволокъ—4, рубахъ—10, ситцу 61 аршинъ, холста—111 аршинъ.

За № 79. Отъ *Церковнаго Попечительнаго Совета с. Мерефа, Харьковскаго у.*; священникъ о. *Евлампій Соколовскій*. Матраць—1, подушекъ—5, одѣялъ байковыхъ—5, марселевое одѣяло—1, наматрацникъ—1, кроватей—6, ватное одѣяло—1, рубахъ—35, простынь—18, полотенець—32, платковъ—9, кальсонъ—16, чулокъ изъ холста—2 пары, валенки—1 п., чашка—1, блюдечко—1, костылей—2, бинтовъ—3 штуки.

За № 80. Отъ Церковнаго Попечительства с. Ново-Георгиевска, Кулянского у., священникъ о. Николай Оглоблинъ. Рубахъ—51, кальсонъ—37, полотенецъ—35, платковъ—3, холста—35 1/2 аршинъ.

За № 81. Отъ Церковнаго Попечительства с. Бъленькаго, Изюмскаго уезда; священникъ о. Левъ Василевскій. Рубахъ—7, подушекъ—15, полотенецъ—31, простынь—18, холста—235 арш., коленкору бѣлаго—16 аршинъ, ветоши—2 п. 16 фунтовъ.

За № 82. Отъ Церковнаго Попечительства с. Кабанья, Кулянскаго уезда; священникъ отецъ Григорій Жуковъ. Байковыхъ одѣяль—3, простынь—13, подушекъ—2, полотенецъ—20, рубахъ—34, наволокъ—8, чулокъ—2 п., портянокъ—9 паръ, туфли—1 п., кальсонъ—19 паръ, платочковъ—7, женская рубаха—1, рядень—1, эмалированная миска—1, блюдечка—2, гребень—1, пуговиць кокосовыхъ—2 дюжины.

За № 83. Отъ священника с. Капитольское, Изюмскаго уезда, отца М. Личицкаго. Простынь—8, полотенецъ—32, кальсонъ—9 п., рубахъ—21.

За № 84. Отъ Попечительства с. Коломакъ, Успенской церкви; священникъ о. Василій Василевскій. Простынь—20, рубахъ теплыхъ—4, рубахъ изъ холста—64, кальсонъ—28, наволокъ холщевыхъ—8, скатертей—3, полотенецъ—26, портянокъ—9 паръ, матрацниковъ—3, ветхаго бѣлья—18.

За № 85. Отъ Церковнаго Попечительства Иоанно-Богословской церкви с. Пискуновки, Изюмскаго уезда; священникъ о. Василій Григоревичъ. Рубахъ—7, рубахъ женскихъ—2, простынь—2, полотенецъ—3, жилеть—1, теплыхъ портянокъ—1 п., кальсоны—1 п., холста—56 аршинъ.

За № 86. Отъ Церковнаго Попечительства с. Бѣлый Колодезь, Волчанскаго уезда; священникъ о. Г. Григоревичъ. Рубахъ—19, кальсонъ—4, полотенецъ—39, холста—230 аршинъ, ветоши—1 свертокъ.

За № 87. Отъ Церковно-Приходскаго Попечительства с. Волобуевка, Изюмскаго у., Николаевская церковь; священникъ о. Ф. Татаринковъ. Полотенецъ—22, рубахъ—9, женская рубаха—1, кальсонъ—2, скатерть—1, холста—148 аршинъ, матеріи—7 вершковъ.

За № 88. Отъ жены священника сл. Даниловки, Старобѣльскаго у., Дарій Кузнецовой. Рубахъ—8, простынь—9, полотенецъ—6, кальсонъ—4.

За № 89. Отъ приходоу 2-го Благочиннаго округа Змиевскаго уезда; благочинный отецъ Варсонофій Антоновскій.

Рубахъ—68, кальсонъ—16, полотенецъ—21, простынь—20, подушекъ—2, наволокъ—2, носовыхъ платковъ—11, портянокъ—15 паръ, ветоши—1 шт.

За № 90. Отъ Муратовскаго церковнаго Попечительнаго Совета, Богодуховскій у. Полотенецъ—9, носовыхъ платковъ—16, жилетовъ фланелевыхъ—8, теплыхъ перчатокъ—1 п., теплыхъ чулокъ—15 п., шерстяныхъ вязаныхъ шарфовъ—23, теплыхъ рубахъ—15, рубахъ легкихъ—3, кальсонъ—2 п., портянокъ—7 паръ, холста—48 аршинъ.

За № 91. Отъ Братіи Куряжскаго монастыря. Платковъ—316, полотенецъ—2, холста—100 арш.

За № 92. Отъ причта и старосты Христо-Рождественской церкви с. Верхняго Салтова, Волчанскаго уезда. Рубахъ—21, кальсонъ—18, полотенецъ—36.

За № 93. Отъ Церковнаго Попечительства с. Кабанья, Купянскаго у. Подушекъ—2, чулокъ—19, перчатокъ—13, рукавиць—1, наволока—1, кальсонъ—6, полотенецъ—10, простынь—2, рубахъ—22.

За № 94. Отъ Церковнаго Попечительства с. Матузовки, Зміевского уезда; священникъ о. Іоаннъ Андроновъ. Подушекъ—10, рубахъ новыхъ тонкихъ—35, кальсонъ—30, наволокъ—24, матрациковъ—8, простынь—28, кальсонъ—8, рубахъ холщевыхъ—28, полотенецъ—10, платковъ—26, ветоши—2 пуда.

За № 95. Доставлено съ почты чрезъ военный госпиталь № 88. Рубахъ холщевыхъ—6, рубахъ изъ тонкаго холста—4, кальсонъ—2, холста—350 аршинъ, полотенецъ—1, корпія—1 мѣшекъ.

За № 96. Отъ Церковнаго Попечительства с. Верхній Салтовъ, Волчанскаго уезда. Теплыхъ рубахъ—19, легкихъ рубахъ—2, кальсонъ изъ холста—17, кальсонъ изъ тонкаго холста—1 пара, полотенецъ—36.

За № 97. Отъ Церковнаго Попечительства с. Крючковъ, Изюмскаго уезда; священникъ отецъ Сергій Александровъ. Теплыхъ жилетовъ—5, подушекъ—2, рубахъ изъ холста—13, рубахъ изъ ситца—2, кальсонъ изъ холста—2 пары, простынь—2, чаю—1 ф. сахару—20 фунтовъ.

За № 98. Отъ Попечительнаго Совета Харьковской Александро-Невской церкви; священникъ, отецъ Алексій Жадановскій. Одѣяло—1, простынь—5, рубахъ—17, кальсонъ—7, полотенецъ—31, ветоши для бинтовъ—4 куска, коленкору—7 аршинъ.

За № 99. Отъ прихожанокъ с. Алексѣевки, Зміевского уезда,

Николаевской церкви; священникъ отецъ *Василій Протопоповъ* Подушекъ—13, курь—46, мяса—30 фунтовъ.

За № 100. Отъ неизвестной. Подушка—1, наволока—1, полотенца—2.

За № 101. Отъ прихожанъ с. *Русскихъ Тишковъ*, Харьковскаго уезда; священникъ о. *Василій Сильванскій*. Простынь—12, портянокъ—12, полотенець—18, рубахъ—24, холста—50 аршинъ.

За № 102. Изъ с. *Котельва*, Ахтырскаго уезда, Шокровской церкви. Платковъ—12, теплыхъ рубахъ—1, легкихъ рубахъ—19, кальсонъ—10 паръ, простынь—1, полотенець—2.

За № 103. Изъ с. *Малая Камышеваха*, Изюмскаго у., отъ Церковнаго Попечительства при Троицкой церкви; священникъ о. *Митрофанъ Лазаревскій*. Рубахъ—63, кальсонъ—26.

За № 104. Отъ воспитанницы 6 нормальнаго класса *Гуранской*. Платковъ—5.

За № 105. Отъ воспитанницы 5 дополн. кл. *Смирновой Татьяны*. Рубахъ теплыхъ—1, рубахъ—4, кальсонъ 2 пары и вязан. рукавицы—1 п.

За № 106. Отъ воспитанницы 5 дополнит. кл. *Флоринской Маріи*. Платковъ—14.

За № 107. Изъ с. *Семеновки*, Изюмскаго у., отъ Церковнаго Попечительства. Рубаха—1, кальсонъ—2, платковъ—7, холста—123 арш.

За № 108. Отъ неизвестной. Подушка.

За № 109. Изъ с. *Ситожковъ Кутъ*, Валковскаго у.; священникъ о. *Павелъ Черняевъ*. Рубахъ—28, полотенець—4, кальсонъ—4, платковъ—3.

За № 110. Отъ NN доставлено изъ квартиры Его Высокопреосвященства. Платковъ—7, полотенець—12.

За № 111. Отъ NN. Платковъ—26, полотенець—4, кальсонъ—2, рубахъ—4, наволокъ—4, простыня—1, носковъ—2 пары.

За № 112. Отъ NN. Рубахъ ситцевыхъ—53, кальсонъ—56, сватерть—1.

Добавленіе въ № 75. Отъ Приходскаго Попечительства с. *Михайловки*, Изюмскаго у.; при Ахтырско-Богородичной церкви; священникъ о. *Леонидъ Краснокутскій*. Ситцу—64 аршина.

За № 113. Отъ псаломщика с. *Ново-Айдара*, Старобльскаго уезда, *Алексея Павловича Дзюбанова*. Полотенець—3.

За № 114. Отъ учительницы Ново-Александровской церковно-приходской школы, Бѣло-Колодезской волости *Волманскаго уезда*, *Раисы Ивановны Сирятской*. Ситцевыхъ рубахъ—10.

II.

Содержаніе. Всемирная искупительная жертва Божія и наши искупительныя жертвы человѣческія. *Свящ. Д. Ромашковъ.*—Епархіальная хроника. Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Духовной Семинаріи.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго женскаго училища.—**Многепархіальный отдѣлъ.**—Непрерывное моленіе о дарованіи побѣды.—Къ прославленію свят. Іоанна, митрополита Тобольскаго.—**Разныя извѣстія и замѣтки.**—Русь.—Библиограф. замѣтка.—Объявленія

ВСЕМІРНАЯ ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА БОЖІЯ И НАШИ ИСКУПИТЕЛЬНЫЯ ЖЕРТВЫ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ*)

Аминь аминь глаголю вамъ: аще зерно пшенично падѣ на земли не умреть, то едино пребываетъ: аще же умреть, многъ плодъ сотворитъ (Іоан. XII, 24).

Эти слова Христа Спасителя нашего, сказанныя Имъ незадолго до Его страданія и смерти, какъ нельзя лучше объясняются изъ Его личнаго примѣра и искупительнаго крестнаго подвига. Нынѣ, вспоминая и празднуя одно изъ событій Его жизни, именно торжественный входъ Спасителя въ Іерусалимъ на предстоящія Ему тамъ страданія и крестную смерть, о чемъ предсказывали еще небожители Моисей и Ілія въ день славнаго Его преображенія на горѣ Фаворской (Лук. IX, 31) и о чемъ Онъ Самъ неоднократно и не обинуясь говорилъ Своимъ ученикамъ, особенно въ послѣднее время (Мате. XV^П, 22—23); нынѣ, воспѣвая Ему, вмѣстѣ съ св. Церковію, побѣдныя и радостныя пѣсни, яко Царю и Богу: „осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне, Царь Израилевъ“, нынѣ мы несомнѣнно представляемъ и будемъ представлять себѣ мысленно въ эти ближайшіе дни и всю послѣдующую судьбу Его жизни, когда эти клики, чрезъ нѣсколько времени, смѣнились другими кликами, уже не радостными и восторженными, въ честь Царя Израилева, а печальными и злобными: „распи, распни Его“, какъ какого-либо злодѣя и преступника. И если мы не будемъ раздѣлять участіе вмѣстѣ съ толпой еврей-

*) Христіанское размышленіе на день празднованія Входа Господня въ Іерусалимъ, 15 марта 1915 года.

скаго народа, столь скорой въ перемѣнѣ своихъ чувствъ и настроеній по отношенію ко Христу Спасителю; если мы, вѣрующіе хрістіане, преданные члены Церкви Христовой, будемъ въ этомъ случаѣ похожи на Іерусалимскихъ женщинъ, которыя сочувствовали Господу всецѣло и плакали при видѣ Его, несущаго Свой крестъ на Голгоѳу, для того чтобы пострадать тамъ и умереть за весь родъ человѣческій, то въ то же самое время мы, когда будемъ стоять у гроба нашего Спасителя и величать Его, пострадавшаго и умершаго за всѣхъ насъ-людей, многими и различными похвалами и пѣснями, будемъ взывать къ Нему, вмѣстѣ съ св. Церковію, также слѣдующимъ образомъ: „якоже пшеничное зерно, зашедъ въ нѣдра земная, многоперстный воздалъ еси класъ, возставивъ человѣки, яже отъ Адама“;*) „зерно двоерасленное естественножизненное, въ бока земная сѣется со слезами днесь; но прозябше, міръ радостно сотворить“ (**).

Сравненіе Христа Спасителя съ зерномъ или сѣменемъ есть вполне естественное и правдоподобное сравненіе, весьма близкое и понятное, притомъ, нашему уму и сердцу. Христосъ Спаситель не разъ сравнивалъ Свое ученіе съ сѣменемъ, а Себя Самого—съ сѣятелемъ. Припомнимъ, напр., здѣсь Его притчу о сѣятелѣ, въ которой, какъ Онъ Самъ объяснилъ, подъ сѣменемъ изображается слово Божіе, а подъ сѣятелемъ сѣмени—Онъ Самъ, Божественный Учитель и Проповѣдникъ (Матѣ. XIII, 4—9; 19—23). Припомнимъ, также, Его притчу о зернѣ горчичномъ, въ которой наглядно изображается тайна царствія Божія, тайна Церкви Христовой, созданной Имъ для спасенія всѣхъ вѣрующихъ на землѣ (Матѣ. XIII, 31—32).

Но, несомнѣнно, Христосъ Спаситель есть не сѣятель только того или иного сѣмени или зерна духовнаго, но и само это зерно и сѣмя, поскольку живоносность и плодоносность всякаго вообще сѣмени объясняется свойствомъ его—смертію и воскресеніемъ. *Ты еше сѣвши, не оживетъ, аще не умретъ*, говоритъ Апостоль Христовъ (1 Кор. XV, 36).

Для всякаго сѣмени, для того чтобы оно было плодотворно и растимо, нужно сначала умереть въ землѣ или,

*) Постная тріода, утренняя въ великую субботу, статья 1-ая, похвала 29-ая.

*) Тамъ же, статья 2-ая, похвала 87-ая.

иначе сказать, сгнить и истлѣть въ ней. Только тогда оно пускаетъ ростки, изъ которыхъ вырастаетъ потомъ трава или дерево. Подобіемъ зерна или сѣмени уяняется, какъ извѣстно, истина всеобщаго воскресенія человѣческаго, истина воскресенія тѣлъ, истлѣвшихъ и рассыпавшихся въ землѣ и имѣющихъ быть соединеными вмѣстѣ съ душами своими въ послѣдній день міра сего. Наши тѣла также своего рода сѣмена, которыя теперь сѣются или погребаются въ землю, для того чтобы прозябнуть въ ней и возтаты въ иномъ видѣ, болѣе лучшимъ и совершенномъ, нежели въ настоящее время.

Если Священное Писаніе и называетъ Господа „сѣменемъ“, если св. Церковь и величаетъ Его „зерномъ пшеничнымъ, двоерасленнымъ и естественножизненнымъ“, если Онъ по тѣлу Своему истинно—человѣческому и умеръ здѣсь, на землѣ, и погребенъ былъ въ ней, пробывъ въ ней, по слову Его Самого, цѣлыхъ три дня и три noci (Матѣ. XII, 40)—то, по сравненію съ другими сѣменами, вещественными и духовными, оно—это Божественное Сѣмя—явилось неистлѣннымъ и вѣчно пребывающимъ и сохраняющимъ свою жизненную силу и энергію. Господь нашъ Иисусъ Христосъ какъ „Сѣмя жены, имѣющее стереть главу змія“, т. е., побѣдить діавола, долженъ былъ умереть тѣломъ и на третій день воскреснуть изъ мертвыхъ. Но Его тѣло, хотя и пролежало въ сердцѣ земли три дня и три noci, не видѣло тлѣнія, въ силу пророческихъ словъ Давида: „Ты не оставишь души моей въ адѣ и не дашь Святому Твоему видѣть тлѣнія“ (Пс. XV, 10; Дѣян. II, 27). „Богъ, по словамъ Апостола Петра, воскресилъ Его, расторгнувъ узы смерти, потому что ей невозможно было удержать Его“ (Дѣян. II, 24).

Это видно также изъ словъ Самого Христа, сказанныхъ Имъ въ объясненіи Своей Божественной силы и всемогущества: „Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее; никто не отнимаетъ ее у Меня, но Я Самъ отдаю ее: имѣю власть отдать ее и власть имѣю опять принять ее (Іоан. X, 17, —18). Изъ этихъ словъ ясно, что Господь пострадалъ и умеръ за насъ, людей, не потому, чтобы не могъ избѣжать страданія, но потому, что восхотѣлъ пострадать. Согласно съ тѣми же словами Господа, и св. Церковь воспѣваетъ въ надгробныхъ пѣснопѣніяхъ своихъ въ честь Его такимъ об-

разомъ: „подъ землею хотѣнемъ низшедъ яко мертвъ, возводиши отъ земли къ небеснымъ, оттуду падшїя Іисусе“;*) „волею снизшелъ еси Спасе, подъ землею, умерщвленїя челоуѣки оживилъ еси, и возвелъ еси во славу отчей“;**) „волею явился еси слове, во гробъ мертвъ, но живеши, и челоуѣки, якоже предреклъ еси, воскресенїемъ Твоимъ Спасе мой, воздвизаеши“***).

По словамъ Апостола Петра, „Христосъ пострадавъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его“ (1 Петра, II, 21), „какъ возрожденныя не отъ тлѣннаго сѣмени, но отъ нетлѣннаго, отъ слова Божїя, живого и пребывающаго въ вѣкъ“ (1. Петр. I, 23). А это слово Божїе громко возвѣстило всему міру челоуѣческому: „да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ; нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. XV, 12—13). По примѣру Христа Спасителя, и мы всѣ, хрістіане, должны полагать душу свою за друзей своихъ, за братьевъ своихъ, не только за близкихъ, единовѣрныхъ и единокровныхъ намъ людей, но и за отдаленныхъ, иновѣрныхъ и иноплеменныхъ намъ людей, за всѣхъ вообще соотечественниковъ нашихъ, полагать душу свою за нихъ во всякое время, особенно же въ военное, какое, на примѣръ, переживаемъ мы теперь.

Россїя, въ союзѣ съ другими государствами и народами, вотъ уже болѣе полугода ведетъ ужасную и упорную борьбу съ многочисленными врагами своими, въ лицѣ германской, австрїйской и турецкой націй. Много крови челоуѣческой пролито уже въ этой великой войнѣ на поляхъ бранныхъ, много жизней челоуѣческихъ унесено уже изъ этого земнаго міра, много сыновъ Россїи, лучшихъ и самоотверженныхъ ея гражданъ, положили душу свою въ этой священной войнѣ, по завѣту Христа Спасителя, за друзей своихъ, за братьевъ своихъ. Въ этомъ геройскомъ подвигѣ воиновъ русскихъ обнаружилась, конечно, вся высота и полнота любви ихъ къ отечеству небесному. Чрезъ этотъ подвигъ они удостоиваются въ той или иной степени вѣнца мученическаго и награды на небѣ отъ нелицепріятнаго Судїи

*) Тамъ же, ст. 1-ая, похв. 46-ая.

**) Тамъ же, ст. 1-ая, похв. 53-ая.

***) Тамъ же, ст. 1-ая, похв. 72-ая.

и Господа. Но и на землѣ ихъ подвигъ увѣнчивается безсмертною славою и пріобрѣтаетъ въ глазахъ всѣхъ людей, оставшихся еще жить на землѣ, тѣхъ, за которыхъ они проливали кровь свою и полагали души свои, особенное значеніе. Бранныя поля, на которыхъ они пали тѣлами своими и которыя они обильно напоили кровію своею, бранныя поля эти что представляютъ собою въ духовномъ отношеніи? Они представляютъ собою не что иное, какъ поля, засѣянные разными сѣменами и готовыя уже къ жатвѣ своей. Несомнѣнно, они дадутъ обильный всходъ и принесутъ въ свое время плоды свои. Несомнѣнно, возрожденіе и обновленіе нашего многострадальнаго отечества, нашей великой и обширной Россіи, можетъ произойти и происходить уже, какъ мы видимъ это воочію, въ этой великой и священной войнѣ и, притомъ, чрезъ смерть ея лучшихъ и самоотверженныхъ сыновъ. Пусть же не боятся идти на войну всѣ тѣ, кому суждено пойти на нее или кто добровольно рѣшился во имя любви къ братьямъ своимъ пожертвовать собою, своею жизнію. Пусть они чаще вспоминаютъ примѣръ Спасителя, торжественнымъ образомъ вступившаго въ Іерусалимъ, въ видѣ побѣдоноснаго Царя; но, вѣдь, шествіе Его туда есть не что иное, какъ шествіе на страданіе и смерть, и мы всѣ привыкли, еще въ школьной жизни, изучая главное богослуженіе христіанской Православной Церкви—литургію, видѣть и разумѣть въ ней, во время пѣнія херувимской пѣсни, когда бываетъ перенесеніе св. Даровъ съ жертвенника на престолъ, тотъ же смыслъ и значеніе, скрывающіеся въ этомъ таинственномъ священномъ обрядѣ церковномъ. Пусть они, наши доблестные и христіолюбивые воины, напутствуемые нами на войну, идутъ на нее такъ же, какъ и Христосъ Спаситель шелъ на страданіе и смерть, при радостныхъ и побѣдныхъ кликахъ народныхъ: „осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!“ Но пусть они знаютъ въ то же время и не скрываютъ отъ себя опасности и готовности—пострадать и умереть за другихъ людей, для того чтобы спасти себя самихъ отъ гибели вѣчной и свое отечество отъ разрушенія окончательнаго. Если Господь и Спаситель нашъ „сошелъ“ нѣкогда „подъ землю“ съ тою цѣлію, чтобы „воздвигнуть отъ паденія соборы

человѣческія всесильною державою*) Своею, то наши братья воины, сражающіеся за Вѣру, Царя и Отечество и полагающіе за нихъ души свои, несомнѣнно, имѣютъ въ виду ту же самую спасительную цѣль „воздвиженія отъ паденія“, освобожденія и обновленія ихъ соотечественниковъ—русскихъ людей, при помощи Божіей и при содѣйствіи человѣческомъ...

„Чѣмъ совершается это освобожденіе, какою силою вызвано это начало духовнаго воскресенія? Что оказалось сейчасъ для европейскаго человѣчества сильнѣе, нужнѣе, спасительнѣе его цивилизациі, его науки, его техники?—такъ спрашиваетъ одинъ современный русскій мыслитель и филозофъ и такъ отвѣчаетъ на свои вопросы:—„Пусть странно, а для многихъ дико прозвучитъ мое слово, но скажу его: это воскрешеніе приносится смертію, *откровеніемъ смерти*. Надъ міромъ стала смерть, о которой забыли или, вѣрнѣе, хотѣли забыть, и какъ небесный благовѣсть, какъ предвѣстіе грозной трубы архангела, зазвучала въ сердцахъ ея вѣсть. Смерть старательно изгонялась изъ житейскаго обихода. У смерти старались отнять ея торжественно-мистическій характеръ, не услышать ея откровенія, заглушая его тихій шопотъ свѣтскими церемоніями, напыщенными рѣчами. Конечно, невозможно упразднить смерть, которая во всякомъ случаѣ вноситъ катастрофическій моментъ во всѣ эволюціонныя построенія, по крайней мѣрѣ, что касается личной жизни человѣка. Но было стремленіе духовно отгородиться отъ смерти, по крайней мѣрѣ, возможнымъ устраненіемъ ея мистики и самой мысли о ней: одни проповѣдывали, а иногда и примѣняли, вслѣдъ за древними эпикурейцами, предусмотрительное самоубійство (какъ французскій социалистъ Лафаргъ), другіе стремились научно нейтрализовать смерть (Мечниковъ), третьи въ паническомъ ужасѣ трепетали предъ неодолимой судьбой (Мопассанъ), но во всѣхъ этихъ случаяхъ смерть разсматривалась какъ непрятный біологическій эпизодъ, а не какъ грань, мѣсто встрѣчи двухъ міровъ, новое рожденіе. Церковь, напротивъ, учитъ насъ молиться о дарованіи „памяти смертной“ и о „христіанской кончинѣ живота“, она повелѣваетъ постоянно имѣть въ душѣ мысль о смертномъ часѣ, предъ лицомъ его провѣрять земныя цѣнности: вся

*) Тамъ же, ст. 2-я, похв. 80-я.

жизнь въ извѣстномъ смыслѣ можетъ разматриваться, какъ приготовленіе къ этому часу. Внимать откровенію смерти вообще учить всякая серьезная религія, тѣмъ болѣе христіанская православная религія, исповѣдуемая нами. „Смерть есть торжественный и радостный апофеозъ праведной жизни, ея послѣдній и зрѣлый плодъ“. „Въ память вѣчную будетъ праведникъ“, поетъ св. Церковь. Смерть есть тихій свѣтъ истины, предъ которою блекнутъ всѣ ложныя цѣнности. Этотъ свѣтъ пытались закрыть или затемнить разными подложными цѣнностями, но пламя вѣчности снова вспыхнуло надъ міромъ. Война неизмовѣрно приблизила къ сознанию смерть, сдѣлала ее реально осязаемой, а это означаетъ не что иное, какъ то, что мірочувствіе“, какое было до сихъ поръ у большинства людей, „должно уступить мѣсто“ другому мірочувствію, „религіозно-трагическому“. „Жизнь есть трагедія“, т. е., подвигъ и страданіе, есть „великая очистительная жертва.—это религіозное сознание, которое пытались заглушить и притупить эволюціонизмъ“ или естественно-научное ученіе о постепенномъ развитіи органическихъ формъ, населяющихъ міръ,—„своими надеждами на будущій міръ и всеобщее счастье, теперь неизбежно становится всеобщимъ*)“. И дай Богъ,—прибавимъ мы здѣсь отъ себя въ заключеніе, чтобы это религіозное сознание вошло въ плоть и кровь русскаго народа, чтобы этотъ послѣдній, дѣйствительно, нашелъ себѣ такимъ путемъ духовное воскресеніе и обновленіе въ своей личной и общественной жизни! Тогда, конечно, мы можемъ сказать, вмѣстѣ съ пророкомъ Іезекиїлемъ, что оживутъ кости и павшихъ со славою на полѣ брани нашихъ воиновъ, оживутъ еще прежде воскресенія мертвыхъ, оживутъ духовно въ сознаніи и чувствѣ русскаго народа и, тѣмъ самымъ, произведутъ нравственный переворотъ въ его жизни.

Свящ. Д. Ромашковъ.

*) „Война и русское самосознаніе“, Сергѣя Булгакова, Москва, 1915 г., стр. 23—25.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Анто-
ніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Духов-
ной Семинаріи.

11-го Марта Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣй-
шіи Антоній совершилъ въ храмѣ Семинаріи литургію Преждеосвя-
щенныхъ Даровъ и послѣ оной торжественное благодарственное
досподу Богу молебствіе по случаю радостнаго для всей Руси собы-
тія—паденія Черемышля. Владыка прибылъ въ Семинаріи въ 11^{1/2} ч.
утра и прямо прослѣдовалъ въ храмъ, гдѣ уже были собраны вос-
питанники Семинаріи, освобожденные въ этотъ день отъ занятій,
ученики духовнаго училища и образцовой школы.

Божественную литургію Владыка совершалъ въ сослуженіи
всего семинарскаго духовенства и нѣкоторыхъ членовъ изъ
городскаго.

Послѣ запричастнаго стиха Владыка обратился къ собравшимся
съ словомъ назиданія.

Обративъ вниманіе слушателей на то обстоятельство, что въ
пѣнопѣніяхъ службы на сей день, какъ и вообще на службахъ
всего поста, церковь воспоминаетъ совмѣстно двухъ Лазарей—одного изъ
притчи „о богатомъ и Лазарѣ“, другого—брата Марыи и Маріи,
Владыка въ дальнѣйшемъ выяснилъ глубокий внутренній смыслъ
этого сопоставленія, проливающаго свѣтъ на дѣйствительныя при-
чины человѣческаго невѣрія.

«Если пророковъ не слушаютъ, то если-бы кто изъ мертвыхъ
воскресъ не повѣрятъ».., такъ отвѣтилъ Авраамъ, или, лучше ска-
зать, Самъ Богъ устами Авраама, на просьбу богача, мучившагося
въ аду, послать на землю для предупрежденія его согрѣшающихъ
братьевъ умершаго Лазаря. Богачъ полагалъ, что появленіе и про-
повѣдь воскресшаго мертвеца будетъ такимъ убѣдительнымъ дово-
домъ, противъ котораго не устоитъ никакое невѣріе.

Приведя вышеуказанный отвѣтъ Авраама, Владыка отмѣтилъ,
что нѣкогда и въ немъ самомъ слова эти вызвали нѣкоторое недо-
умѣніе. Какъ дѣйствительно можно не повѣрить живому свидѣтелю
съ того свѣта, какъ можетъ разумъ не согласиться съ этимъ наи-
убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ? и гдѣ въ такомъ случаѣ искать
корень человѣческаго невѣрія?

Исторія другого Лазаря—воскресшаго и дасть отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Когда «четверодневный», уже начавшій разлагаться, Лазарь, повинувся слову «Зиждителя всѣхъ», воскресъ, воскресъ не гдѣ нибудь въ укромномъ мѣстѣ, а на глазахъ тысячной толпы. то этотъ вернувшійся къ жизни мертвецъ, дѣйствительно, многихъ обратилъ ко Христу. „Многіе увѣровали въ Него“..., говоритъ Евангеліе. Многіе, но далеко не всѣ. «Другіе», читаемъ въ Евангеліи, „пошли къ фарисеямъ и сказали имъ, что сотворилъ Христосъ... и тогда порѣшили убить Его“. Эти, не увѣровавшіе во Христа, самаго чуда не отрицали, не говорили, какъ то дѣлаютъ позднѣйшіе невѣры, что здѣсь былъ обманъ, предварительный уговоръ между Христомъ и Лазаремъ и т. п.; нѣтъ, они молчаливо признали чудо, но всетаки не захотѣли повѣрить, не пошли за Христомъ. Почему? Евангеліе даетъ опредѣленный отвѣтъ. Если мы оставимъ этого человѣка, говорятъ они, то весь народъ пойдетъ за нимъ и тогда придутъ Римляне и овладѣютъ мѣстомъ нашимъ и народомъ, пусть лучше одинъ человѣкъ погибнетъ... Иначе говоря: если повѣрить Христу, то нужно проститься съ мечтами о власти, славѣ, господствѣ еврейскаго народа, а вмѣстѣ съ нимъ, и съ собственной властью и почетомъ. Причина ихъ невѣрія заключалась, такимъ образомъ, не въ разумъ, не въ томъ, что онъ не позволялъ имъ согласиться съ ученіемъ Христа, не находя достаточныхъ для этого (разумныхъ) оснований, а въ низшихъ побужденіяхъ человѣческой природы, въ страстяхъ. И въ дальнѣйшихъ ихъ отрицаніяхъ мы совсѣмъ не находимъ слѣдовъ разума. Развѣ разумъ заставилъ ихъ придумать басню о похищеніи Христа учениками во время сна стражи, а позднѣйшихъ отрицателей соглашаться съ этой басней?! Какъ будто для разума не ясно, что спящіе не могли ничего видѣть, или не ясно, что грохотъ отваливаемаго камня долженъ былъ разбудить спящую стражу! Разумомъ-ли продиктовано и то объясненіе, какое даетъ невѣріе чудесному дару языковъ, открывшемуся въ апостолахъ по сошествіи Св. Духа (упились сладкимъ виномъ) и мн. др.?

Время не внесло измѣненія въ двигающіе невѣріемъ мотивы, они и нынѣ остаются тѣ-же. И нынѣ Евангеліе отрицаетъ не потому, что оно неприемлемо для разума, а потому, что оно осуждаетъ служеніе низшей сторонѣ нашей природы, зоветъ на борьбу со страстями, проповѣдуетъ крестный путь. Разумъ лишь ширма, которой стараются прикрыть слабость человѣческой природы. Если и есть различіе между невѣріемъ современнымъ Христу и позднѣйшимъ, то

оно сводится къ тому, что послѣднее гораздо рѣшительнѣй и безцеремоннѣй въ своихъ отрицаніяхъ. Оно, не задумываясь, объявляетъ почти все Евангеліе обманомъ и заблужденіемъ, видитъ ложь даже тамъ, гдѣ и злѣйшіе враги Христа—фарисеи не рѣшались Его заподозрить (воскрешеніе Лазаря, напр.), совершенно забывая, что послѣдніе не преминули-бы это сдѣлать, если бы къ тому была хоть малѣйшая возможность. Такъ велико и сильно въ человѣкѣ стремленіе защититъ, хотя-бы и неправдой, свое право на легкую и пріятную жизнь!

Для такихъ людей и чудо теряетъ свою убѣдительную силу. Какъ они могутъ повѣрить чуду?! повѣрить чуду—вѣдь это значитъ въ дальнѣйшемъ отказаться отъ прежней жизни, отречься отъ власти, богатства, роскоши, любовницъ и т. д. И дѣло здѣсь конечно не въ недостаткѣ чудесъ. Чудесъ вокругъ насъ ежедневно совершается множество, взять хотя-бы чудеса, совершающіяся у раки св. Іоасафа, а именно въ тяжести и трудности отказа. Не находя въ себѣ достаточныхъ для этого нравственныхъ силъ, они и избираютъ легчайшій путь: уклоняясь отъ разумныхъ обсужденій, они просто объявляютъ все то, что обличаетъ, осуждаетъ ихъ, обманомъ, заблужденіемъ, въ лучшемъ случаѣ сомнительнымъ, и спокойно продолжаютъ прежнюю жизнь.

Въ послѣднемъ обстоятельствѣ кроется и причина успѣшнаго распространенія отрицанія.

Склонныхъ къ легкой, пріятной жизни всегда найдется много, а тутъ еще представляется возможность не просто пользоваться житейскими благами, а, такъ сказать, на разумномъ основаніи.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ряды послѣдователей этого направленія усиленно наполняются.

Печально становится особенно тогда, когда видишь, что въ ряды отрицателей устремляется и юношество, а это въ послѣднее время дѣлается почти обычнымъ явленіемъ. Многое тутъ объясняется, конечно, склонностію молодости подчиняться болѣе чувству, порыву, чѣмъ разсудку, но многое и искусствомъ оболъстителей, приходящихъ не только въ блескѣ авторитета, но и облекающихъ свое ученіе въ заманчивые, идейные покровы, выдвигающихъ на сцену идеи о «служеніи ближнему», объ «общемъ братствѣ и равенствѣ» и т. п.

Съ болію, сердечной приходится сознаться, что направленіе это проникло и въ нашу духовную школу. Какъ «блудные сыны» уходятъ питомцы, ея на «страну далечу», мѣняютъ высокое служеніе души чело­вѣческой на служеніе «домашнимъ животнымъ» (повидимому, во

имя «равенства и братства»), очень скоро забываютъ все истинно идейное, всецѣло пронибываясь житейскими заботами о большихъ окладахъ, служебныхъ успѣхахъ и т. п.

Изрѣдка сбывается евангельская притча и «блудный сынъ» возвращается въ отчій домъ, но въ большинствѣ случаевъ навсегда остается въ «чуждей странѣ, живя блудно».

Вотъ снова приближается день воскресенія Лазаря, снова мертвецъ этотъ выходитъ изъ гроба, чтобы засвидѣтельствовать истину Евангелія, и я желалъ-бы, заключилъ Владыка, чтобы голосъ его, звучащій въ церковныхъ пѣснонѣніяхъ, влилъ въ васъ силы для борьбы со всеми страстями во имя Евангелія, для нравственнаго очищенія во имя грядущихъ великихъ дней.

Во время благодарственнаго молебствія было провозглашено соборнымъ протодіакономъ В. Д. Вербицкимъ многолѣтіе Верховному Главнокомандующему и побѣдоносному Россійскому воинству.

Послѣ богослуженія Владыка посѣтилъ квартиру ректора семинаріи, гдѣ бесѣдовалъ съ собравшимися тамъ преподавателями Семинаріи.

Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ, Епархіальнаго женскаго Училища.

5-го Марта, въ четвергъ на 5-й недѣлѣ Великаго поста, Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Антоній посѣтилъ Епархіальное женское Училище и совершилъ въ немъ литургію Преждеосвященныхъ Даровъ. Владыка прибылъ въ училище въ 11^{1/2} часовъ дня и направился въ церковь, гдѣ къ тому времени были собраны воспитанницы Училища и служащія въ немъ. При входѣ Владыки въ храмъ хоромъ воспитанницъ было пропѣто входное «Достойно есть»..., а во время облаченія догматикъ «Прейде сѣнь законная»... Въ сослуженіи Владыкой литургіи участвовали: о. архимандритъ Покровскаго монастыря Раваиль, о. ключарь собора, прот. Л. Твердахлѣбовъ, о. инспекторъ классовъ, прот. І. Котовъ и о. законоучитель прот. Н. Любарскій. Все пѣснонѣніе Божественной литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ стройно и умилительно были исполнены воспитанницами старшихъ классовъ подъ управленіемъ учителя пѣнія свящ. І. Петровскаго, а стихиры на «Господи воззвахъ» числомъ 10 были исполнены попеременно правымъ и лѣвымъ хоромъ воспитанницъ. За литургіей Владыка рукоположилъ одного ставленника въ санъ діакона. Въ концѣ литургіи, по заамвонной молитвѣ,

Владыка обратился къ воспитанницамъ съ словомъ о значеніи и силѣ молитвы, которое воспитанницами и всѣми присутствующими было выслушано съ напряженнымъ вниманіемъ. Свое слово Владыка иллюстрировалъ многими мѣстами Свящ. Писанія и примѣрами изъ жизни Святыхъ, въ особенности Преп. Маріи Египетской, о житіи которой св. церковью положено читать на Андреевомъ стояніи.

По окончаніи литургіи, Владыка преподалъ благословеніе воспитанницамъ Училища и всѣмъ служащимъ и въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ и духовенства посѣтилъ квартиру Начальницы Училища, гдѣ предложенъ былъ чай. Отсюда Владыка посѣтилъ раненыхъ еоинновъ въ училищномъ госпиталѣ, расположенномъ въ 1-мъ и 2-мъ этажахъ стараго училищнаго корпуса. Здѣсь Владыка обходилъ всѣ помѣщенія раненыхъ, гдѣ милостиво разспрашивалъ каждого раненаго о томъ, гдѣ онъ былъ раненъ, откуда онъ родомъ, сколько имѣетъ лѣтъ отъ роду, какого вѣроисповѣданія. Преподавъ благословеніе раненымъ, Владыка вмѣстѣ съ сослужащими въ квартирѣ Начальницы изволилъ раздѣлить братскую трапезу. Здѣсь, по окончаніи ея, Владыкѣ были представлены сироты—галичане, изъ которыхъ 11 дѣвочекъ поступили, по предварительномъ испытаніи, для продолженія образованія въ разные классы Училища, а нѣкоторые малолѣтніе прибыли съ своею матерью изъ Галиція. Преподавъ благословеніе галичанамъ—сиротамъ и утѣшивъ ихъ ласковымъ вниманіемъ, Высокопреосвященный Антоній въ сопровожденіи членовъ Комитета посѣтилъ лазаретъ Харьковскаго епархіальнаго духовенства, расположенный въ больничномъ зданіи, во дворѣ Училища. Здѣсь Владыка обошелъ верхнее и нижнее помѣщеніе лазарета и, преподавъ благословеніе сопровождавшимъ лицамъ, около 4 часовъ отбылъ въ Архіерейскій домъ.

Инспекторъ классовъ, Протоіерей *Іоаннъ Котовъ*.

ИНОПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Непрерывное моленіе о дарованіи побѣды.

По благословенію митрп. Владимира Петроградскаго монашествующіе всѣхъ подворій Петроградскихъ установили непрерывное моленіе, день и ночь, о дарованіи побѣды и объ уврачеваніи ранъ

воинновъ и о поминовеніи воинновъ, положившихъ жизнь на полѣ брани. Мѣстомъ этихъ моленій, дневныхъ и ночныхъ, избрано Старо-Аѳонское подворье, на Пескахъ.

6 февраля, въ 1 часъ дня эти моленія начаты преосвящ. Геннадіемъ, епископомъ Нарвскимъ. Предъ началомъ моленія Владыка обратился къ молящимся съ словомъ назиданія, въ которомъ убѣждалъ къ усердной молитвѣ за воинновъ монашескую братію и приглашалъ къ этой непрерывной молитвѣ и мірянъ.

Послѣ молебна, совершеннаго архіереемъ, чудотворная икона Б. М. была перенесена въ нижній храмъ подворья, гдѣ и будутъ служить непрерывные молебны и панихиды. Въ присутствіи Владыки и монашествующихъ былъ отслуженъ первый молебенъ, и храмъ былъ ереполненъ молящимися. Послѣ молебна Владыка благословилъ народъ и отбылъ съ подворья.

Къ прославленію свят. Іоанна, митрополита Тобольскаго

Прославленіе святителя Іоанна, митрополита Тобольскаго и Сибирскаго, готовится ко дню 200-лѣтія его блаженной кончины—къ 10 іюня н. г. Какъ извѣстно, отъ жителей г. Тобольска поступило на Высочайшее имя о семъ прошеніе, а отъ Преосвященнаго Тобольскаго Варнавы особый докладъ въ Св. Синодъ.

По докладѣ того и другого Государю Императору послѣдовало Высочайшее соизволеніе на разсмотрѣніе этого дѣла въ Св. Синодѣ. Въ настоящее время Св. Синодъ поручилъ Преосвященному Варнавѣ образовать подъ своимъ предѣлательствомъ особую комиссію для изслѣдованія случаевъ чудотвореній, совершившихся по молитвенному предъ Богомъ предстательству святителя Іоанна.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Р У С Ъ.

Въ голодѣ, въ холодѣ—схудная, сѣрая,
Грѣшная хмельной гульбой,
Ты ль это, крѣпкая, съ силою, съ вѣрою
Нынѣ возсталъ на бой?

Ты ль это грозно—волной перекатною
 Бросила гнѣвную рать,
     О необъятная—о непонятная—
     Въ пламени яркомъ заря незакатная,
     Наша великая мать!..
 Ты—точно море, что бездною зыбкою
 Крестъ свои жемчуга—
 Ты—точно Волга, что съ кроткой улыбкою
 Нѣжить волной берега—
     Ждешь, когда вѣтры завоютъ налетные,
     Ждешь половодной весны,
     Чтобы явить тогда міру—несчетные
     Грозно-прекрасные сны!
     Туча надвинулась.... Нивы убогія
     Скрыла великая тѣнь.
 Вдругъ—подымается—гордые, строгіе
 Духомъ—высокіе, силою—многіе
 Дѣти твоихъ деревень.
 Вдругъ—безъ конца, безъ предѣла нежданна,
     Деньги рѣкой потекли...
 Гдѣ жъ они,—нищіе, темные, пьяные
     Дѣти убогой земли?
 И всенародною страдой омытая—
     Вся-то чиста до бѣла,
 Мощью вѣнчанная, славой повитая
     Ты свою рать повела...
 Въ свѣтъ кровавой врага ослабѣлаго
     Ты погнала предъ собой...
 Ты—это ты; быстролетнаго, смѣлаго
 Сына любимаго—кречета бѣлаго
     Слала въ подоблачный бой...
 Въ мирѣ—смиренная, въ битвѣ—отважная,
     Браше завѣтной мечты,—
 Въ бранной порфирѣ царица сермяжная—
     Русь—это ты!..

Матуш.

(„В. 3.“)

Библиографическая замѣтка.

Дѣтская книга и для взрослыхъ по Закону Божию, Н. Парадіева.

«Дѣтская книга и для взрослыхъ по Закону Божию» Н. Парадіева представляетъ краткій учебникъ по Закону Божию, излагающій молитвы, рассказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, Символь вѣры и заповѣди десятигословія.

Матеріаль этотъ, по выраженію автора, расположенъ въ методическомъ порядкѣ. Методъ, котораго держался составитель разбираемой нами книжки,—концентрической, и книжка Парадіева представляетъ не совсѣмъ удачную попытку осуществить требованія этого метода, очень стройнаго въ теоріи, но трудно осуществимаго на практикѣ.

Учебный матеріаль книги раздѣляется на три части (года).

Первый годъ: молитвы въ русскомъ переводѣ—Господи благослови, краткая—Сыну Божию, трисвятое, святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, слава Отцу и Сыну и святому Духу нынѣ, всегда и «въ вѣки вѣчныя», Пресвятая Троице, молитва Святому Духу, и почему то здѣсь же помѣщена первая заповѣдь десятигословія.

Далѣе изложены священо—историческія повѣствованія—дванадцатыхъ праздниковъ, притчи: о милосердномъ самарянинѣ, о блудномъ сынѣ, «о милосердномъ и безжалостномъ», о мытарѣ и фарисеѣ, а также—исцѣленіе дочери Хананеянки, Страшный Судъ, воскрешеніе Лазаря, Тайная Вечеря, страданія и смерть Христа Спасителя.

Въ заключеніе этой части изложены молитвы (начальныя въ порядкѣ, принятомъ Православною Церковію на славянскомъ языкѣ).

Въ связи съ священо—историческими повѣствованіями, какъ и требуется концентрическимъ методомъ, авторомъ помѣщены молитвы, члены Символа вѣры, заповѣди Десятигословія и свѣдѣнія по богослуженію (время праздниковъ, нѣкоторые обряды, тропари нѣкоторыхъ праздниковъ).

Нѣкоторыя молитвы помѣщены послѣ священо—историческихъ рассказовъ, съ которыми онѣ дѣйствительно имѣютъ логическую связь, что требуется концентрическимъ методомъ, напримѣръ: послѣ Введенія во храмъ—молитва «Достойно есть», послѣ Благовѣщенія «Вородице Дѣво радуйся», послѣ притчи о «Мытарѣ и Фарисеѣ»—молитва мытаря. Но нѣкоторыя молитвы, точнѣе сказать большинство, а также заповѣди помѣщены послѣ повѣствованій, съ которыми не

имѣютъ логической ближайшей связи; напр. послѣ Благовѣщенія помѣщена вся молитва Господня и всѣ заповѣди. Еще больше странной является такая концентрація учебнаго матеріала: послѣ притчи о Мытарѣ и Фарисеѣ помѣщены: молитва за Царя и Отечество, молитва за живыхъ и умершихъ и молитва—огради мя, Господи, силою честнаго и животворящаго креста. Какимъ образомъ вышеуказанныя молитвы и особенно молитва за Царя и Отечество могутъ ассоціироваться съ притчей о Мытарѣ и Фарисеѣ, рѣшительно непонятно.

Наиболѣе удовлетворяетъ требованіямъ концентрическаго метода размѣщеніе членовъ Символа вѣры, но авторъ почему—то совершенно опустилъ первый и второй члены Символа вѣры въ этой части этой книги, что едва-ли можно признать правильнымъ. Не давъ дѣтямъ понятія о Богѣ, Отцѣ, Творцѣ и Промыслителѣ міра, а также о грѣхопаденіи людей и обѣтованіи о Спасителѣ, непонятно, какъ можетъ законоучитель перейти къ изученію священо—историческихъ повѣствованій о Христѣ Спасителѣ міра.

Къ недостаткамъ этой части книжки, по нашему мнѣнію, надо отнести также изложеніе молитвъ въ продолженіи всего курса въ русскомъ переводѣ. По замыслу автора, ученики должны, слѣдовательно, цѣлый годъ заучивать молитвы на русскомъ языкѣ и только въ концѣ года переучивать молитвы по славянски. Такой способъ можетъ привести къ тому, что ко второму году обученія дѣти не будутъ твердо знать молитвы ни по—русски, ни по—славянски.

Въ виду вышеизложеннаго первая часть (годъ) книжки Парадіева должна быть признана составленной неудачно. Болѣе удачно изложенъ матеріалъ учебный во второй и третьей частяхъ.

Въ этихъ частяхъ авторъ, оставивъ въ сторонѣ мудренныя правила концентрическаго метода, излагаетъ учебный матеріалъ въ т. н. послѣдовательномъ порядкѣ.

Начинается вторая часть книжки изложеніемъ молитвъ, которыхъ дѣти не могли выучить въ 1-мъ году,—утренней, вечерней, предъ ученіемъ, послѣ ученія, Евфрема Сирина и др. Молитвы изложены на славянскомъ языкѣ съ параллельнымъ русскимъ переводомъ.

Далѣе излагаются краткіе рассказы изъ Священной Исторіи Вѣтнаго Завѣта, объединенныя идеей о Мессіи, сообщающей этому курсу стройность и цѣльность.

Въ третьей части изложены Символь вѣры и заповѣди, на славянскомъ языкѣ съ краткими объясненіями.

Какъ на достоинство книжки должно указать краткость, удобопонятность и живость изложенія священо—историческихъ разсказовъ, дѣлающія книжку въ этой части доступной для дѣтей самаго младшаго возраста.

Резюмируя все сказанное, приходимъ къ такому заключенію:

1) Книжку Парадіева можно признать пригодной при изученіи священной исторіи для учащихся пригготовительнаго класса гимназій и начальныхъ училищъ.

2) Совсѣмъ не пригодна эта книжка въ смыслѣ учебника для церковно—приходскихъ школъ, такъ какъ рѣшительно не удовлетворяетъ программамъ этихъ школъ, требующимъ болѣе подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній и по Священной Исторіи, и катихизису и особенно по богослуженію, каковой отдѣлъ въ книгѣ Парадіева совершенно опущенъ.

3) Мало найдетъ для себя полезнаго и назидательнаго въ книжкѣ Парадіева и взрослый, который съ большей пользою можетъ читать Священное Писаніе въ подлинникѣ.

Протоіерей *Петръ Скубачевскій*.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Художникъ КОТЕЛЬНИКОВЪ

предлагаетъ свои услуги для исполненія иконостасныхъ и вообще церковныхъ работъ.

Имѣетъ рекомендательные отзывы о его очень хорошемъ и добросовѣстномъ выполненіи заказываемыхъ ему работъ:

1) Отъ Преосвященнаго Епископа Исидора, живущаго въ Черниговскомъ Елецкомъ монастырѣ, за иконостасныя и иконописныя художественныя работы—1902 г.

2) Отъ Черниговскаго тюремнаго Инспектора за возобновеніе иконостаса и устройство новыхъ кіотовъ въ тюремную Петропавловскую церковь съ художественнымъ исполненіемъ работы и за выдержку стиля—1910 г.

3) Отъ причта Архангело-Михайловскаго собора г. Остра, Чер-

ниговской епархіи за добросовѣстно, аккуратно и тщательно исполненныя работы по устройству кіотовъ. Въ отзывѣ этомъ сказано, что устроенный художникомъ Котельниковымъ иконостасъ, простоявъ 10 лѣтъ, не измѣнилъ своего вида.

4) Отъ Воскресенской церкви с. Карпиловки, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ. за художественно исполненный пятиярусный иконостасъ.

Адресъ: *Г. Остеръ, Черниговской губерніи. Татаровская ул. д. Подвысоцкой. Ея Высокоблагородію, Г-жѣ О. Барановской для художника Котельникова.*

Открыта подписка на 1915 годъ

на еженедѣльный, литературный, художественно-иллюстрированный журналъ

НАША РУСЬ.

Подписчики получаютъ въ теченіе подписного года

- 52 №№ журнала: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и пр съ рисунками и иллюстраціями.
- 52 Картины Великой Войны Народовъ. Русскихъ, англійскихъ и французскихъ художниковъ, размѣромъ 80×40 сант.
- 12 Книгъ полнаго собранія сочиненій И. С. Тургенева.
- 12 Книгъ литературно-художественныхъ произведеній полн. собранія сочиненій Л. Н. Толстого, Война и Миръ. Анна Каренина и пр.
- 12 Иллюстрированныхъ книгъ ВСЕМІРНАЯ ВОЙНА.
- 12 Книгъ библіотеки „Знаніе“.
- 4 Книги галлерей русскихъ героевъ. Эпизоды отдѣльныхъ сраженій, рисунки, портреты нашихъ героевъ, описаніе ихъ подвиговъ.

Подписная цѣна на журналъ со всеми приложеніями, безъ доставки 5 р. 50 к.; съ доставкой въ Петроградъ и Москвѣ 6 руб. Съ пересылкою по всей Россіи 7 руб. За границу 10 руб.

Допускается разсрочка въ 2, 3 и 4 срона.

Въ 2 срока: При подпискѣ 4 р. 1 Юня 3 р. Въ 3 срока: При подпискѣ 3 р. 1 Апрѣля 2 р. 1 Юня 2 р. Въ 4 срока: При подпискѣ 2 р. 1 Марта 2 р. 1 Мая 2 р. 1 Юня 1 р.

Служащимъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ (не менѣе 10 абонентовъ) разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. За пріемъ подписки книжнымъ магазинамъ скидка 5%.

Деньги и требованія адресовать въ контору Редакціи журнала „НАША РУСЬ“

Петроградъ, Чернышевъ пер., д. 24, кв. 8.

Издатель Дворянинъ *И. И. Пославскій.*

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Біографическій очеркъ Свящ. Т. Вуткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“, Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владычара Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ въ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Бертековскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мѣрякъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“, Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Вуткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“, К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи на Ватиканскомъ соборѣ (1869—70 гг.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Вуткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Адеологическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Вуткевича.— „Статьи объ агириствѣ. Проф. А. Д. Вѣляева.— „Книга Руецъ“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго епископа Грузія).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Вуткевича.— „Естественное Богосознаніе“. Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Вуткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. И. Струвѣ.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шатрова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— „Ученіе по космологіи. Проф. В. Д. Кудринцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщались были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фудье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и собращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковѣ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжечекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые выданные листы, съ точными обозначеніями статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.